

ВЕСТНИК
Сибирского юридического института
МВД России

№ 4 (45)
2021

ISSN 2542-1735

Научно-практический журнал

Подписной индекс «Пресса России» 33356
Выходит 4 раза в год
Учредитель и издатель
Сибирский юридический институт МВД России

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации ПИ N ФС77-68860 от 28 февраля 2017 г.).

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей:

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки),

12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки),

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки),

12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки),

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки),

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (юридические науки),

12.00.14 – Административное право; административный процесс (юридические науки).

Включен в систему РИНЦ (договор N 207-05/2017).

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов, точность цитат несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Воспроизведение материалов, полная или частичная перепечатка без письменного разрешения редакции преследуются по закону.

Редакционный совет:

председатель – Ким Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель председателя – Цуканов Николай Николаевич, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна, заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела – начальник отделения (редакторское отделение) Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

члены редакционного совета:

Авакьян Сурен Адибекович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва) (по согласованию);

Адольф Владимир Александрович – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания и Сибирской академии наук высшей школы, действительный член Академии информатизации образования Российской Федерации, заведующий кафедрой педагогики, директор института физической культуры, спорта и здоровья имени И.С. Ярыгина Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева (г. Красноярск) (по согласованию);

Азаров Владимир Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского (г. Омск) (по согласованию);

Бахта Андрей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, директор Омского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Омск) (по согласованию);

Безруков Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России (г. Москва) (по согласованию);

Гришаев Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской академии естественных наук, директор Красноярского филиала Академии труда и социальных отношений (г. Красноярск) (по согласованию);

Железняк Николай Семенович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Комлев Юрий Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России (г. Казань) (по согласованию);

Кондрашев Андрей Александрович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск) (по согласованию);

Кухта Андрей Андреевич – доктор юридических наук (г. Красноярск) (по согласованию);

Медведев Игорь Анатольевич – начальник Санкт-Петербургского суворовского военного училища МВД России (г. Санкт-Петербург) (по согласованию);

Чечётин Андрей Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России (г. Барнаул) (по согласованию);

Шабанов Вячеслав Борисович – доктор юридических наук, профессор, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь) (по согласованию);

Шеслер Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Кузбасского института ФСИН России (г. Новокузнецк);

Шишко Ирина Викторовна – доктор юридических наук, директор Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск) (по согласованию).

VESTNIK
of Siberian Law Institute
of the MIA of Russia

N 4 (45)
2021

ISSN 2542-1735

Scientific and practical journal

Subscription index "The Press of Russia" 33356

The journal is issued four times a year

Founder and publisher

Siberian Law Institute of the MIA of Russia

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor) (Registration Certificate PI N FS77-68860 from February 28, 2017).

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific journals for publishing the main scientific results of dissertations for the degree of Ph.D. (Doctor and Candidate of Sciences) on the following groups of specialties:

- 12.00.01 – Theory of State and Law; history of the studies on law and state (legal sciences),*
- 12.00.02 – Constitutional Law; constitutional judicial process; municipal law (legal sciences),*
- 12.00.08 – Criminal Law and Criminology; penal execution law (legal sciences),*
- 12.00.09 – Criminal Procedure (legal sciences),*
- 12.00.11 – Judge's Activity, prosecutor's activity, human rights and law enforcement activity (legal sciences),*
- 12.00.12 – Criminalistics; forensic activities; operational-search activity (legal sciences),*
- 12.00.14 – Administrative Law; administrative procedure (legal sciences).*

Journal indexing: RINTS contract N 207-05/2017.

Authors are responsible for the contents of an article, the reliability of using facts and quotations. The opinion of the editors may differ from the authors' opinions.

The reproduction of the materials, complete or partial reprinting without the editors' permit will be prosecuted under the law.

Editorial Council:

Chairman – Dmitry V. Kim, Doctor of Law, Professor, Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Deputy Chairman – Nikolay N. Tsukanov, Doctor of Law, Ass. Professor, Deputy Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (on Research Work) (Krasnoyarsk);

Executive Secretary – Yuliya V. Leont'yeva, Deputy Head of Scientific-Research and Editorial-Publishing Department, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Editorial Council Members:

Suren A. Avakyan – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Department of Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow) (on agreement);

Vladimir A. Adolf – Doctor of Education, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History and Siberian Higher Education Academy of Sciences, Full Member of Academy of Computerization of Education of the Russian Federation, Head of the Department of Pedagogics, Director of Institute of Physical culture, sport and health named after I.S. Yarygin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astaf'yev (Krasnoyarsk) (on agreement);

Vladimir A. Azarov – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky (Omsk) (on agreement);

Andrey S. Bakhta – Doctor of Law, Professor, Director of the Omsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Omsk) (on agreement);

Andrey V. Bezrukov – Doctor of Law, Ass. Professor, chief research officer of the Department for Study of Strategic Management Problems, the Scientific and Research Center, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow);

Sergey V. Grishaev – Doctor of Sociology, Full Member of Russian Academy of Natural Sciences, Director of the Krasnoyarsk branch of the Academy of Labor and Social Relations (Krasnoyarsk) (on agreement);

Nikolay S. Zheleznyak – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Operational-Search Activity, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Yuriy Yu. Komlev – Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology, Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Kazan) (on agreement);

Andrey A. Kondrashev – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional, Administrative and Municipal Law of the Law Institute of the Siberian Federal University (Krasnoyarsk) (on agreement);

Andrey A. Kukhta – Doctor of Law (Krasnoyarsk) (on agreement);

Igor A. Medvedev – Head of the St. Petersburg Suvorov Military School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (St. Petersburg) (on agreement);

Andrey Ye. Chechyotin – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Operational-Search Activity of the Internal Affairs Bodies, Barnaul Law Institute of the MIA of Russia (Barnaul) (on agreement);

Vyacheslav B. Shabanov – Doctor of Law, Professor, Full Member of Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Head of the Department of Criminalistics, Belarusian State University (Minsk) (on agreement);

Alexander V. Shesler – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kuzbass University of Federal Service for the Execution of Sanctions of Russia (Novokuznetsk) (on agreement);

Irina V. Shishko – Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Siberian Federal University (Krasnoyarsk) (on agreement).

Содержание

Теория и практика правоохранительной деятельности

<i>Диваев А.В.</i> Разумность сроков уголовного судопроизводства – условие эффективности уголовно-процессуального воздействия	9
<i>Судницын А.Б.</i> Использование понятия «раскрытие преступления» для определения задач предварительного расследования	18
<i>Попов А.И.</i> Реализация принципа свободы договора в административно-договорных правоотношениях	26
<i>Железняк Н.И.</i> О несогласованности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»	33
<i>Маторин М.А., Маторина Ю.Н., Турбина О.В.</i> Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера: актуальные проблемы и вопросы применения	38
<i>Космодемьянская Е.Е.</i> К вопросу о системе тактических задач расследования контрабанды леса и лесоматериалов и возможных средствах их решения в различных следственных ситуациях	46
<i>Деменев С.Ю., Мельников Е.Б.</i> Классификация и устранение неисправностей накопителей информации на жестких магнитных дисках при производстве компьютерных экспертиз	52
<i>Репин А.В.</i> Некоторые дискуссионные вопросы понятийного аппарата теории преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений	61

Противодействие наркоугрозе: проблемы, пути решения

<i>Иванов П.И.</i> Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года и роль органов внутренних дел в её реализации	67
<i>Дудина Н.А.</i> Нарколиберализм как опасная тенденция в сфере контроля за оборотом наркотиков	75
<i>Токманцев Д.В.</i> К вопросу о понятии изготовления и переработки наркотических средств (ст. 228 УК РФ)	81

Зарубежный опыт

<i>Земцова С.И.</i> Контроль и запись переговоров в отдельных государствах Центральной Америки и России	87
<i>Муксинова А.Ф.</i> Законодательное регулирование цифровой валюты в российском, международном и зарубежном законодательстве	95
<i>Моисеев С.В.</i> Реализация политики «жесткого удара» по экстремизму и терроризму в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая	104
<i>Гамзина А.В.</i> Оперативно-розыскное противодействие преступности несовершеннолетних за рубежом (на примере Соединенных Штатов Америки)	110

Взгляд. Размышления. Точка зрения

<i>Ишеков К.А., Дорогин Р.В.</i> Органы принудительного исполнения в российской системе государственной власти: эволюция, состояние, перспективы развития	116
<i>Безруков А.В., Мещеряков А.Н.</i> О представительном подходе к пониманию единой системы публичной власти и его реализации в российском законодательстве	125
<i>Огарь Ю.А.</i> Возбуждение уголовного дела и начало уголовного преследования: проблемы соотношения	133

Галимова М.А., Астахова А.О., Акиев А.Р. Административный надзор за лицами, освободившимися из мест лишения свободы: правовая регламентация и проблемы реализации	141
Христинина Е.В. К вопросу об уголовно-правовом противодействии киберпреступности	150
Лузько Д.Н. Некоторые правовые и тактические аспекты проведения оперативного внедрения	155
Кудра Д.М. Некоторые вопросы информационного обеспечения деятельности оперативных подразделений по розыску несовершеннолетних, пропавших без вести и самовольно ушедших из семьи или специализированного государственного учреждения	161
Волынкин Е.Н. О содействии общественности в противодействии преступности несовершеннолетних	168
Малыгина О.В., Рукавишников Г.А. К вопросу о некоторых психологических приемах установления контакта сотрудниками органов внутренних дел с источниками оперативной информации	176
Гусев В.А., Бекетов О.И. Проявления «чрезвычайного» в административном праве и практике государственного управления	184

Дискуссионная трибуна соискателей ученых степеней и званий

Назаров А.Д., Баянов А.И., Мажинский В.А. О целесообразности проведения следственных действий, предполагающих получение показаний, в ночное время при наличии случаев, не терпящих отлагательства	190
Михайлов А.Н. Эволюция процессуальной формы освобождения от уголовной ответственности, наказания в связи с изменением обстановки в российском уголовно-процессуальном законодательстве XX-XXI веков	197
Лапша В.Л. Категория «риск» как междисциплинарная в науках уголовно-правового цикла	205
Садовых К.В. Общественная опасность незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции: вредоносность и прецедентность	210

Contents

Theory and Practice of Law Enforcement Activity

<i>Divaev A.B.</i> Reasonable time for criminal proceedings – a condition for the effectiveness of criminal procedure	9
<i>Sudnitsyn A.B.</i> The use of the concept of «crime solution» to define the tasks of the preliminary investigation	18
<i>Popov A.I.</i> Implementation of the principle of freedom of contract in administrative and contractual legal relations	26
<i>Zheleznyak I.N.</i> On the inconsistency of certain provisions of the Federal Law “On Operational-Search Activity”	33
<i>Matorin M.A., Matorina Yu.N., Turbina O.V.</i> Court fine as another measure of a criminal-legal nature: current problems and issues of application	38
<i>Kosmodemyanskaya E.E.</i> To the issue of the system of tactical tasks in investigating the smuggling of timber and timber products and possible means of solving them in various investigative situations	46
<i>Demenev S. Yu., Melnikov E.B.</i> Classification and elimination of malfunctions of data storage devices on hard magnetic disks in the production of computer forensics	52
<i>Repin A.V.</i> Some debatable issues of the conceptual apparatus of the theory of overcoming counteraction to the detection and investigation of crimes	61

Counteraction to Drug Treat: Problems and Ways of their Solution

<i>Ivanov P.I.</i> Strategy of the State Anti-Drug Policy of the Russian Federation for the period up to 2030 and the role of internal affairs bodies in its implementation	67
<i>Dudina N.A.</i> Drug liberalism as a dangerous trend in the sphere of drug control	75
<i>Tokmantsev D.V.</i> On the question of the concept of manufacture and processing of narcotic drugs (Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation)	81

Foreign Experience

<i>Zemtsova S.I.</i> Control and recording of conversations in some countries of Central America and Russia	87
<i>Muksinova A.F.</i> Legal regulation of crypto currency in international law, Russian and foreign legislation	95
<i>Moiseev S.V.</i> Implementation of the «Strike Hard» policy on extremism and terrorism in Xinjiang Uyghur autonomous region of China	104
<i>Gamzina A.V.</i> Operational search response to juvenile delinquency abroad (on the example of the United States of America)	110

Views. Reflections

<i>Ishekov K.A., Dorogin R.V.</i> Enforcement bodies in the Russian system of state power: evolution, state, development prospects	116
<i>Bezrukov A.V., Meshcheryakov A.N.</i> On the representative approach to understanding the unified system of public power and its implementation in Russian legislation	125
<i>Ogar Y.A.</i> Initiation of criminal proceedings and initiation of criminal prosecution: problems of correlation	133

<i>Galimova M.A., Astakhova A.O., Akiev A.R.</i> Administrative supervision of persons released from places of detention: legal regulation and problems of implementation	141
<i>Hristinina E.V.</i> On the issue of criminal justice response to cybercrime	150
<i>Luzko D.N.</i> Some legal and tactical aspects of conducting operational implementation	155
<i>Kudra D.M.</i> Some issues of information support activity of operational units on the search for minors missing and arbitrarily left the family or specialized state institution	161
<i>Volynkin E.N.</i> On public assistance in combating juvenile delinquency	168
<i>Malygina O.V., Rukavishnikov G.A.</i> To the question about some psychological techniques of establishing contact between the officers of internal affairs bodies and sources of operational information	176
<i>Gusev V.A., Beketov O.I.</i> Phenomenons of «extraordinary» in administrative law and public administration practice	184

Discussion Forum for Competitors for Academic Degrees and Academic Ranks

<i>Nazarov A.D., Bayanov A.I., Mazhinskiy V.A.</i> On the expediency of carrying out investigative actions suggesting obtaining testimony at night time in urgent cases	190
<i>Michailov A.N.</i> Evolution of the procedural form of release from criminal liability, punishment in connection with the change of the situation in the Russian criminal procedural legislation of the XX-XXI centuries	197
<i>Lapsha V.L.</i> Category of “risk” as an interdisciplinary one in sciences of criminal legal cycle	205
<i>Sadovykh K.V.</i> Public danger of illegal production and (or) turnover of ethanol, alcoholic and ethanol-containing products: harmfulness and precedence	210

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.1

Александр Борисович ДИВАЕВ,
декан юридического факультета Кузбасского института
Федеральной службы исполнения наказаний
(г. Новокузнецк), кандидат юридических наук, доцент
divalex09@mail.ru

РАЗУМНОСТЬ СРОКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА – УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

REASONABLE TIME FOR CRIMINAL PROCEEDINGS – A CONDITION FOR THE EFFECTIVENESS OF CRIMINAL PROCEDURE

В статье исследуется проблема осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок. Автор, рассматривая данный принцип уголовного процесса, отмечает, что требования, касающиеся срока производства по уголовному делу, справедливо отражены в законе, так как они представляют важнейшее условие эффективного уголовно-процессуального воздействия. Однако в том виде, в котором эти требования сформулированы в ст. 6.1 УПК РФ в настоящее время, они не являются достаточно эффективными.

На основе анализа судебных актов и норм УПК РФ в исследовании делаются выводы о необходимости совершенствования уголовно-процессуального законодательства для полноценной реализации указанного принципа в уголовном судопроизводстве России.

The article examines the problem of criminal proceedings within a reasonable time. The author, considering this principle of criminal procedure, notes that the requirements regarding the length of the criminal proceedings are fairly reflected in the law, as they are an essential condition for an effective criminal procedure. However these requirements are not quite effective in the form they are currently formulated in Art. 6.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Based on the analysis of judicial acts and norms of the of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the study draws conclusions on the need to improve criminal procedure legislation for the full implementation of this principle in criminal proceedings in Russia.

Ключевые слова: разумный срок, эффективность уголовно-процессуального воздействия, требования быстроты, ускоренное производство, досудебное производство, процессуальный срок, принцип уголовного судопроизводства.

Keywords: reasonable time, effectiveness of criminal procedural actions, requirements of speed, expedited proceedings, pre-trial proceedings, procedural period, principle of criminal proceedings.

Проблемы толкования и реализации положений ст. 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. (далее – УПК РФ), предусматриваю-

щей сравнительно новую новую для нашего законодательства категорию «разумный срок уголовного судопроизводства», на протяжении последнего десятилетия остаются одной

из самых востребованных проблем уголовно-процессуальной науки. Залогом того, в первую очередь, может считаться то количество научных исследований, которое было опубликовано с момента появления этой нормы закона в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства [1-7; 10].

Не менее «популярна» эта категория и в практической среде. При этом, в первую очередь, здесь речь должна идти о высших судебных органах нашей страны: с тех пор как принцип разумного срока уголовного судопроизводства нашел закрепление в законе, на их уровне не прекращается достаточно интенсивная работа, направленная на поиск наиболее оптимальных вариантов разрешения проблем, возникающих в связи с его применением. Так, в частности, Конституционный Суд РФ в ряде своих постановлений¹ обратил внимание законодателя на противоречивый характер некоторых норм действующего уголовно-процессуального закона, который, с одной стороны, определенно включает стадию возбуждения уголовного дела в систему уголовного судопроизводства в качестве одной из его досудебных стадий (п.п. 9 и 56 ст. 5 УПК РФ), а с другой – в первоначальной редакции ст. 6.1 УПК РФ не предусматривал возможности учета периода со дня подачи заявления и до момента возбуждения уголовного дела о данном преступлении при определении разумности срока производства по уголовному делу, что было признано не соответствующим Конституции РФ и повлекло изменение закона в части его включения в срок уголовного судопроизводства.

Ведет работу по совершенствованию системы гарантий прав граждан на рассмотрение судебных (и в том числе уголовных) дел в разумный срок и Верховный Суд РФ. Достаточно сказать, что «профильное» постановление Пленума Верховного Суда от 29 марта 2016 г. N 11 «О некоторых вопросах,

возникающих при рассмотрении дел о приговоре компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» совсем недавно, а именно в июне 2021 г., подверглось модернизации, дав ряд разъяснений по вновь возникшим вопросам судебной практики.

В чем же причина столь высокой «популярности» вопросов, связанных с определением разумности сроков уголовного судопроизводства? Обычно в этой связи принято говорить о двух причинах: новизне и заимствованном характере этой категории. Рассмотрим каждый из указанных тезисов.

Начнем с первого: категория «разумный срок уголовного судопроизводства» – это новая категория для нашего законодательства, что требует повышенного внимания к содержанию ст. 6.1. УПК РФ и практике применения этой нормы. И, в принципе, на первый взгляд этот тезис не может вызывать каких-либо возражений, т.к. указанная норма уголовно-процессуального закона была введена в действие Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. N 273-ФЗ, т.е. чуть более 10 лет назад, что, несомненно, говорит о новизне категории «разумный срок» применительно к нашему уголовно-процессуальному законодательству. Хотя, если пристальнее всмотреться в содержание ранее действовавших кодифицированных уголовно-процессуальных актов, придется констатировать, что эта новизна весьма условна, т.к. в них обнаруживается ряд норм, схожих по смыслу со ст. 6.1 УПК РФ.

В частности, еще в ст. 295 Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. провозглашалось: «Предварительные следствия должны быть производимы со всевозможной скоростью. Производство их не останавливается и в табельные или воскресные дни, если обстоятельства дела того потребуют». Данное положение, конечно,

¹ По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б.А. Сотникова : постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.2019 N 23-П // Собрание законодательства РФ. 2019. N 25. Ст. 3315; По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э.Р. Юровских : постановление Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 N 6-П // Собрание законодательства РФ. 2020. N 6. Ст. 743.

нельзя полностью назвать тождественным современному требованию разумности срока уголовного судопроизводства хотя бы в силу того, что касалось оно только одной части уголовного судопроизводства – предварительного следствия, которое, хотя и составляло часть судебной деятельности по уголовному делу, но все же носило предварительный характер. Кроме того, вполне очевидно, что применительно к срокам производства процессуальной деятельности требование быстроты носит явно односторонний характер, так как не все произведенное в уголовном процессе быстро одновременно носит разумный характер. Разумность в данном контексте – это не просто быстрота, но и качество производства, между которыми должен существовать баланс, и производство по делу, осуществленное с «неразумной» быстротой, вряд ли может считаться произведенным в разумные сроки. Однако, несмотря на это, думается, что опровергнуть смысловую связь между этой нормой уголовно-процессуального закона XIX в. и положениями современной ст. 6.1. УПК РФ достаточно сложно.

Значительный прогресс в обеспечении гарантий не только быстрого, но и одновременно качественного расследования уголовного дела был достигнут вместе с принятием УПК РСФСР 1922 г. Если в положениях имперского Устава во главу угла ставилась исключительно скорость производства (количественный критерий), то уже в первом советском кодифицированном уголовно-процессуальном законе помимо нее, применительно к сроку предварительного следствия, предъявлялось требование обеспечения полноты расследования уголовных дел (качественный критерий). На такой вывод наталкивает содержание ст. 127 УПК РФ, согласно которой по постановлению Губернского совета народных судей производство следствия могло быть передано из одного следственного участка в другой, в том числе и при условии, что такой передачей может быть достигнуто более «скорое и при том более полное расследование дела». Похожая норма впоследствии появилась и в содержании УПК РСФСР 1923 г. (ст. 124).

Ну и «венцом» развития системы гарантий советского уголовно-процессуального законодательства от следственной волокиты стали положения ч. 1 ст. 2 УПК РСФСР 1960 г., которая в качестве задач всего уголовного судопроизводства установила «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден». По сути, и здесь нужно согласиться с М.С. Строговичем, требования, предъявляемые к срокам осуществления процессуальной деятельности, впервые из нормы специального действия превратились в принципиальные уголовно-процессуальные положения, стали, в трактовке автора, элементом принципа материальной (объективной) истины [9, с. 133].

Таким образом, хотя категория «разумный срок уголовного судопроизводства» и может рассматриваться как новое уголовно-процессуальное понятие, говорить о его новизне можно с определенной степенью условности: все-таки правовые требования, предъявляемые к срокам производства по уголовному делу, – это достаточно традиционное для нашего уголовно-процессуального законодательства явление.

Теперь остановимся на втором тезисе, связанном с истоками происхождения категории «разумный срок», которые покоятся не в нашем внутригосударственном, а в международном праве.

В общем-то признано, что введение в уголовно-процессуальное законодательство России этого не совсем привычного для нашей правовой традиции понятия во многом обусловлено исполнением международных обязательств, принятых на себя нашим государством в ходе взаимодействия с европейскими межгосударственными структурами. Об этом, например, прямо пишет О.С. Шепелева, которая именно этим объясняет принятие Федерального закона от 30 апреля 2010 г. N 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в раз-

умный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», одновременно с которым в разделе II УПК РФ появились и ст. 6.1 УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства», и сама категория «разумный срок» [8, с. 135].

Однако такая постановка проблемы неминуемо требует ответа на вопрос о том, а имело ли внедрение категории «разумный срок уголовного судопроизводства» в наше внутригосударственное законодательство под собой что-то еще, кроме исполнения неких международных обязательств, какую бы то ни было объективную основу.

Известно, что введение в правовой обиход новой терминологии, тем более если речь идет о ее легальном воплощении, требует чрезвычайной осторожности и тщательной подготовки. По крайней мере, законодатель должен четко понимать, для чего тот или иной термин вводится в закон, уяснить его значение для себя, адекватно передать смысл данного термина в положениях соответствующей нормы закона и истолковать его для правоприменителя, донести истинный смысл новой терминологии. В противном случае ничего кроме головной боли новеллы закона правоприменителю предложить не смогут.

Указанные требования вдвойне актуальны, если вести речь о заимствованной правовой терминологии. Здесь, помимо всего прочего, законодателю требуется решить вопрос с сопряжением заимствований и традиционных правовых положений, а также учесть национальные правовые реалии, дабы заимствованная новелла не выглядела на фоне остальных норм «белой вороной» и была востребована практикой.

Кроме того, если заимствованный термин приходит на смену традиционным национальным правовым категориям, не мешало бы предварительно оценить потенциал использования традиционных понятий: может быть он еще не исчерпан, и при определенной модернизации привычная терминология вполне станет отвечать современным реалиям и еще будет способна «послужить».

Попытаемся с этих позиций рассмотреть объективную обусловленность использова-

ния категории «разумный срок уголовного судопроизводства» нашим законодательством.

Итак, во-первых, категория «разумный срок уголовного судопроизводства», безусловно, относится к числу заимствованных нашим законодательством. Никогда вплоть до 2010 г. эта категория не использовалась нашим законодателем и ни разу не фигурировала ни в одном советском или российском нормативно-правовом акте. Впервые этот термин прозвучал в положениях ст. 6 Конвенции о защите прав и основных свобод 1950 г. в контексте справедливого судебного разбирательства как одно из его условий: «Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона». Обратим на это внимание: в отличие от нашего законодательства, где «разумный срок уголовного судопроизводства» – это принцип уголовного судопроизводства, в международно-правовом смысле «разумность срока» производства по делу и исполнения судебного решения используется исключительно в контексте судебного разбирательства, служа одним из критериев его справедливости.

Казалось бы – отличие не существенно. Однако это только на первый взгляд. Здесь важны правовые нюансы. Если следовать смыслу ст. 6 Конвенции, требование разумности срока судебного разбирательства – это одна лишь одна из гарантий права на справедливое судебное заседание, защищающее его участников от судебной волокиты, но не самоцель, не средство ускорения производства. И в этом смысле «разумность» здесь – это скорее качественный, нежели количественный критерий срока судебного разбирательства: справедливо только такое судебное заседание, которое произведено в разумный, т.е. как можно более скорый, с учетом обстоятельств дела, срок, а поэтому не нарушает права на справедливое судебное разбирательство, такое, которое, хотя и произведено в течение более длительного перио-

да времени, но при том его срок объективно обусловлен конкретными обстоятельствами. И наоборот, не может быть признано справедливым судебное разбирательство, результатом которого стало поспешное решение, когда быстроте рассмотрения дела принесено в жертву его качество. С этой точки зрения, применительно к критерию разумности, более подходящей характеристикой является не «быстрота», а «незамедлительность» производства по уголовному делу.

Несколько иначе обстоит дело с разумностью срока судебного разбирательства, закрепленной в ст. 6.1 УПК РФ. Начнем с того, что это принцип уголовного судопроизводства, т.е. некое основополагающее начало, отражающее сущность уголовного судопроизводства нашей страны, связывающее систему уголовно-процессуальных отношений в единое целое, требованиям которого должно быть подчинено содержание специальных норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих конкретные правоотношения. И, в общем-то, на первый взгляд может показаться, что закрепление этого положения на таком уровне – это, несомненно, положительная черта нашего закона. Однако позволим себе усомниться в этом. Дело в том, что, возведя фактически рядовое положение закона, содержащее лишь ряд критериев, на основании которых субъект, отвечающий за соблюдение и продление сроков производства по делу, оценивает законность этого срока, законодатель явно сместил акценты, превратив разумность срока производства по уголовному делу из средства в самоцель. Знакомая с содержанием этой статьи закона, невольно задаешься вопросом: а чего хотел добиться законодатель: гарантировать каждому справедливую и своевременную защиту его прав и законных интересов или как можно более ускорить производство по делу? И, к сожалению, приходится констатировать, что второй ответ более точно отражает смысл этой нормы.

Такой вывод усугубляет ч. 4 ст. 6.1 УПК РФ, которая предусматривает, что «обстоятельства, связанные с организацией работы органов дознания, следствия, прокуратуры

и суда (курсив наш. – А.Д.) ... не могут приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумных сроков осуществления уголовного судопроизводства». И, в общем-то, мысль понятна: проблемы государства нельзя перекладывать на плечи граждан. Однако вызывает недоумение то пренебрежение, с которым законодатель относится к реалиям деятельности сотрудников правоохранительных органов. Нужно ли ему быть столь категоричным? Все ли обстоятельства, связанные с организацией работы судов и правоохранительных органов и препятствующие максимально быстрому окончанию производства по делу, зависят от их сотрудников? Думаю, что риторический характер вопроса очевиден, а поэтому более рациональным было бы в ч. 4 ст. 6.1 УПК РФ вести речь исключительно о недостатках в организации работы (неравномерное распределение дел между следователями, дознавателями или судьями, неуккомплектованность штатов при наличии вакансий, нерациональное распределение обязанностей между заместителями и помощниками и др.), т.е. о том, что находится в зависимости от воли и в поле возможностей конкретных руководителей и сотрудников правоохранительных органов и судов, а не вообще о любом обстоятельстве, связанном с организацией их работы.

Второе. Анализ Конвенции о защите прав человека и основных свобод вполне очевидно демонстрирует, что наш законодатель не стал слепо копировать ее положения относительно разумности срока судебного разбирательства и «творчески» развил европейскую юридическую мысль, тем более что ничего более, как упоминания об этом критерии справедливого судебного разбирательства, в Конвенции не содержится. Создатели Конвенции, вводя критерий разумности срока производства, постарались оставить максимально широкие возможности для маневра законодателю конкретного государства, принявшего европейские стандарты справедливого правосудия, с тем, чтобы тот смог наполнить эту категорию конкретным содержанием, с учетом специфики его исторического развития и правовых традиций. Учитывая различие государств

Европы с точки зрения уголовно-процессуальной формы их производств по уголовным делам – такой подход вполне оправдан. Однако оценивая то, каким содержанием наш законодатель наполнил ст. 6.1 УПК РФ, мы вынуждены констатировать, что эта норма далека от совершенства.

Начнем с того, что, как это часто случается, мы значительно расширили границы действия критерия разумности срока, распространив его на все судопроизводство, чего Конвенция, в принципе, от нас не требует – в ее положениях говорится исключительно о разумности срока разбирательства дела судом. В общем-то, исходя из типологии нашего уголовного процесса, подразумевающей чрезвычайно насыщенное досудебное производство, это видится обоснованным, но анализ конкретных норм ст. 6.1 УПК РФ позволяет усомниться в их эффективности.

Поясним выдвинутый тезис. Первое, что вызывает сомнение при ознакомлении с указанными нормами, – это их адресат. Предположим, исходя из смысла нормы-принципа, что таковыми должны быть, с одной стороны, конкретный участник уголовного судопроизводства, ведущий производство по уголовному делу, обязанный осуществлять его в разумный срок, а с другой – субъект, уполномоченный контролировать разумность срока и, в случае возникновения такой необходимости, воздействовать на поведение первого участника, «вернуть» срок в границы разумности. Относительно первого участника – лица, ведущего производство по уголовному делу, – никаких вопросов нет. Он прямо или косвенно «присутствует» во всех нормах ст. 6.1 УПК РФ: именно к нему обращено базовое положение этого принципа, гласящее, что «уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок»; на него же (в данном случае следователя или дознавателя) направлены и критерии определения разумного срока досудебного производства, руководствоваться которыми он должен на том или ином его этапе. И с этой точки зрения нормы ст. 6.1 УПК РФ выглядят вполне состоятельными.

Вопросы возникают относительно второго участника отношений, связанных с реали-

зацией процессуального срока, – субъекта, уполномоченного осуществлять контроль-но-надзорные полномочия за соблюдением разумности срока уголовного судопроизводства: смеем утверждать, что положения ст. 6.1 УПК РФ совершенно никак не связаны с его деятельностью. На такой вывод наталкивает хотя бы тот факт, что ни в одной норме, специально посвященной порядку исчисления и продления сроков досудебного (ст. 144, 162, 223 УПК РФ) или судебного (ст. 255 УПК РФ) производства, о критериях разумности срока нет ни слова. Закон попросту не оговаривает обязанности этих должностных лиц при решении вопросов о сроках руководствоваться ими.

Более того, используя ту конструкцию ст. 6.1 УПК РФ, которая в настоящее время имеет место быть в законе, этими критериями, даже если бы такая обязанность возлагалась на руководителя следственного органа и прокурора, воспользоваться было бы очень сложно. Проблема в том, что она каждого следующего руководителя, принимающего решение о сроках производства по делу, делает «заложником» решений, принятых предыдущими руководителями. Представим себе, что явно был затянут, «заволокичен» вопрос о возбуждении уголовного дела, т.е. принцип разумности срока производства по делу был нарушен изначально, еще до появления официального производства. Соответственно, какими бы критериями ни пользовались, продлевая сроки производства по уголовному делу, вышестоящие руководители в последующем, их решения на разумность производства по уголовному делу в целом никакого влияния оказать не могут. Так, например, и произошло в указанном выше деле Б.А. Сотникова, ставшем предметом разбирательства в Конституционном Суде РФ, когда из почти девяти лет производства семь с половиной оно находилось в стадии возбуждения уголовного дела.

Единственным субъектом, способным реально воздействовать на сроки уголовного судопроизводства, руководствуясь критериями их разумности, как говорится, не постфактум, а в «режиме реального времени»,

если следовать смыслу ст. 6.1 УПК РФ, является председателем суда, который вправе удовлетворить заявление заинтересованных лиц об ускорении рассмотрения дел, если при поступлении уголовного дела в суд, оно длительное время не рассматривается (ч. 5 ст. 6.1 УПК РФ). И то этим инструментом он может воспользоваться исключительно до начала судебного разбирательства, тогда как после этого ничье вмешательство в сроки рассмотрения дела невозможно.

Так на кого же направлены критерии разумности срока уголовного судопроизводства, кроме самого лица, ведущего производство по уголовному делу? Ответ может показаться парадоксальным, однако именно он нам представляется верным: адресатом этих норм является суд, рассматривающий заявление заинтересованного лица в соответствии с Федеральным законом «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», т.е. вообще не участник уголовного судопроизводства и не субъект уголовно-процессуальных отношений. Именно он может по итогам рассмотрения заявления констатировать, что уголовное судопроизводство осуществлено в неразумный срок и решить в связи с этим вопрос о компенсации утрат, возникших у заинтересованного лица. На такой вывод наталкивает и содержание указанного Федерального закона: в нем в принципе отсутствуют хоть какие-то критерии разумности срока производства, которыми должен руководствоваться суд, принимая соответствующее решение по заявлению. Видимо, в этом вопросе он должен руководствоваться положениями ст. 6.1 УПК РФ.

Итак, критерии разумности срока уголовного судопроизводства, установленные уголовно-процессуальным законом, обязательны для суда, рассматривающего заявление о компенсации за нарушение права на разумный срок уголовного судопроизводства и, наоборот, не обязательны для субъекта, осуществляющего контрольно-надзорные полномочия в уголовном судопроизводстве. По сути, это означает, что нормы ст. 6.1 УПК

РФ в части регулирования критериев разумности срока уголовного судопроизводства не являются нормами уголовно-процессуального права и, по крайней мере в том виде, в котором они сейчас присутствуют в УПК РФ, должны быть исключены из него и закреплены в положениях Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

Так что же, может, разумность срока уголовного судопроизводства вообще исключить из числа принципов уголовного судопроизводства? И да, и нет. В своем отношении к этому принципу мы придерживаемся того основополагающего положения, что требования, касающиеся срока производства по уголовному делу, обязаны быть в законе, т.к. они – важнейшее условие эффективного уголовно-процессуального воздействия. Однако в том виде, в котором эти требования сформулированы в УПК РФ в настоящее время, они не являются достаточно эффективными. Для преодоления сложившейся ситуации нам видится возможным предпринять ряд законодательных мер, которые могли бы быть сформулированы следующим образом.

1. Законодателю в первую очередь следует сместить акцент при формулировании содержания данного принципа. В настоящее время он сформулирован в виде некоей односторонней обязанности лиц и органов, ведущих производство по уголовному делу. Между тем обязанность предполагает наличие, во-первых, чьего-либо коррелирующего с ней права, а во-вторых, ответственности за каждый случай неисполнения обязанности. Ничего подобного в ст. 6.1 УПК РФ не усматривается. А стало быть, логически более верной была бы формулировка принципа, гарантирующего право каждого на производство по уголовному делу в разумные сроки, что позволило бы избавиться от фиктивного характера нынешней нормы и дало возможность реагировать на каждый случай нарушения права на производство в разумные сроки на основании заявления заинтересованного лица.

Такое смешение акцентов в принципе, гарантирующем разумные сроки производства по делу, кстати, в полной мере соответствует и смыслу Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок (курсив мой. – А.Д.) или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

2. Дабы синхронизировать уголовно-процессуальное законодательство в части обеспечения права на производство в разумные сроки и указанный Федеральный закон, законодателю, как уже было указано выше, следовало бы критерии разумности срока уголовного судопроизводства, отраженные в настоящее время в чч. 3, 3.1, 3.2, 3.3 ст. 6.1 УПК РФ, закрепить в отдельных положениях Федерального закона, исключив их из ст. 6.1 УПК РФ. При этом в ст. 162 и ст. 223 УПК РФ необходимо прямое указание, что при решении вопроса о продлении срока предварительного расследования руководитель следственного органа или прокурор соответственно должны исходить из требования разумности срока досудебного производства, предусмотрев те же критерии разумности. Это, с одной стороны, обяжет их в каждом

случае решения вопроса о продлении срока предварительного расследования исходить из единообразных критериев, а с другой – позволит суду в последующем при обращении к нему с заявлением о компенсации оценить, насколько они были учтены руководителем следственного органа или прокурором.

3. И последнее: законодателю необходимо, наконец, что-то предпринять по отношению к процессуальной «черной дыре» – срокам проверки заявлений и сообщений о преступлениях. Как представляется, настало время вести себя по отношению к ним самым решительным образом и жестко ограничить этот срок тем же месяцем с момента получения заявления или сообщения о преступлении. Думается, что этого срока вполне достаточно, чтобы решить все задачи, стоящие перед данной стадией. Если же по истечении месяца у лица, уполномоченного возбудить уголовное дело, остались сомнения в том, имеются ли в деянии признаки преступления, уголовное дело должно быть возбуждено с тем, чтобы продолжить исследование обстоятельств случившегося полным арсеналом уголовно-процессуальных средств и, самое главное, в контролируемые и прозрачные сроки.

Библиографический список

1. Владимирова, Ю.К. Обеспечение уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.К. Владимирова. – Воронеж, 2018. – 227 с.
2. Волынец, К.В. Гарантии реализации принципа «разумный срок уголовного судопроизводства» при производстве в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К.В. Волынец. – Томск, 2013. – 23 с.
3. Зацепина, М.Н. Разумный срок судопроизводства в уголовном процессе России: понятие, содержание, правовые средства реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.Н. Зацепина. – М., 2016. – 249 с.
4. Кушнерев, В.И. Реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства в нормах, регулирующих процессуальные сроки в досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук / В.И. Кушнерев. – М., 2019. – 224 с.
5. Малофеев, И.В. Разумный срок как принцип уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Малофеев. – М., 2014. – 217 с.

-
6. Мусаева, А.Г. Судопроизводство в разумный срок как гарантия конституционного права граждан на судебную защиту : дис. ... канд. юрид. наук / А.Г. Мусаева. – М., 2013. – 159 с.
 7. Некенова, С.Б. Принцип обеспечения права лица на разумный срок уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук / С.Б. Некенова. – Саратов, 2015. – 262 с.
 8. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. Т.Г. Моршаковой. – М.: Мысль. 2012.
 9. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1968.
 10. Якубова, С.М. Дифференциация сроков расследования в связи с приостановлением производства по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук / С.М. Якубова. – М., 2017. – 229 с.

Алексей Борисович СУДНИЦЫН,

начальник кафедры уголовного процесса
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), кандидат юридических наук, доцент
ab_sudnitsyn@mail.ru

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЕ «РАСКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ»
ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗАДАЧ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

**THE USE OF THE CONCEPT OF "CRIME SOLUTION" TO DEFINE
THE TASKS OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION**

На основе анализа положений уголовно-процессуальной теории и законодательства, складывающейся следственно-судебной практики рассмотрена познаватель-но-поисковая направленность предварительного расследования. Отмечены недостатки использования понятия «раскрытие преступлений» для определения задач предварительного расследования. Приведены доводы, обосновывающие целесообразность постановки перед следователем задачи исследования преступления взамен раскрытия преступления, на основе которых обозначены отдельные предложения по усовершенствованию досудебного производства.

On the basis of the analysis of the provisions of the criminal procedural theory and legislation, the emerging investigative and judicial practice, the cognitive-search orientation of the preliminary investigation is considered. The shortcomings of using the concept of «crime solution» to determine the tasks of the preliminary investigation are noted. The arguments substantiating the expediency of setting for the investigator the task of investigating a crime instead of solving a crime are given. On the basis of these arguments separate proposals for improving pre-trial proceedings are presented.

Ключевые слова: раскрытие преступления, исследование преступления, изобличение, уголовное преследование, предварительное расследование, задачи, досудебное производство.

Keywords: crime detection, crime investigation, exposure, criminal prosecution, pre-liminary investigation, tasks, pre-trial proceedings.

Важнейшим признаком, характеризующим расследование преступлений, является его познаватель-но-поисковая направленность. Познание обстоятельств произошедшего события осуществляется посредством обнаружения информации, от первичных сведений – к достаточным данным. Одним из традиционных, используемых для обозначения этого процесса, является понятие «раскрытие преступлений». Однако если ст. 2 УПК РСФСР определяла раскрытие преступлений задачей уголовного процесса, то УПК РФ такую установку не возлагает

даже на предварительное расследование. Назначение же уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) не содержит непосредственного указания на необходимость исследования обстоятельств преступного события.

В первые годы существования УПК РФ указанная ситуация активно обсуждалась учеными-процессуалистами и в большинстве своем оценивалось негативно. Так, по мнению М.П. Полякова «нормативная трактовка «назначения процесса» не передает специфики уголовного процесса (она слишком расплывчата), из нее напрочь исчезла познаватель-

ная нацеленность процесса» [21, с. 192-193]. В.А. Азаров, говоря о значимости раскрытия преступлений, назвал его «крупным фрагментом деятельности органов предварительного расследования по борьбе с преступностью» [1, с. 5]. В.Ф. Статкус высказал предложение о необходимости подготовки инструкции с «изложением требований о том, что задачу раскрытия преступлений никто с правоохранительных органов не снимал» [24, с. 103]. Безусловно соглашаясь с необходимостью возложения на досудебное производство установления познавательного-поисковой направленности, рассмотрим возможность постановки перед предварительным расследованием задачи раскрытия преступления.

Многолетняя дискуссия по поводу понятия «раскрытие преступления» не привела к общепринятому мнению среди ученых. В литературе выделяются несколько различающихся подходов. Отличия между ними заключаются в разном объеме устанавливаемых сведений и, соответственно, наступлении момента, с которого преступление признается раскрытым.

Один из них ограничивает раскрытие преступления установлением события преступного деяния и его совершения определенным лицом [2, с. 10; 14, с. 152; 16, с. 64; 28, с. 17]. Последователи второго подхода указывают, что раскрытие преступления заключается в установлении данных о преступлении и виновном в его совершении в объеме, позволяющем предъявить обвинение [5, с. 30; 8, с. 25; 9, с. 50; 15, с. 100]. Представители третьего направления под раскрытием преступления понимают установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, что является основанием для окончания предварительного расследования и составления обвинительного заключения [6, с. 5-7; 7, с. 28; 12, с. 38]. Идея общей нацеленности органов уголовной юстиции на единый момент раскрытия преступлений выразилась в подходе, в соответствии с которым престу-

пление признается раскрытым лишь после вынесения судебного решения по уголовному делу и вступления его в законную силу [11, с. 363; 17, с. 16; 23, с. 108; 27, с. 35].

Не вдаваясь в обстоятельный анализ указанных позиций (это уже становилось предметом анализа [подр.: 25, с. 78-80]) и пока не приводя свое представление об этом понятии, подчеркнем, что отсутствие единства взглядов в трактовке категории «раскрытие преступления», а также принципиальные расхождения в определении его существенных характеристик не способствуют его пониманию, затрудняют его использование в правовом регулировании досудебной части уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что исключение категории «раскрытие преступления» из текста уголовно-процессуального закона при его подготовке и принятии не привело к абсолютному отказу от ее использования в действующем законодательстве, принятом как до УПК РФ¹, так и после него².

На протяжении достаточно длительного периода категория «раскрытие преступления» используется в нормах УК РФ, регламентирующих назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за совершенное преступление (ст. 64 УК РФ), освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), а также в ряде норм Особенной части, специально предусматривающих случаи освобождения от уголовной ответственности (примечания к ст. 110, 210, 212, 228 УК РФ и др.). Но по прошествии более чем двадцати лет существования УК РФ вопрос соотношения раскрытия и расследования преступлений в материальном праве не имеет однозначного ответа. Это определяется рядом обстоятельств.

Так, в отдельных нормах закона способствование раскрытию преступления фигурирует как самостоятельное условие для принятия решения (назначение более мягкого наказания – ст. 64 УК РФ, примечание к

1 Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ.

2 О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ; О едином учете преступлений : приказ Генпрокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29.12.2005 N 39/1070/1021/253/780/353/399.

ст. 127.1 УК РФ (торговля людьми), примечание к ст. 322.3 УК РФ (фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации и др.)).

В других случаях, ввиду использования в норме закона союза «и», помимо способствования раскрытию преступления для принятия соответствующего решения требуется наличие дополнительного условия в виде способствования расследованию преступлений (освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием – ст. 75 УК РФ).

В третьей группе норм при использовании составного союза «и (или)» способствование раскрытию преступления может быть самостоятельным условием или одним из условий для принятия решения (примечание к ст. 291 УК РФ (дача взятки), ст. 291.2 УК РФ (мелкое взяточничество)).

Исходя из имеющейся регламентации, лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию преступления (ст. 322.2 УК РФ). Буквально, если лицо способствовало только расследованию совершенного преступления, оно не должно быть освобождено от уголовной ответственности по примечанию к указанной статье.

Тем не менее суды довольно часто по-разному трактуют понятия «раскрытие» и «расследование» и, соответственно, способствование им. Так, приговором мирового судьи судебного участка № 55 в Кировском районе г. Красноярска от 13 сентября 2016 г. О.Ф.К. осуждена по ст. 322.3 УК РФ. Из приговора следует, что в соответствии со ст. 61 УК РФ в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, учтено активное способствование расследованию преступлений в виде поведе-

ния подсудимой после совершения преступлений, связанное с дачей последовательных, правдивых признательных показаний. Президиум Красноярского краевого суда, отменяя приговор, отметил, что содержание правовых понятий «раскрытие преступления», указанное в примечании 2 к ст. 322.3 УК РФ, и «расследование преступления», которое установил суд по указанному делу, является идентичным и не препятствовало освобождению О.Ф.К. от уголовной ответственности на основании примечания 2 к ст. 322.3 УК РФ. Судебные решения отменены, О.Ф.К. согласно п. 2 примечания к ст. 322.3 УК РФ освобождена от уголовной ответственности с прекращением производства по уголовному делу³.

Не разграничиваются указанные понятия и в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ). Активное способствование раскрытию и расследованию преступлений истолковываются, как правило, одним общим определением. Признаки, характерные раскрытию и расследованию, отдельно не приводятся⁴.

В качестве примечательного примера можно привести одно из постановлений Пленума ВС РФ⁵, в тексте которого (абз. 4 п. 29) приводится единая трактовка указанных понятий, а в «соседнем» пункте (п. 30), при разъяснении вопроса освобождения от уголовной ответственности взяткодателя либо лица, совершившего коммерческий подкуп, активно способствовавших раскрытию и (или) расследованию преступления, используется составной союз «и (или)». Возникающий по ходу чтения вопрос (как разграничить, чему именно способствовало лицо: раскрытию или расследованию преступления?) остается в тексте без ответа. При том, что в примечании к ст. 291 УК РФ (дача взятки) также используется союз «и (или)».

3 Постановление Президиума Красноярского краевого суда от 06.06.2017 N 44у-118/2017. Обобщение судебной практики Президиума Красноярского краевого суда за 2017 года / Красноярский краевой суд. URL: http://kraevoy.krk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=211 (дата обращения: 01.07.2020).

4 О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 18.12.2018).

5 О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019).

В постановлениях Пленума ВС РФ, обзорах судебной практики, где предприняты попытки отдельного истолкования понятий «способствование раскрытию преступления», «способствование расследованию преступления», таковые содержательно друг от друга не отграничиваются, сущностные признаки совпадают⁶.

Констатируем, что отсутствие толкования понятия «раскрытие» в материальном праве, разноаспектность его использования в отдельных нормах УК РФ, имеющееся отождествление понятий «активное способствование раскрытию преступления» и «активное способствование расследованию преступления» в разъяснениях ВС РФ и отличающаяся судебная практика не только не позволяют однозначно разграничивать понятия «раскрытие» и «расследование» с точки зрения материального права, но и ставят под сомнение необходимость их использования в тексте уголовного закона.

Обратимся к уголовно-процессуальному законодательству. С июня 2009 г. в тексте УПК РФ появилась категория «раскрытие преступлений», что обязывает остановиться на этом моменте подробнее.

Федеральным законом от 29 июня 2009 г. N 141-ФЗ УПК РФ дополнен главой 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», в нормах которой законодатель вернулся к использованию указанного понятия.

Так, при определении порядка заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ) данная норма определяет, что обвиняемый (подозреваемый) указывает в ходатайстве, какие действия он обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления (здесь и далее курсив мой. – А.С.). Схожая формулировка используется и при регламентации процедуры рассмотрения ходатайства о заключении

досудебного соглашения о сотрудничестве, основаниях применения особого порядка и проведения судебного заседания (п.п. 1, 2 ч. 1 ст. 317.5, п. 1 ч. 2 ст. 317.6, п.п. 1, 2 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ).

Отдельные авторы считают наличие указанных норм достаточным для утверждения об осуществлении органами следствия раскрытия преступлений, называя следователей субъектами раскрытия преступлений наравне с сотрудниками оперативных подразделений и иными должностными лицами органов дознания [26, с. 32].

Позволим себе не согласиться с подобной точкой зрения. Помимо ранее указанных доводов, ставящих под сомнение возможность возложения раскрытия преступлений на следователя, эта позиция определяется следующим.

Во-первых, подобное истолкование понятия «раскрытие преступления» отсутствует в УПК РФ.

Во-вторых, словосочетание «содействие следствию в раскрытии ... преступления» можно расценивать и как указание на то, что досудебное соглашение о сотрудничестве может быть заключено с обвиняемым (подозреваемым) при расследовании уголовного дела только в форме предварительного следствия.

Кроме того, не исключается, что лицо, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в соответствии с данными им обязательствами сообщит не только детали преступления, по которому уже ведется предварительное следствие (будет содействовать расследованию преступления), но и по ранее неизвестному преступлению (будет содействовать раскрытию преступления). По последнему, вероятнее всего, понадобится проведение оперативно-розыскных мероприятий, проверка сообщения о преступлении с последующим принятием решения в порядке ст. 144-145 УПК РФ. Такой вывод удостоверяется и логикой изменений постановления Пленума ВС РФ, допустивших подтверж-

⁶ О судебной практике по делам о незаконном пересечении государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 N 18; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015.

дение активного содействия следствию со стороны обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, путем дачи показаний об участниках иного преступления, совершенного без его участия (п. 9.1), сообщения о других преступлениях (абз. 3 п. 16)⁷.

Помимо теоретических рассуждений необходимо принять во внимание и практику инициативного выявления следователем преступлений. В правоприменительной деятельности встречаются примеры самостоятельного (без использования оперативных данных) выявления следователем признаков нового преступления и установления лица, его совершившего. Подобные факты могут иметь место как при проверке сообщения о преступлении, так и в ходе расследования другого преступления. По итогу таких случаев принимается процессуальное решение и заполняется статистическая карточка на выявленное преступление (форма № 1), где в реквизите 9 указывается следственное подразделение⁸. Результаты интервьюирования следователей и руководителей следственных подразделений органов внутренних дел демонстрируют крайне низкий уровень выявления следователями преступлений – 2-3% от общего числа выявленных иными подразделениями и службами органов внутренних дел преступлений. Из этого закономерно следует вывод, что преступления практически не раскрываются следственным путем. Исходя из постулата – «практика является критерием истинности», сложившееся в правоприменительной деятельности положение может быть расценено как подтверждение ошибочности суждений о возложении на следователя задачи раскрытия преступлений.

Коснемся содержания ранее упомянутых норм с иного ракурса. Согласно УПК РФ в ходатайстве о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обвиняемый должен указать, какие действия он обязуется совершить в целях содействия следствию

в изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ). Аналогичные формулировки фигурируют и в других статьях, регламентирующих особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (п.п. 1, 2 ч. 1 ст. 317.5, п. 1 ч. 2 ст. 317.6, п.п. 1, 2 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ).

Законодательное определение уголовного преследования как процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ), недвусмысленно указывает на то, что изобличение является целью уголовного преследования. Одно это позволяет сделать вывод о некорректном построении вышеупомянутых норм закона, смешивающих разноплановые понятия: изобличение и уголовное преследование (в рассматриваемом контексте они не могут стоять в одном ряду).

Кроме того, учитывая, что официальное уголовное преследование может осуществляться только в рамках возбужденного уголовного дела и только в отношении лиц, поставленных в процессуальное положение подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу [4, с. 10-21], позволим сделать следующий вывод. Ранее приведенную формулировку, употребляемую в ч. 2 ст. 317.1, п.п. 1, 2 ч. 1 ст. 317.5, п. 1 ч. 2 ст. 317.6, п.п. 1, 2 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ, следует признать примером неудачной юридической конструкции. Возможность же обоснования позиции осуществления следователем раскрытия преступлений на основе указанных норм, содержащих в себе очевидный дефект законодательной техники, представляется сомнительной.

Таким образом, понятие «раскрытия преступления» целесообразно истолковывать как деятельность органа дознания, направленную на установление события преступного

7 О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 N 22.

8 О едином учете преступлений : приказ Генпрокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29.12.2005 N 39/1070/1021/253/780/353/399.

деяния и выявление лица, его совершившего. По раскрытию преступления должны быть получены данные, позволяющие выдвинуть обоснованную версию о совершении конкретного уголовно наказуемого деяния (признаки преступления, место, время, способ и другие важнейшие обстоятельства его совершения) определенным лицом.

Приведенные соображения позволяют утверждать, что понятие «раскрытие преступлений» отражает специфику оперативно-розыскной деятельности и не отражает специфику большей части деятельности, осуществляемой в рамках предварительного расследования. В текущем моменте данное понятие нецелесообразно использовать при установлении задач предварительного расследования.

Для определения задач предварительного расследования предпочтительнее использовать понятие «исследование». Оно лишено ряда недостатков, присущих понятию «раскрытие». Исследование указывает на механизм познания произошедшего события и нацеливает на его осуществление. Ставя перед следователем задачу исследования преступления, мы тем самым подчеркиваем необходимость всестороннего, полного и объективного производства. Подобная установка гармонично вписывается в современную концепцию защиты личности в уголовном процессе, т.к. «исследование обстоятельств дела – единая по своей направленности деятельность, не поддающаяся заранее делению на обвинительную или защитительную» [5, с. 30]; закрепляет стремление установить действительно имевший в прошлом круг фактов.

Окончательное исследование преступления может иметь место только после вынесения судебного решения по уголовному делу и вступления его в законную силу. Общий подход, когда все органы уголовной юстиции «будут ориентированы на конечные результаты, позволит значительно повысить эффективность взаимодействия между ними» [23, с. 108]. Безусловно, каждому из них отводится своя роль, но основное предназначение следователя состоит в том, что он – «объективный исследователь обстоятельств уголов-

ного дела» [22, с. 162]. Как абсолютно точно подмечено Л.В. Головкин, при предварительном расследовании следователь не «сторона обвинения», а нейтральное лицо, юридически обязанное действовать всесторонне, полно и объективно, расследуя дело, как говорят французы, «в сторону обвинения и в сторону защиты» [10, с. 62].

Принимая во внимание изложенное, в том числе приведенную трактовку раскрытия преступления, отметим потребность в корректировке формулировки, используемой в ч. 2 ст. 317.1, п.п. 1, 2 ч. 1 ст. 317.5, п. 1 ч. 2 ст. 317.6, п.п. 1, 2 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ. Таковую можно представить в следующем виде: «...какие действия он обязуется совершить в целях содействия органу дознания и следствию в раскрытии и исследовании преступления, выявлении и уголовном преследовании других соучастников преступления...».

Предложенное в предыдущем абзаце, как и в целом обозначенная позиция, имеет, по нашему мнению, ряд достоинств. Приведем некоторые из положительных последствий:

- позволяет устранить допущенную в законе неточность путем разграничения процессуальных и непроцессуальных понятий, в том числе с заменой «изобличения» на более приемлемое – «выявление»;
- способствует единому пониманию категории «раскрытие преступления»;
- разграничивает возлагаемые на органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, и органы следствия задачи;
- выстраивает основу для взаимодействия органа дознания и следственного подразделения, оперуполномоченного и следователя при раскрытии и расследовании (исследовании) преступлений;
- создает предпосылки к дальнейшему усовершенствованию досудебного производства.

Принимая во внимание, что в рамках данной статьи намечена лишь основа для дальнейшего усовершенствования досудебного производства, детальнее эти перспективы планируется проработать в последующих трудах.

Библиографический список

1. Азаров, В.А. Уголовно-процессуальная идеология и одноименная фразеология / В.А. Азаров // Вестник Оренбургского университета. – 2006. – N 3 (53).
2. Алимджанов, Б. Раскрытие преступлений – задача следственных органов / Б. Алимджанов. – Ташкент, 1975.
3. Бережко, Е.В. К вопросу о нравственной цели доказывания в уголовном судопроизводстве / Е.В. Бережко // Актуальные проблемы права России и стран СНГ : материалы IX международной научно-практической конференции. – Челябинск, 2007. – Ч. III.
4. Булатов Б.Б. Процессуальное положение лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность : монография. – М., 2013.
5. Веселов, Ю.И. Понятие полного раскрытия преступлений / Ю.И. Веселов // Сборник статей адъюнктов и соискателей. Вып. 3. – М., 1971.
6. Викторов, Б.А. Общие условия предварительного расследования / Б.А. Викторов. – М., 1971.
7. Волов, В.Г. Об оценке эффективности деятельности по раскрытию преступлений / В.Г. Волов // Вопросы раскрытия и расследования преступлений : сборник научных трудов. – М., 1982.
8. Гаврилов, А.К. Раскрытие преступлений на предварительном следствии (правовые и организационные вопросы) / А.К. Гаврилов. – Волгоград, 1976.
9. Герасимов, И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений / И.Ф. Герасимов. – Свердловск, 1975.
10. Головкин, Л.В. Российский уголовный процесс и объективная истина / Л.В. Головкин // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н.С. Алексеева (г. Санкт-Петербург, 28-29 июня 2014 г.) / под ред. Н.Г. Стойко. – СПб., 2015.
11. Дяблова, Ю.Л. Некоторые аспекты соотношения раскрытия и расследования преступлений / Ю.Л. Дяблова // Известия Тульского государственного университета. – 2009. – N 1.
12. Жогин, Н.В. Предварительное следствие в советском уголовном процессе / Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин. – М., 1965.
13. Кальницкий, В.В. Непосредственность судебного разбирательства и доказательственная деятельность органов расследования : учебно-практическое пособие / В.В. Кальницкий. – Омск, 2019.
14. Карпец, И.И. Проблема преступности / И.И. Карпец. – М., 1969.
15. Лавдаренко, Л.И. Раскрытие преступления как одна из задач органов предварительного расследования / Л.И. Лавдаренко // Сибирский юридический вестник. – 2013. – N 1 (60).
16. Либозаев, Д.П. К вопросу о понятии раскрытия преступления / Д.П. Либозаев // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2015. – N 4.
17. Лузгин, И.М. Расследование как процесс познания / И.М. Лузгин. – М., 1969.
18. Махов, В.Н. Почему не проводятся неотложные следственные действия / В.Н. Махов // Следователь. – 2011. – N 7.
19. Муравьев, К.В. Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона : монография / К.В. Муравьев. – М., 2019.
20. Подольный, Н. Фантомы уголовного судопроизводства / Н. Подольный // Российская юстиция. – 2004. – N 4.
21. Поляков, М.П. Национал-процессуализм как идеологическая основа отечественного уголовного процесса / М.П. Поляков // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2005. – Ч. 2.

22. Ревенко, Н. И. Реализация следователем функции расследования преступлений в условиях состязательного предварительного производства / Н.И. Ревенко // Уголовное досудебное производство: проблемы теории и практики : материалы межвузовской научно-практической конференции. – Омск, 2004.

23. Скоромников, К.С. Существующая система учета преступлений и раскрытия их нуждается в кардинальной реформе / К.С. Скоромников // Государство и право. – 2000. – N 1.

24. Статкус, В.Ф. О двух проблемах нового УПК РФ / В.Ф. Статкус // Государство и право. – 2002. – N 9.

25. Судницын, А.Б. Задачи предварительного расследования: правовая природа, система, проблемы реализации и пути совершенствования : монография / А.Б. Судницын. – Красноярск, 2019.

26. Токманцев, Д.В. К вопросу о понятии раскрытия преступлений в уголовном праве / Д.В. Токманцев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – N 2 (35).

27. Чупилкин, Ю.Б. Содержание категорий «раскрытие», «расследование» и «раскрываемость» преступлений в российском законодательстве / Ю.Б. Чупилкин // Российская юстиция. – 2019. – N 4.

28. Якубович, Н.А. Процессуальные функции следователя / Н.А. Якубович // Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве : сборник научных трудов. – М., 1980.

Александр Иванович ПОПОВ,

начальник кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
popov_62@mail.ru

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА
В АДМИНИСТРАТИВНО-ДОГОВОРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ**

**IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF CONTRACT
IN ADMINIS-TRATIVE AND CONTRACTUAL LEGAL RELATIONS**

В статье исследуются вопросы применения принципа свободы договора к административно-договорным правоотношениям. Возможность воздействия на управленческие отношения посредством договорного регулирования позволяет говорить о возможности использования частноправовых принципов в отношениях в сфере государственного управления.

Отраслевая адаптация принципа свободы договора к публично-правовой сфере заключается в формировании системы пределов его действия. Автор обосновывает положение, согласно которому объем договорной свободы участников административно-договорных правоотношений и пределы ее ограничения будут зависеть от каждого конкретного случая и могут изменяться с учетом требований, отраженных в действующем законодательстве.

The article examines the application of the principle of freedom of contract to administrative and contractual legal relations. The possibility of influencing managerial relations through contractual regulation allows us to talk about the possibility of using private law principles in relations in the field of public administration.

The sectoral adaptation of the principle of freedom of contract to the public legal sphere consists of the development of a system of limits of its actions. The author substantiates that the scope of contractual freedom of participants in administrative and contractual legal relations and the bounds of its limitation will depend on each specific case and can be changed taking into account the requirements determined in the current legislation.

Ключевые слова: административные правоотношения, административно-договорные правоотношения, административный договор, свобода договора.

Keywords: administrative legal relations, administrative and contractual legal relations, administrative contract, freedom of contract.

При регулировании отношений, возникающих в сфере государственного управления, преобладает подход, при котором в административном праве основное место занимают императивные нормы. В то же время в рамках государственного управления возможно использование и диспозитивных начал, находящих отражение в предоставлении возможности заключать

административные договоры и соглашения. Безусловно, доля диспозитивности в управленческих отношениях мала по сравнению с гражданско-правовыми отношениями. Но говорить о полном ее отсутствии не представляется возможным.

Предпосылки для воздержания от необоснованного императивного регулирования отношений в сфере государственного

управления предопределяют возможность использования в данной сфере договорных конструкций.

Административно-договорное регулирование как средство оптимизации управленческой деятельности с учетом индивидуального характера конкретного отношения и как особый вариант согласования интересов сторон управленческих отношений предопределяет актуальность исследуемой проблематики.

Административный договор позволяет сторонам создавать дополнительные гарантии реализации управленческих отношений, придавать фактическим административным действиям юридическую силу, создавать с учетом индивидуально-конкретных особенностей соответствующих дел более эффективные варианты решения управленческих вопросов, чем те, которые предусмотрены нормативными правовыми актами.

Безусловно, в рамках российского административного законодательства предпочтение отдается императивному регулированию, поскольку иной подход и не оправдан с учетом преобладания публично-правовых интересов. Однако посредством соглашений представляется возможность адаптировать предлагаемые законом формы к индивидуально-конкретным административным правоотношениям.

Сфера действия административного договора в случае отсутствия прямого запрета на его применение в деятельности соответствующего органа исполнительной власти может определяться на основе общих положений договорного регулирования с учетом особенностей целей правового регулирования в сфере государственного управления.

Возможность, а в ряде случаев юридическая обязанность для сторон опосредовать управленческие отношения административно-договорными формами позволяет говорить о демократизации всего процесса государственного управления в России. Практика административно-договорного регулирования способствует формированию и развитию диспозитивных основ при решении вопросов государственного управления.

Применение административно-договорных форм в управленческой деятельности возможно в субсидиарном порядке, то есть в случае отсутствия соответствующего нормативного регулирования.

Использование административно-договорных отношений может быть ограничено. Данное ограничение позволяет говорить об установлении пределов административно-договорного регулирования. В сфере государственного управления, в отличие от предпринимательской сферы, достаточно четко должны быть установлены такие пределы.

Административно-договорное регулирование есть один из уровней правового регулирования, представляющего собой сложное по структуре явление, которое следует признать дополнительным к нормативно-правовому регулированию.

Все уровни правового регулирования взаимодействуют между собой, что позволяет говорить о существовании межуровневых связей административно-договорного и нормативно-правового регулирования. Данные связи позволяют одновременно при регулировании соответствующих управленческих отношений использовать договорно-диспозитивные и нормативно-императивные методы – сочетание властно-правового и договорного регулирования отношений в сфере деятельности органов государственной власти.

Односторонне-властное воздействие может выступать внешним по отношению к административно-договорному, поскольку первыми утверждаются возникающие административно-договорные отношения. То есть административный акт может предшествовать заключению соответствующего административного договора.

Собственно административно-договорное регулирование находит проявление в наличии согласованной воли сторон административно-договорных правоотношений, выступающих в качестве равноправных субъектов.

Основными вопросами, возникающими в рамках административно-договорного регулирования, являются, во-первых, вопрос

о мере допустимости использования данного вида административно-правового регулирования, во-вторых, вопрос о природе возникающих на основе административных договоров отношений – являются ли они разновидностью административных либо их природе следует признать смешанной, и, в-третьих, вопрос о том, насколько применимы здесь принципы гражданско-правового договорного регулирования.

Возможность применения к административно-договорным правоотношениям частно-правовых принципов позволит разрешить отдельные теоретические проблемы. Одним из наиболее острых вопросов в свете изложенного следует признать вопрос о применении принципа свободы договора к административно-договорным правоотношениям.

Отраслевая адаптация принципа свободы договора к публично-правовой сфере заключается в формировании системы пределов его действия. Данная система включает в себя совокупность специальных нормативно закрепленных средств ограничения возможности применения административно-договорных механизмов.

В целом концепция свободы договора чужда теории административного права, поскольку входящие в предмет данной отрасли общественные отношения строятся по признаку односторонне-властного подчинения, тогда как регулятивное воздействие договорных начал выступает в качестве результата интегративных процессов, проходящих в правовой системе. Особенности предмета административного права предопределяют правовой режим регулирования соответствующих общественных отношений, на которые возможно воздействовать правовыми средствами другой отрасли.

Свободу договора традиционно соотносят с гражданско-правовым договорным регулированием. Вместе с тем в научной литературе можно встретить точку зрения о возможности его конституционного, а также межотраслевого регулирования.

Существенное расширение границ применения принципа свободы договора обусловлено возможностью использования дого-

ворных конструкций и в публично-правовых отраслях права, в частности в административном.

Применительно к договору свобода означает возможность сделать добровольное и осознанное волеизъявление, адекватно отражающее внутреннюю волю субъекта, обусловленную его потребностями, мотивами [3, с. 63].

Следует отметить, что не все элементы свободы договора из цивилистической доктрины могут быть применимы к административно-договорным правоотношениям. Применительно к гражданско-правовому договорному регулированию в качестве элементов свободы традиционно выделяют:

- 1) определение возможности вступать или не вступать в договорные отношения (свобода заключения договора);
- 2) возможность выбора контрагента;
- 3) определение места и времени заключения договора;
- 4) возможность определения формы договора;
- 5) определение типа заключаемого договора;
- 6) определение условий, подлежащих включению в договор;
- 7) возможность выхода из договорных отношений [3, с. 67-68].

Необходимость ограниченного использования принципа свободы договора в сфере государственного управления не вызывает сомнений, в том числе в связи с выполняемыми органами публичной власти функциями. Свобода договора в административно-договорных правоотношениях имеет определенные границы, которые устанавливаются с учетом обеспечения публичного интереса.

Реализация принципа свободы договора в сфере государственного управления должна основываться на соблюдении баланса частных и публичных интересов. При этом применение указанного принципа должно быть соответствующим и не оказывать влияние на реализацию компетенции соответствующего органа.

Условие равновесия может быть достигнуто посредством определения конкретных

условий, при которых стороны могут опираться при использовании в административно-договорной практике принципа свободы договора. При этом принцип свободы договора должен коррелироваться с пределами административно-договорного регулирования общественных отношений.

Свобода договора не создает нового режима регулирования отношений в сфере деятельности органов государственной власти, а лишь вносит элементы договорного регулирования в административно-правовую сферу.

Распространяемая на участников административно-договорных отношений свобода договора не может быть абсолютной, исходя из сущности этих отношений. Наличие публичного интереса ограничивает свободу участников административно-договорных правоотношений. Основанием для ограничения свободы договора является необходимость защиты интересов государства, а также осуществление контрольно-надзорных мероприятий в отношении субъектов административно-договорных правоотношений.

Свобода административного договора ограничивается в той мере, в какой он вступает в противоречия с публичными интересами и основными началами договорного права. Ограничение применения административного договора необходимо в целях защиты публичных интересов участников административных правоотношений.

Реализация принципа свободы договора в сфере государственного управления может иметь и негативные последствия для обеспечения реализации публичных интересов. Указанное предполагает существование определенных ограничений, вводимых для субъектов административно-договорных правоотношений. Однако и чрезмерная ограниченность свободы может в определенной степени негативно сказаться на административно-договорной практике.

Ю.В. Рогова выделяет две основные модели ограничения свободы договора – пассивную и активную. Суть первой (ex ante ограничений) заключается в установлении государством прямых ограничений свободы

договора, второй (ex post ограничений) – в возможности судам давать оценку соответствия конкретных договорных условий [3, с. 73-76].

Административное законодательство содержит императивные нормы, посредством которых ограничивается свобода в административно-договорных правоотношениях. Именно посредством таких норм осуществляется регулирующее воздействие на содержание административно-договорного правоотношения.

Несмотря на обилие предложенных в литературе классификаций ограничений свободы договора, практически все авторы придерживаются одной и той же системы их изложения, исходя из которой выделяются три группы ограничений:

- ограничения свободы заключать или не заключать договор;
- ограничения свободы выбора вида заключаемого договора;
- ограничения свободы в определении условий договора по своему усмотрению [2, с. 17].

Ограничения свободы договора в административно-договорных правоотношениях может осуществляться в отношении следующих элементов: свободы выбора контрагента, определения формы, типа и содержания обязательства.

В административно-договорных правоотношениях должен обеспечиваться баланс между свободой заключения договоров и требованиями нормативных правовых актов и публичных интересов. Достижение данного баланса возможно при соблюдении определенных условий, под которыми понимаются требования, необходимые для соблюдения сторонами на преддоговорной стадии.

К обязательным условиям следует отнести требования, содержащиеся в императивных нормах, относительно пределов административно-договорного регулирования.

Свобода административного договора может также ограничиваться по решению органов или должностных лиц, определяющих компетенцию подчиненных субъектов. Органы государственной власти вправе с

учетом целесообразности предоставлять возможность или запрещать использовать административный договор как инструмент регулирования соответствующих отношений. То есть при определении объема компетенции того или иного органа соответствующий субъект в зависимости от целесообразности и других обстоятельств вправе наделять указанный орган полномочиями по административно-договорному регулированию управленческих отношений.

Право свободного выбора субъекта ограничивается в административно-договорных правоотношениях посредством установления конкретных субъектов, между которыми могут возникнуть административно-договорные правоотношения. Иными словами, круг субъектов четко очерчен в соответствующих нормативных правовых актах. В качестве примера можно привести административно-договорные правоотношения в административно-деликтной сфере, когда полномочия по составлению протоколов об административных правонарушениях по законодательству субъектов могут быть переданы по соглашению, заключенному между МВД России и соответствующим субъектом Российской Федерации. Соответственно, возможность выбора у представителей субъекта Российской Федерации второй стороны нет. Таким образом, возможными субъектами будущего соглашения могут выступать только субъекты Российской Федерации и МВД России.

Вместе с тем административно-договорное регулирование может сопровождаться и отдельными проблемами в виде злоупотреблений, в особенности со стороны субъектов, обладающих явным управленческим превосходством по отношению к другим участникам данных правоотношений. Данные возможные негативные проявления необходимо исключать из практики посредством установления определенных гарантий и ограничений. А возможность использования административно-договорных форм должна определяться

исходя из реальной обстановки в сфере государственного управления и имеющейся практики.

Ограничение свободы договора в рамках административно-договорных правоотношений в возможности самостоятельно определять форму и вид договора осуществляется посредством отсылки к типовым формам, разработанным и утвержденным в соответствующих нормативных правовых актах. Например, применительно к концессионным соглашениям законодатель указывает на необходимость использования примерных концессионных соглашений¹.

Комбинация императивных и диспозитивных начал в регулировании административно-договорных правоотношений позволяет обеспечить баланс публичных интересов при определении сторонами соответствующей модели договора.

В рамках административно-договорных правоотношений ограничение свободы в определении содержания условий обязательств проявляется в наличии императивных норм, закрепляющих необходимость включения соответствующих условий. Фактическую основу административно-договорных правоотношений составляют нормативные правовые акты, в которых определяются обязательные для сторон договора нормативные установления и возлагаются меры ответственности за их нарушение.

Свобода формирования содержания административно-договорных отношений ограничивается необходимостью заключения соответствующего обязательства в соответствии с предусмотренными в нормативных правовых актах или типовых формах условиями. Примером также может служить соглашение о передаче полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях по законодательству субъектов Российской Федерации. Условия данного соглашения не определяются соглашением сторон, а указываются в соответствии с примерной формой, утверждаемой

1 Об утверждении примерного концессионного соглашения в отношении объектов здравоохранения, в том числе объектов, предназначенных для санаторно-курортного лечения : постановление Правительства РФ от 14.02.2009 N 138 (ред. от 20.01.2015) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

Министерством юстиции Российской Федерации². Сам же порядок заключения указанных соглашений в соответствии со ст. 28.6 Федерального закона от 6 октября 1999 г. 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» определяется Правительством РФ³.

Пределы административно-договорного регулирования могут быть четко установлены нормативными правовыми актами, либо его границы могут быть «размыты». В качестве примера укажем на соглашения о взаимной передаче части полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации. В случае, когда осуществляется передача от федеральных органов органам субъектов, пределы устанавливаются в соответствии с ч. 2 ст. 78 Конституции РФ, которая представляет возможность передачи части полномочий по соглашению при отсутствии противоречий самой Конституции РФ и федеральным законам. Когда же речь идет о передаче части полномочий от органов государственной власти субъекта федеральным органам государственной власти, то ограничений по передаваемым полномочиям законодательством не установлено. При этом ограничение распространяется на то, что не все полномочия могут быть переданы по соглашению, а лишь их часть [1, с. 185-186].

Изложенное позволяет говорить о проявлении принципа свободы договора в части определения органами государственной власти субъекта круга полномочий, которые

могут быть переданы по соглашению федеральным органам государственной власти.

Вмешательство в административно-договорное регулирование может происходить посредством нормативного правового регулирования аналогичных правоотношений. Однако такое вмешательство должно быть обусловлено только необходимостью охраны публичного интереса и только в случае нарушений его баланса.

Нормативное правовое регулирование не должно вносить изменения в содержание административного договора, а может лишь отменить его действие или расторгнуть в одностороннем порядке. В противном случае ценность административно-договорного регулирующего воздействия будет утрачена.

Подмена административно-договорного регулирования нормативно-правовым должно оказывать непосредственное влияние на содержание управленческого отношения, а не трансформироваться в содержание договорных правоотношений.

Наличие установленных в нормативных правовых актах требований к содержанию, форме и субъектному составу административных договоров не является, по нашему мнению, ограничением принципа свободы договора, а, напротив, выступает в качестве фактора, упорядочивающего административно-договорные отношения.

Законодательное ограничение свободы определения условий административного договора формирует необходимые механизмы защиты публичных интересов.

В целом следует отметить, что ни в правовой доктрине, ни в положениях действующего законодательства не определены

2 Об утверждении примерных форм соглашения между федеральным органом исполнительной власти и высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации о передаче высшему исполнительному органу государственной власти субъекта Российской Федерации осуществления части полномочий федерального органа исполнительной власти, соглашения между федеральным органом исполнительной власти и высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации о передаче федеральному органу исполнительной власти осуществления части полномочий высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации : приказ Минюста России от 10.08.2016 N 182 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

3 О порядке заключения и вступления в силу соглашений между федеральными органами исполнительной власти и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации о передаче ими друг другу осуществления части своих полномочий : постановление Правительства РФ от 08.12.2008 N 924 (ред. от 11.02.2016) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

ограничения принципа свободы договора применимо к административно-договорным правоотношениям. Принцип свободы договора может быть применим к административно-договорным правоотношениям с учетом определенных особенностей, обусловленных сферой возникновения последних. Следует признать, что в полной мере рассматриваемый принцип не может распространять свои

положения на отношения в сфере государственного управления.

Объем договорной свободы участников административно-договорных правоотношений и пределы ее ограничения будут зависеть от каждого конкретного случая и могут изменяться с учетом требований, отраженных в действующем законодательстве.

Библиографический список

1. Бакулина, Л.Т. Общая теория договорного правового регулирования : дис. ... докт. юрид. наук / Л.Т. Бакулина. – М., 2019.
2. Кратенко, М.В. Злоупотребление свободой договора: частноправовые и публично-правовые аспекты / М.В. Кратенко. – М.: ВолтерсКлувер, 2010.
3. Рогова, Ю.В. Договор как средство обеспечения стабильности гражданского оборота : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.В. Рогова. – СПб., 2016.

УДК 343.102

Игорь Николаевич ЖЕЛЕЗНЯК,
доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности
и специальной техники в ОВД Восточно-Сибирского
института МВД России (г. Иркутск),
кандидат юридических наук
zheleznyakin@gmail.com

О НЕСОГЛАСОВАННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

ON THE INCONSISTENCY OF CERTAIN PROVISIONS OF THE FEDERAL LAW "ON OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY"

В статье рассматривается ситуация, представляющая правовую неопределенность в вопросе наличия оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий в случае исполнения запросов международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

The article examines a situation that represents legal uncertainty in the issue of the existence of grounds for operational-search measures carried out by international law enforcement organizations and law enforcement agencies of foreign states in accordance with the treaties of the Russian Federation.

Ключевые слова: закон, международный договор, основание, оперативно-розыскное мероприятие, несогласованность, субъект оперативно-розыскной деятельности, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, полиция, права субъектов оперативно-розыскной деятельности.

Keywords: law, international treaty, basis, operational-search measures, inconsistency, subject of operational-search activity, operational-search activity, police, rights of subjects of operational-search activity.

Закономерности возникновения юридических коллизий в отечественном праве давно стали обыденностью в жизни российского правоприменителя. А регулярность выявления этих противоречий в той или иной отрасли права или нормативном правовом акте свидетельствует о плачевном состоянии качества современного законодательства.

Наполеон I Бонапарт (1769-1821 гг., французский император, полководец и государственный деятель, заложивший основы современного французского государства) еще в XVIII в. разобрался в этом парадоксе, отметив, что легче составлять законы, чем исполнять их.

Ежедневно выявляя пробелы и несовершенства там, где их не должно было бы быть априори, ученые-теоретики с усердием археолога восполняют картину идеального законодательства, анализируя нормы и предлагая их варианты в надежде на лучшее.

12 августа 1995 г. был принят Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», который предусмотрел ряд принципиально новых положений, позволивших расширить права и возможности оперативных подразделений в решении задач оперативно-розыскной деятельности.

Ученые в области профессионального сыска едины во мнении, что главенствующую роль в работе по созданию правовой основы

оперативно-розыскной деятельности должен занимать приоритет отмеченного выше закона в регламентировании вопросов ее организации. Однако в действительности все получается, как в известном изречении Альберта Эйнштейна: «Теория – это когда все известно, но ничего не работает. Практика – это когда все работает, но никто не знает почему. Мы же объединяем теорию и практику: ничего не работает и никто не знает почему».

В рамках определения главенствующей роли закона в регламентации организации оперативно-розыскной деятельности представляется странным, когда одни и те же проблемы, вскрытые много лет назад, продолжают существовать и спустя значительное время. Так, Н.С. Железняк отмечал в 2008 г.: «Почему действующий Закон можно назвать округлым? Округлость его объясняется наличием в нем не идеальной, но логики, не четких, но взаимосвязей между статьями закона и между содержащимися в них нормами. Но даже в целом при позитивных характеристиках Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» сотрудники, осуществляющие борьбу с преступностью, практически ежедневно сталкиваются с его несовершенством, «острыми углами», серьезно затрудняющими выполнение служебного долга, препятствующими эффективной реализации правоохранительной функции» [2].

Мы согласимся с этим утверждением, фрагментарно проанализировав лишь одну из существующих в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» явных несогласованностей.

Так, В.Н. Митьков отмечал, что в Конституции РФ и в ряде федеральных законов международные договоры Российской Федерации провозглашаются как часть российского законодательства, более того – они имеют приоритет перед нормами внутреннего права, что, в частности, декларируется в п. 4 ст. 15 Конституции РФ. Именно поэтому следующими по юридической силе источниками права после основополагающего нормативного правового акта Российской Федерации абсолютно обоснованно представляются международные договоры, ратифицирован-

ные Российской Федерацией, а также общепризнанные принципы и нормы международного права. Специфическим источником правового регулирования ОРД являются международные договоры (соглашения) Российской Федерации, которые не упомянуты в ст. 4 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», что является существенным упущением [3].

Поддерживая коллегу, отметим, что в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» одним из оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий являются запросы на это международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

Основания, будучи юридическим синонимом причин или достаточных поводов, незыблемы с точки зрения их обязательности в конструкции определения законности осуществления оперативно-розыскных мероприятий.

Таким образом, наличие запроса правоохранительного органа или правоохранительной организации иностранного государства, с которыми Российская Федерация заключила международный договор, – неотъемлемый элемент возможности осуществления субъектами оперативно-розыскной деятельности оперативно-розыскных мероприятий.

Вместе с тем фраза, содержащаяся в п. 6 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», не уточняет, что юридическим основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий могут выступать запросы только тех международных правоохранительных организаций, членом которых Россия является либо признает юрисдикцию которых в установленном международным правом порядке [1].

Возвращаясь к возможности или поводу проведения оперативно-розыскных мероприятий, следует отметить, что они не всегда приводят субъекта оперативно-розыскной деятельности к выводу о необходимости ее осуществления. Сама возможность проведения

оперативно-розыскных мероприятий должна быть подкреплена профессиональной заинтересованностью и находиться в сфере решения задач, определенных в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Мы полагаем, что разрешить проблему с наличием профессиональной заинтересованности субъектов оперативно-розыскной деятельности в осуществлении мероприятий по запросам правоохранительного органа или правоохранительной организации иностранного государства, с которым Российская Федерация заключила международный договор, должно было предписание, включенное в п. 3 ст. 14 закона, в соответствии с которым «при решении определенных настоящим Федеральным законом задач оперативно-розыскной деятельности органы, уполномоченные ее осуществлять, обязаны ... выполнять на основе и в порядке, предусмотренных международными договорами Российской Федерации, запросы соответствующих международных правоохранительных организаций, правоохранительных органов и специальных служб иностранных государств».

Вменение в обязанность государственной службе неких действий, ранее просто разрешенных, – давняя традиция российского законодательства. При этом юридико-техническая сторона указанного вменения и по сей день оставляет много неразрешенных вопросов.

Так, в противоречие с изложенными в законе основаниями для осуществления оперативно-розыскных мероприятий при исполнении рассматриваемых запросов, где их инициаторами выступают международные правоохранительные организации и правоохранительные органы иностранных государств, запросы, выполнение которых субъектами оперативно-розыскной деятельности представляется обязательным в сфере международного сотрудничества, должны быть инициированы международными правоохранительными организациями, правоохранительными органами и специальными службами иностранных государств.

Даже для обывателя, далекого от понимания важности в законодательстве юридических формулировок, очевидно различие наименований одного и того же инициатора в двух связанных по смыслу статьях рассматриваемого закона.

В этом сопоставлении нами отмечены три различных наименования неких возможных инициаторов оперативно-розыскных мероприятий:

- 1) международные правоохранительные организации (п. 6 ч. 1 ст. 7, п. 3 ст. 14);
- 2) правоохранительные органы иностранных государств (п. 6 ч. 1 ст. 7, п. 3 ст. 14);
- 3) специальные службы иностранных государств (п. 3 ст. 14).

И если с первыми двумя категориями все более или менее понятно, то последняя вызывает определенные вопросы.

В нашем государстве отсутствует законодательное закрепление понятия «специальная служба», оставляя область его применения сфере журналистики и жаргонно-сленговой коммуникации. Однако, дословно выполняя требования закона, субъект оперативно-розыскной деятельности вынужден принять к обязательному исполнению запрос специальной службы иностранного государства (конечно же, при наличии международного договора), профиль деятельности которой может совсем не коррелировать с задачами, определенными в ст. 2 закона. По нашему мнению, допустив подобную формулировку, законодатель, видимо, хотел объять весь спектр правоохранительных и специальных служб иностранных государств, занимающихся вопросами противодействия преступности. Возможно, подобное было бы уместно, будь оно идентично представлено во всех положениях одного нормативного правового акта. Рассматриваемый нами случай к такому не относится.

Далее, анализируя п. 3 ст. 14 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», мы обращаем внимание на то, что обязанность выполнения субъектами оперативно-розыскной деятельности запросов

соответствующих международных правоохранительных органов и специальных служб иностранных государств основывается на существовании заключенного международного договора, а не на положении закона. И этой же нормой (п. 3 ст. 14) допускается определение порядка исполнения указанной обязанности положениями международного договора, что, на наш взгляд, является вопиющим противоречием самой сути оперативно-розыскной деятельности, задачи, основания и условия которой достаточно четко определены в соответствующих статьях Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Например, невозможно раскрыть в международном договоре вопросы ограничения конституционных прав российских граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий, что, безусловно, является обыденностью при выполнении в соответствии со ст. 13 закона запросов других органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

И, наконец, проблема, предстающая перед практиками во всем своем величии: п. 3 ст. 14 рассматриваемого закона обязывает (здесь и далее выделено нами. – И.Ж.) сотрудников оперативных подразделений *выполнять запросы иностранных спецслужб по осуществлению оперативно-розыскных мероприятий*, но сформулированное в п. 6 ч. 1 ст. 7 закона основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий (а мы априори не можем проводить такие мероприятия без наличия для этого законных оснований) в качестве инициаторов запроса не указывает специальные службы, что означает *запрет на проведение оперативно-розыскных мероприятий* в интересах отмеченных инициаторов. Проще говоря, сопоставление рассматриваемых норм одного и того же закона показывает, что существует обязанность сотрудников оперативных подразделений по исполнению запросов спецслужб иностранных государств, но для этого отсутствуют соответствующие законные основания.

Стороннему наблюдателю может показаться надуманной проблема, раскрытая выше, однако существующая несогласован-

ность п. 6 ч. 1 ст. 7 и п. 3 ст. 14 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также находящиеся на поверхности неурегулированные пробелы исследованных нами его норм являются характерным примером стабильности правовой неопределенности, существующей в российской правовой системе.

Так каков же выход их существующего положения? Нам он видится в оптимизации российской правовой системы. Насущная необходимость ее трансформации системно проявляется как в теории, так и в оперативно-розыскной практике, где постоянно возникают проблемы, связанные с неточностью формулировок, отсутствием дефиниций наиболее значимых терминов и даже противоречием норм одного и того же нормативного правового акта.

Первое, что следует сделать теоретикам в области оперативно-розыскной деятельности – это совместно с практиками проанализировать отраслевое законодательство и сопрягающиеся с ним нормативные правовые акты, выявить имеющиеся в них несоответствия и предложить пути их устранения. При этом мы понимаем, что за этим этапом наступит более сложный – необходимо «достучаться» до законодателя для организации соответствующей законодательной деятельности.

Второе – следует окончательно разобраться с иерархией нормативных правовых актов в российской правовой системе. Необходимо, наконец, понять, почему законодатель не указал в перечне правовых источников оперативно-розыскной деятельности международные договоры Российской Федерации, если согласно положению ч. 4 ст. 15 Конституции РФ «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора», а в соответствии со ст. 79 Конституции РФ «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений междуна-

родных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

И, наконец, третье. Необходимо максимальное упрощение подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы оперативно-розыскной деятельности.

Все это позволит не только избежать несогласованности предписаний Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», но и создаст реальные предпосылки к приемлемому использованию правовых норм в оперативно-розыском противодействии преступности.

Библиографический список

1. Вагин, О.А. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) / О.А. Вагин, А.П. Исиченко, А.Е. Чечётин // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.04.2021).
2. Железняк, Н.С. «Острые углы» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» / Н.С. Железняк // Научный портал МВД России. – 2008. – N 2. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12041655> (дата обращения: 05.04.2021).
3. Митьков, В.Н. Оперативно-розыскное противодействие преступности иностранных граждан в условиях международного сотрудничества / В.Н. Митьков // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – N 3(33). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/operativno-rozysknoe-protivodeystvie-prestupnosti-inostrannyh-grazhdan-v-usloviyah-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva/viewer55> (дата обращения: 05.04.2021).

УДК 343.21

**Михаил Александрович
МАТОРИН,**

заведующий кафедрой
уголовно-процессуальной и оператив-
но-розыскной деятельности Калужского
института (филиала) ВГУЮ
(РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент
mihamvd@yandex.ru

**Юлия Николаевна
МАТОРИНА,**

заведующий кафедрой
уголовно-правовых дисциплин
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент
yulyamatorina@yandex.ru

**Ольга Витальевна
ТУРБИНА,**

доцент кафедры
оперативно-розыскной деятельности
Московского университета МВД
России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
tov30041964@yandex.ru

СУДЕБНЫЙ ШТРАФ КАК ИНАЯ МЕРА УГОЛОВНО- ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ

COURT FINE AS ANOTHER MEASURE OF A CRIMINAL-LEGAL NATURE: CURRENT PROBLEMS AND ISSUES OF APPLICATION

В статье проанализированы проблемы, возникшие в теории и на практике в связи с введением в Уголовный кодекс РФ института судебного штрафа. Методологической основой работы выступают общенаучные и частнонаучные методы исследования: формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и др. Целью работы является разработка предложений по совершенствованию уголовного законодательства, регламентирующего освобождение от уголовной ответственности с применением судебного штрафа.

The article analyzes the problems that have arisen in theory and in practice in connection with the introduction of the institution of a court fine in the Criminal Code of the Russian Federation. The methodological basis of the work is general scientific and private scientific research methods: formal-legal, systemic, comparative-legal, etc. The purpose of the re-search is to develop proposals for improving the criminal legislation regulating the exemption from criminal liability with the use of a court fine.

Ключевые слова: судебный штраф, практика правоприменения, освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела, возмещение ущерба, нереабилитирующее основание, совершенствование законодательства.

Keywords: court fine, law enforcement practice, exemption from criminal liability, termination of a criminal case, compensation for damage, non-rehabilitating reason, improvement of legislation.

Наказание – основная форма реализации уголовной ответственности и самое мощное средство воздействия на пре-

ступников. Однако в настоящее время одним из основных направлений в уголовной политике является поиск мер, альтернативных на-

казанию. Именно поэтому вопросы применения иных мер уголовно-правового характера становятся все более актуальными.

Нормы международного права также ориентируют государства на применение альтернативных наказанию мер в целях предупреждения преступности и обращения с преступниками. Например, в п. 2.3 Минимальных стандартных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила, приняты резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи от 14.12.1990), указано: «В целях обеспечения большей гибкости в соответствии с характером и степенью тяжести правонарушения, личностью и биографией правонарушителя, а также с интересами защиты общества и во избежание неоправданного применения тюремного заключения система уголовного правосудия должна предусматривать широкий выбор мер, не связанных с тюремным заключением, от досудебных до постсудебных мер. Число и виды мер, не связанных с тюремным заключением, должно определяться таким образом, чтобы оставалась возможной последовательность приговоров».

Российский законодатель наряду с наказанием выделяет иные меры уголовно-правового характера и неоднократно пользуется этим понятием, но в отличие от наказания понятия иных мер уголовно-правового характера он не дает, не называет их виды, не раскрывает их юридическую природу.

Однако на сегодняшний день можно говорить о том, что в уголовном законе сделана попытка определить виды иных мер, поскольку в УК РФ появился новый раздел VI с наименованием «Иные меры уголовно-правового характера», включающий три главы: «Принудительные меры медицинского характера», «Конфискация имущества» и «Судебный штраф».

Судебный штраф был введен Федеральным законом от 3 июля 2016 г. N 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответ-

ственности». Принятие указанного закона явилось частью государственной политики в сфере общей гуманизации уголовного законодательства и совершенствования института освобождения от уголовной ответственности.

УПК РФ дополнен ст. 25.1, предусматривающей прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, а УК РФ – ст. 76.2, предусматривающей возможность освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

В частности, в ст. 76.2 УК РФ установлено, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности при наличии следующих условий: преступление совершено впервые, оно относится к категориям небольшой или средней тяжести (чч. 2 и 3 ст. 15 УК РФ), виновным возмещен ущерб или иным образом заглажен причиненный вред.

Для реализации вышеуказанных норм УК РФ дополнен главой 15.2, устанавливающей понятие судебного штрафа как денежного взыскания, назначаемого судом при освобождении от уголовной ответственности, порядок определения его размера, правовые последствия неуплаты, а УПК РФ – главой 51.1, регулирующей порядок производства о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности.

Данный вид освобождения от уголовной ответственности является факультативным и условным: неуплата штрафа в установленный судом срок влечет отмену судебного штрафа и привлечение виновного к уголовной ответственности.

В пояснительной записке к законопроекту сказано, что, согласно судебной статистике, в Российской Федерации ежегодно по нереабилитирующим основаниям (деятельное раскаяние, примирение сторон и т.д.) уголовные дела прекращаются в отношении 200 тысяч лиц – это 22% от числа лиц, в отношении которых уголовные дела были рассмотрены по существу. И внесение в Государственную Думу Федерального Собрания РФ законо-

проекта о ст. 76.2 УК РФ авторы связывали именно с расширением института освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. В заключение пояснительной записки делается прогноз о том, что к тем ежегодным 200 тысячам лиц с введением ст. 76.2 УК РФ добавятся еще 300 тысяч лиц, что в совокупности составит 500 тысяч. Если обратиться к статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ, то в 2013-2015 гг. всего за преступления небольшой и средней тяжести в Российской Федерации были осуждены: 2013 г. – $340,7 + 182,3 = 523$ тысячи человек, 2014 г. – $330,9 + 172,9 = 503,8$ тысячи человек; 2015 г. – $342,3 + 176,7 = 519$ тысяч человек. В 2010-2014 гг. среди всех уголовных дел, прекращенных по нереабилитирующим основаниям, 80-85% составили дела, прекращенные в связи с примирением сторон, т.е. на основании ст. 76 УК РФ.

За период действия институт судебного штрафа подтвердил свою востребованность в правоприменительной практике. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, судебный штраф в 2017 г. был назначен 20 639 лицам, в 2018 г. – 33 329 лицам, в 2019 г. – 52 460 лицам, в 2020 г. – 56 980 лицам. Приведенные данные свидетельствуют о последовательном увеличении количества принимаемых судами решений об освобождении от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, хотя и не таком существенном, как прогнозировалось в пояснительной записке.

Впервые постановление о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа было вынесено Свердловским районным судом г. Белгорода. К.А.И. и Я.Д.Ю. органом предварительного следствия подозревались в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, – покушение на кражу с причинением значительного ущерба гражданину. Постановлением следователя перед судом было возбуждено ходатайство о прекращении уголовного дела в отношении указанных подо-

зреваемых и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. В судебном заседании было установлено, что подозреваемые К.А.И. и Я.Д.Ю. вину в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, не оспаривают, подозреваются в совершении умышленного преступления средней тяжести, добровольно возместили причиненный ущерб потерпевшему, характеризуются положительно и против прекращения в отношении них уголовного дела с назначением судебного штрафа не возражали.

9 августа 2016 г. суд прекратил уголовное дело в отношении К.А.И. и Я.Д.Ю. и освободил их от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ с назначением судебного штрафа в размере 10000 (десяти тысяч) рублей каждому, установив тридцатидневный срок, в течение которого они должны заплатить судебный штраф.

Следует отметить, что институт судебного штрафа вызвал споры среди теоретиков и правоприменителей, большинство из которых сразу выделили ряд проблем. Некоторые из этих проблем остались неразрешенными и после принятия Пленумом Верховного Суда РФ постановления от 29 ноября 2016 г. N 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». Отсутствие разъяснений по некоторым вопросам часто приводило к различным толкованиям и применению норм об освобождении от уголовной ответственности.

В дополнение к указанному постановлению в целях устранения некоторых вопросов, возникающих при применении норм о судебном штрафе, Верховный Суд РФ подготовил Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г. (далее – Обзор), в котором сформулировал 13 правовых позиций относительно наиболее спорных вопросов.

В п. 1 Обзора указано, что закон не запрещает применение данной меры и в тех случаях, когда диспозиция инкриминируемой статьи не предусматривает причинение ущерба или иного вреда в качестве обязательного признака объективной стороны преступления (преступления с формальным составом). Подобная позиция основана на определении Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. N 2257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Таисии Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 г. N 323-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности"». При этом подчеркивается, что суд в каждом конкретном случае должен не просто констатировать наличие или отсутствие оснований для освобождения от уголовной ответственности, а принять справедливое и мотивированное решение с учетом всей совокупности данных, характеризующих особенности объекта преступного посягательства, обстоятельства его совершения, действия, предпринятые лицом для возмещения ущерба или иного заглаживания вреда, изменение степени общественной опасности деяния вследствие таких действий, личность виновного, а также обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Данное разъяснение имеет очень большое значение, так как анализ практики регионов показывает, что до этого единства в решениях по конкретным делам не наблюдалось. Так, в справках по результатам обобщения судебной практики освобождения от

уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) Ивановского областного суда¹ и Верховного Суда Республики Крым² содержался вывод, аналогичный разъяснениям высшей судебной инстанции. А в обобщении судебной практики прекращения уголовных дел или уголовного преследования в связи с назначением судебного штрафа за период с 15 июля 2016 г. по 31 декабря 2016 г. Ленинградского областного суда сделан вывод, что «при разрешении вопроса о прекращении уголовного дела (преследования) с назначением судебного штрафа по уголовным делам, где потерпевший не установлен, т.е. вред причинен общественным отношениям, прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штраф не допускается»³.

В п. 3 Обзора Верховный Суд РФ указал, что лицо также может быть освобождено от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, если материальный ущерб фактически не причинен ввиду того, что преступление не было доведено до конца по не зависящим от него обстоятельствам. Невозможность в указанной ситуации освобождения от уголовной ответственности с назначением штрафа поставило бы в неравное положение лиц, совершивших преступления, не повлекшие ущерба или вреда, и лиц, совершивших преступления с причинением ущерба или вреда.

При этом возврат похищенного имущества потерпевшему может быть признан в качестве возмещения ущерба или заглаживания вреда при условии, если это было сделано добровольно (п. 4 обзора). В то же время отмечается обоснованность отказов судов в

1 Справка по результатам обобщения судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) // Ивановский областной суд: сайт. URL: http://oblsud.iwn.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=48.

2 Справка по результатам изучения судебной практики по применению судами Республики Крым судебного штрафа (ст. 76.2, 104.4, 104.5 УК РФ) (за период с 15 июля по 15 октября 2016 г.) // Верховный Суд Республики Крым: сайт. URL: http://vs.krm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=55.

3 Обобщение судебной практики прекращения уголовных дел или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (освобождения от уголовной ответственности лиц с назначением судебного штрафа) (ст. 76.2 УК РФ) за период с 15 июля 2016 г. по 31 декабря 2016 г. // Ленинградский областной суд: сайт. URL: http://oblsud.lo.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=153.

применении положений ст. 76.2 УК РФ, если похищенные предметы были изъяты при задержании лица, а также в ходе следствия.

Отмечается, что способы возмещения ущерба и заглаживания вреда должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц. При этом они не ограничены законом. С учетом этого суды правильно исходят из того, что вред, причиненный преступлением, может быть возмещен в любой форме, позволяющей компенсировать негативные изменения, а не только посредством возмещения материального вреда. Так, подозреваемые и обвиняемые активно пользуются практикой возмещения ущерба по неимущественным преступлениям – к примеру, по ст. 228 УК РФ, где нет потерпевших. В Обзоре приведен пример добровольного выполнения общественных работ в «Социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних».

В судебной практике есть примеры прекращения уголовного дела по основанию, предусмотренному ст. 25.1 УПК РФ, даже по обвинению лица в совершении преступлений террористического характера, например преступления, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении». Суд согласился с доводами обвиняемого о том, что он загладил вред, причиненный преступлением, давая признательные показания по уголовному делу и сотрудничая со следствием, выступая свидетелем обвинения по уголовным делам в отношении других лиц⁴.

В п. 5 Обзора подчеркивается, что имущественное положение и отсутствие источника дохода не препятствуют освобождению от уголовной ответственности и применению судебного штрафа. При этом суды исходят из того, что необходимость выяснения имущественного (материального) положения предусмотрена исключительно при определении размера судебного штрафа, что соответствует ст. 19 Конституции РФ.

Важным является разъяснение высшей судебной инстанции о том, что мнение потерпевших и прокурора не обязательно учитывать для применения института судебного

штрафа. Раньше одним из основных нереабилитирующих оснований прекращения дела было примирение с потерпевшим, где мнение последнего, естественно, учитывалось. Это создавало ситуации, когда потерпевшие торговались с подсудимыми за право прекратить дело, называя суммы, не соответствующие реальному ущербу. Сейчас эта порочная практика может быть сокращена. В п. 7 Обзора указано, что согласие потерпевшего в качестве обязательного условия для освобождения лица от уголовной ответственности по ст. 76.2 УК РФ не предусмотрено. Верховный Суд РФ отметил, что в большинстве случаев в ходе предварительного расследования выяснялось мнение потерпевших о такой возможности, что оформлялось в виде ходатайств либо письменного согласия на прекращение дела. Если потерпевший возражает против прекращения дела с назначением судебного штрафа, судья выясняет причины его позиции, а также оценивает достаточность принятых обвиняемым мер по возмещению ущерба или заглаживания вреда для признания выполненными условий, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ.

В п. 11 Обзора отмечается, что участие прокурора в рассмотрении соответствующего ходатайства следователя или дознавателя обязательно. При этом Верховный Суд РФ подчеркнул, что мнение прокурора, не поддержавшего ходатайство, не препятствует применению ст. 76.2 УК, если судом установлено наличие законных оснований для прекращения дела и (или) уголовного преследования с назначением судебного штрафа.

А вот согласие подозреваемого, обвиняемого является обязательным условием прекращения дела в связи с назначением судебного штрафа, так как это основание относится к нереабилитирующим. Верховный Суд РФ подчеркнул, что суды обоснованно отказывают в удовлетворении ходатайств следователей или дознавателей, если обвиняемый не подтвердил свое согласие.

Еще одним спорным вопросом была возможность освобождения от уголовной ответ-

⁴ Постановление Центрального районного суда г. Хабаровска от 27.08.2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xDVzZTFz0PHJ/>.

ственности с назначением судебного штрафа сразу за несколько преступлений. В п. 9 Обзора Верховный Суд РФ указал, что УК РФ не содержит положений, регламентирующих порядок назначения судебного штрафа, а также определения его окончательного размера в отношении лиц, совершивших несколько преступлений небольшой и (или) средней тяжести (образующих их совокупность). Верховный Суд РФ подтвердил обоснованность позиции судов о том, что судебный штраф является не наказанием, назначаемым за конкретное преступление, а иной мерой уголовно-правового характера, и на него не могут распространяться положения ст. 69 УК РФ. Поскольку освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК – это единовременное решение суда в отношении одного лица, то с учетом всех обстоятельств, позволяющих судить о наличии оснований и условий для принятия такого решения, независимо от количества совершенных преступлений всегда вместо наказания применяется одна единая мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. При определении размера судебного штрафа за несколько преступлений суды, подчеркнул Верховный Суд РФ, обоснованно применяют санкцию статьи, устанавливающей наиболее строгую ответственность.

Также в Обзоре дан четкий ответ на вопрос о том, как применять ст. 76.2 УК РФ при одновременном наличии оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных другими статьями УК РФ.

В случаях, когда суд, рассматривая ходатайство, устанавливает иные основания для прекращения дела (как реабилитирующие, так и нереабилитирующие), он отказывает в удовлетворении ходатайства и возвращает его с материалами дела руководителю следственного органа или прокурору (п. 13 Обзора). Возникает вопрос: почему законодатель не предусмотрел прекращение дела по иному установленному судом в ходе рассмотрения ходатайства основанию самим судом, а обязал его в таких случаях отказать в удовлетворении ходатайства и вернуть его вместе

с материалами дела руководителю следственного органа (прокурору)?

Вместе с тем в соответствии с положениями ч. 1 ст. 446.3 УПК РФ по уголовному делу, поступившему в суд с обвинительным заключением или обвинительным постановлением, если в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства будут установлены основания, предусмотренные ст. 25.1 УПК РФ, а стороны заявляют ходатайство об освобождении подсудимого от уголовной ответственности по иным основаниям (например, в связи с примирением сторон или с деятельным раскаянием), суд прекращает уголовное дело по тому основанию, против которого не возражает подсудимый.

Так, при рассмотрении Калининским районным судом Тюменской области уголовного дела в отношении Г., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, в ходе судебного заседания потерпевшим было заявлено ходатайство о прекращении уголовного дела в связи с примирением с подсудимым. Подсудимый в судебном заседании пояснил, что согласен на прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию в связи с примирением сторон и возражает против прекращения уголовного дела на основании ст. 25.1 УПК РФ, о чем просил государственный обвинитель. В результате по постановлению суда от 21 апреля 2017 г. уголовное дело в отношении Г. прекращено в порядке ст. 25 УПК РФ в связи с примирением с потерпевшим.

В п. 8 Обзора разъясняется, что размер судебного штрафа не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Если же штраф не предусмотрен санкцией статьи, то размер судебного штрафа не должен превышать 250 тысяч рублей. Минимальный размер судебного штрафа не установлен.

Верховный Суд РФ напомнил, что судебный штраф, назначаемый на основании ст. 76.2 УК РФ лицу, освобожденному от уголовной ответственности, не является уголовным наказанием, а относится к иным мерам уголовно-правового характера. Правила

ст. 46 УК РФ к назначению и исполнению судебного штрафа не применяются. Размер последнего определяется судом с учетом тяжести преступления и имущественного положения лица, освобождаемого от уголовной ответственности, и его семьи, а также с учетом возможности получения им зарплаты или иного дохода.

Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2020 г. в Российской Федерации судебный штраф в размере до 5 тысяч рублей был назначен 17 338 лицам (30,4%), в размере свыше 5 тысяч до 25 тысяч – 33 165 (58,2%), свыше 25 тысяч до 100 тысяч – 6 012 (10,6%), свыше 100 тысяч – 465 лицам (0,8%). Можно сделать вывод, что больше половины обвиняемых освобождаются от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в пределах от 5 до 25 тысяч рублей, а треть – и того меньше.

Однако до конца не разрешенными остаются несколько вопросов. Во-первых, в УК РФ предусмотрены три способа исчисления размера штрафа как уголовного наказания. Какой из них должен выбрать суд при определении размера судебного штрафа? С учетом того, что в ч. 1 ст. 104.5 УК РФ речь идет о конкретном размере судебного штрафа (250 тыс. р.), когда штраф как уголовное наказание не предусмотрен соответствующей статьей Особенной части УК РФ, размер судебного штрафа должен определяться исходя из первого способа назначения штрафа как уголовного наказания [2]. Вместе с тем в санкциях статей Особенной части УК РФ штраф предусмотрен в качестве как основного, так и дополнительного вида наказания. Размер судебного штрафа следует исчислять исходя из размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей в качестве основного вида наказания [1].

От уголовной ответственности с назначением судебного штрафа может быть освобожден и несовершеннолетний, поскольку данный вид освобождения относится к общим видам. При этом в соответствии с п. 16.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. N 19 «О применении судами законодательства, регламентирующе-

го основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» суду необходимо учитывать особенности, предусмотренные нормами гл. 14 УК РФ, касающиеся, в частности, исчисления сроков давности уголовного преследования, сроков погашения судимости, размера штрафа, который может быть назначен несовершеннолетнему в качестве наказания, и т.д. Так, согласно ч. 2 ст. 88 УК РФ штраф как уголовное наказание назначается несовершеннолетнему в размере от 1 тысячи до 50 тысяч рублей. В этих же пределах несовершеннолетнему должен назначаться и судебный штраф. Вместе с тем штраф в качестве уголовного наказания назначается как при наличии у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание, так и при отсутствии таковых. Также по решению суда штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия. Некоторые ученые считают, что, исходя из логики п. 16.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ, суду необходимо предоставить право при назначении судебного штрафа руководствоваться и этими нормами ч. 2 ст. 88 УК РФ. Однако данное положение представляется не отвечающим целям наказания и нежелательным не только для судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера, но и штрафа как уголовного наказания.

Принимая во внимание правила ч. 1 ст. 104.5 УК РФ, верхний предел судебного штрафа для несовершеннолетних следует уменьшить по сравнению со штрафом как уголовным наказанием наполовину, т.е. до 25 тысяч рублей. Особенности освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа должны найти отражение в гл. 15.2 УК РФ [1].

На основании вышеизложенного можно заключить, что норма об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа и практика ее применения имеют ряд недостатков, в основном из-за пробельности законодательства.

Во-первых, анализ содержания ст. 76.2 УК РФ свидетельствует, что законодатель конкретизировал только условия освобождения от уголовной ответственности. В связи с этим суды ограничиваются цитированием соответствующих положений, считая, что их совокупность является достаточным основанием для прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа. В юридической литературе даже ведутся споры, является ли данное основание правом или обязанностью для следствия и дознания с учетом неоднозначных конструкций ст. 25.1 и главы 51.1 УПК РФ.

Конституционный Суд РФ в определении от 26 октября 2017 г. N 2257-О верно обратил внимание на то, что основным критерием освобождения от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступления небольшой или средней тяжести, является вывод о том, что лицо своими действиями снизило степень общественной опасности совершенного им преступления. Указанная проблема может быть решена закреплением в законе и обозначенном выше постановлении Пленума Верховного Суда РФ обязанности конкретизации судом фактических данных, свидетельствующих о снижении степени общественной опасности преступления и возможности исправления обвиняемого посредством назначения судебного штрафа без его осуждения и наказания.

Еще одна проблема указанного вида освобождения от уголовной ответственности

заключается в следующем. Иногда желание прекратить уголовное дело (уголовное преследование) на основании ст. 76.2 УК РФ позволяет суду «усмотреть» в действиях виновного заглаживание вреда даже по преступлениям, фактическое возмещение ущерба по которым невозможно. Представляется, что освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа допустимо только по тем формальным составам, по которым виновное лицо может принять и приняло меры по заглаживанию причиненного вреда.

Следующая проблема заключается в том, что законодатель, четко указав максимальный размер судебного штрафа, поставил перед правоприменителем вопрос о его минимальном размере. Обозначенный вопрос может быть решен, например, законодательной регламентацией необходимости придерживаться нижнего предела судебного штрафа, установленного для штрафа как вида наказания. Кроме того, в статье уже указывалось на проблему определения размера судебного штрафа для несовершеннолетних, которая также должна быть четко решена в УК РФ.

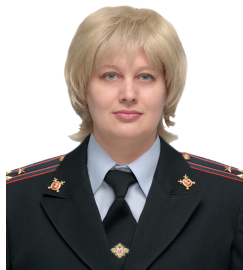
Таким образом, законодателю необходимо принимать во внимание правоприменительную практику и актуализировать нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа.

Библиографический список

1. Абашина, Л.А. Судебный штраф – новая иная мера уголовно-правового характера / Л.А. Абашина, Г.Л. Минаков // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – N 2. – С. 266-274.
2. Иногамова-Хегай, Л.В. Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и иные меры уголовно-правового / Л.В. Иногамова-Хегай // Общество и право. – 2016. – N 2 (56). – С. 98-103.

УДК 343.359

Елена Евгеньевна КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ,

доцент кафедры криминалистики
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент

kontra2505@mail.ru

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ТАКТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ РАССЛЕДОВАНИЯ КОНТРАБАНДЫ ЛЕСА И ЛЕСОМАТЕРИАЛОВ И ВОЗМОЖНЫХ СРЕДСТВАХ ИХ РЕШЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЯХ

TO THE ISSUE OF THE SYSTEM OF TACTICAL TASKS IN INVESTIGATING THE SMUGGLING OF TIMBER AND TIMBER PRODUCTS AND POSSIBLE MEANS OF SOLVING THEM IN VARIOUS INVESTIGATIVE SITUATIONS

В статье рассматриваются тактические задачи расследования в качестве одного из структурных элементов видовой криминалистической методики расследования контрабанды леса и лесоматериалов; представлена система тактических задач расследования данного вида преступлений, включающая общие (базовые), промежуточные и факультативные тактические задачи. Также предлагаются возможные алгоритмы процессуальных действий, направленных на решение тактических задач, обусловленные следственной ситуацией.

The article considers the tactical tasks of investigation as one of the structural elements of a specific forensic methodology for investigating the smuggling of timber and timber products; a system of tactical tasks for investigating this type of crime is presented, including general (basic), in-termediate and optional tactical tasks. Possible algorithms of procedural actions aimed at solving tactical tasks caused by the investigative situation are also proposed.

Ключевые слова: контрабанда леса и лесоматериалов, ситуации расследования, тактические задачи расследования контрабанды леса и лесоматериалов, алгоритмы процессуальных действий.

Keywords: timber and timber smuggling, investigation situations, tactical tasks of in-vestigating timber and timber smuggling, algorithms of procedural ac-tions..

Очевиден тот факт, что высокая доходность экспортных поставок леса и лесоматериалов позволяет отнести эту сферу внешнеэкономической деятельности к числу наиболее криминогенных сфер, поскольку она притягивает к себе криминальные элементы, использующие различные схемы данного вида незаконной деятельности.

Как свидетельствует судебно-следственная практика, в рамках возбужденных таможенными органами уголовных дел достаточно часто (наряду с иными – металл, продукция топливно-энергетического комплекса, водные

биологические ресурсы, алкогольная и табачная продукция, валюта, продукты питания, транспортные средства, товары народного потребления) предметом преступлений выступал лес.

Об этом же идет речь в интервью начальника Главного управления по борьбе с контрабандой ФТС России А. Юдинцева, который утверждает следующее: «Поскольку незаконное перемещение через границу леса приняло угрожающие масштабы, вопрос выявления и пресечения контрабанды лесоматериалов как конечного звена в системе сложив-

шегося за многие годы преступного «бизнеса» по незаконной заготовке и обороту лесных ресурсов, наносящего существенный урон природе, экологии и экономике страны, находится на особом контроле руководства Федеральной таможенной службы. Наибольшие объемы контрабанды древесины выявляются таможенными органами в Дальневосточном и Сибирском регионах. При этом выявляемые преступления характеризуются не только большими объемами незаконно вывозимого леса, но и устойчивостью противоправных схем и слаженностью преступных групп, их организовавших»¹.

Обратимся к практике: «239 уголовных дел по фактам контрабанды леса и лесоматериалов на 4,4 млрд руб. возбудили в январе-августе 2020 года таможенные органы... В частности, на Дальнем Востоке была раскрыта деятельность преступной группы из трех человек, которые по поддельным документам экспортировали в Китай 15 тыс. кубометров лесоматериалов ценных пород – дуба монгольского и ясеня маньчжурского. Экономический ущерб от деятельности группировки превысил 713 млн рублей»².

Еще один пример: «В 2020 году Иркутской таможней на канале экспорта леса и лесоматериалов было возбуждено 28 уголовных дел по ст. 226.1 УК РФ, при этом 5 уголовных дел было возбуждено в отношении организованной преступной группы по ч. 3 ст. 226.1 УК РФ. По возбужденным уголовным делам общий размер невозвращенных из-за границы денежных средств в рублевом эквиваленте составил 221 млн рублей, общая стоимость и объем незаконно перемещенных лесоматериалов составили 1 млрд 23 млн рублей и 144,5 тысяч кубометров»³.

Что касается последних данных, «в январе-июне 2021 года Иркутской таможней на

канале экспорта леса возбуждено 15 уголовных дел (1 полугодие 2020 г. – 10 уголовных дел). Из общего количества возбужденных уголовных дел 14 дел возбуждены по факту контрабанды круглого леса и пиломатериалов по ч. 1 ст. 226.1 УК РФ, 1 уголовное дело – по факту контрабанды леса организованной преступной группой по ч. 3 ст. 226.1 УК РФ. Общий объем незаконно перемещенных лесоматериалов в Китай и Узбекистан по данным уголовным делам составил более 26,2 тыс. кубометров стоимостью 139,7 млн. рублей»⁴.

Анализ приведенных показателей преступности в сфере лесопромышленного комплекса (далее – ЛПК) совершенно однозначно свидетельствует о несомненной актуальности разработки вопросов повышения эффективности деятельности по расследованию преступлений, входящих в данную группу, среди которых следует назвать приобретение, хранение, перевозку, переработку в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины (ст. 191.1 УК РФ), незаконную рубку лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261 УК РФ), нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов (ст. 262 УК РФ), а также ряд составов преступлений экономической направленности (например, уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ).

Полагаем, что одним из средств повышения качества расследования того или иного вида преступлений в сфере ЛПК, в том числе и контрабанды лесоматериалов, может стать разработка целостной видовой криминалистической методики по их расследованию. Эту же идею неоднократно высказывал доктор юридических наук, профессор В.Е. Корноухов, который утверждал, что «повышение эффективности деятельности следственного

1 Интервью начальника Главного управления по борьбе с контрабандой ФТС России Андрея Юдинцева журналу «Таможня» // Правоохранительная деятельность: современное состояние и перспективы развития. URL: <https://customs.gov.ru/press/aktual-no/document/214126> (дата обращения: 06.09.2021).

2 URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/251943> (дата обращения: 07.09.2021).

3 URL: <https://vs.tpprf.ru/ru/informatsiya-dlya-biznesa/informatsiya-ot-irkutskoy-tamozhni.php> (дата обращения: 04.09.2021).

4 Иркутская таможня: в 1 полугодии 2021 года на экспорт отгружено 4,5 млн кубометров лесоматериалов. ПРЕСС-РЕЛИЗ от 6 августа 2021 г. URL: <https://vs.tpprf.ru/ru/informatsiya-dlya-biznesa/informatsiya-ot-irkutskoy-tamozhni.php> (дата обращения: 06.09.2021).

аппарата во многом определяется качеством методик по расследованию преступлений» [3].

Справедливости ради стоит отметить, что вопросами расследования, контрабанды лесоматериалов занимались такие ученые-криминалисты, как Ф.Г. Аминев [1], П.И.Иванов, П.Г.Кузнецов[2], А.В.Королев[4], В.В. Тактоева [6] и др., в работах которых рассматриваются отдельные элементы методики расследования анализируемых преступлений: криминалистическая характеристика, особенности возбуждения уголовного дела, особенности производства отдельных следственных действий и др.

Не вдаваясь в подробный анализ научных подходов к определению понятия и содержания криминалистической методики, полагаем целесообразным с позиций практико-ориентированного подхода считать ее структурными элементами, наряду с криминалистически значимыми признаками, правовыми целями расследования, следственными ситуациями и тактическими операциями, и такой элемент, как тактические задачи расследования. Это же касается и видовой методики по расследованию контрабанды леса и лесоматериалов.

Тактическая задача как отношение между конкретной следственной ситуацией и целью расследования (правовой целью) конкретизируется содержанием информации и условиями деятельности, в которых осуществляется процесс расследования, что отражает его динамику и раскрывает в конечном итоге закономерности поисково-познавательной деятельности следователя.

Как показал анализ судебно-следственной практики, типичные исходные следственные ситуации, характерные для расследования контрабанды леса и лесоматериалов, таковы:

– факт контрабанды выявлен по результатам ОРМ, проведенных сотрудниками оперативных подразделений МВД либо таможенными органами;

– сотрудниками таможни при проведении аналитических мероприятий обнаружены признаки недостоверного декларирования либо выявлены документы, содержащие недостоверные сведения о товарах или иных предметах и (или) с использованием поддель-

ных либо относящихся к другим товарам или иным предметам средств идентификации.

При этом могут возникнуть следующие внутренние ситуации:

1) при выявлении факта контрабанды по результатам ОРМ после фактического убытия товара с таможенной территории таможенного союза (выпуска товара) информации ни о лесе, ни о фирмах, через которые происходило заключение договоров и т.п., в доступе правоохранительных органов нет;

2) есть информация о субъектах и схемах их деятельности.

Приведем примеры судебно-следственной практики расследования анализируемого вида преступлений. Так, «Иркутская таможня во взаимодействии с Тайшетским линейным отделом МВД на транспорте и Байкало-Ангарской транспортной прокуратурой выявила факты контрабанды леса в Китай на общую сумму более 50 млн рублей, совершенные членами организованной преступной группы (ОПГ). Было установлено, что российский гражданин, руководитель общества с ограниченной ответственностью, зарегистрированного в Иркутске, вступив в преступный сговор с гражданином КНР и иными неустановленными лицами, создал устойчивую, сплоченную организованную группу, направленную на получение максимальной финансовой выгоды, связанной с экспортом древесины неизвестного происхождения в Китай. Гражданин КНР по прямому указанию главаря ОПГ подыскивал инопартнеров на территории КНР для заключения внешнеэкономических контрактов, а также отвечал за прием, складирование незаконно заготовленной древесины на пункте приема и отгрузки древесины.

По такой схеме ОПГ в течение 2020 года незаконно экспортировала 2,4 тысячи кубометров пиломатериалов из березы и сосны неизвестного происхождения на общую сумму более 16,5 млн рублей. При этом злоумышленники для создания видимости ведения законного бизнеса вносили в систему ЛесЕГАИС недействительные (подложные) сведения о сделках с древесиной, которые при совершении таможенных операций также заявлялись в таможенные органы.

Кроме того, в ходе оперативно-розыскных мероприятий установлено, что директор ООО действовал и отдельно: его фирма вывезла в Китай по фиктивным документам в период с мая по сентябрь 2020 года более 4,6 тысячи кубометров пиломатериалов из сосны, кедра, ели, пихты неизвестного происхождения рыночной стоимостью около 33,6 млн рублей. Выявлено, что из всех экспортированных им пиломатериалов легально приобретено лишь 87,3 кубометров, закупленных у Министерства лесного комплекса Иркутской области.

Всего члены ОПГ по недействительным документам незаконно экспортировали в Китай более 7 тысяч кубометров лесоматериалов неизвестного происхождения на общую сумму более 50 млн 143 тысяч рублей.

По фактам контрабанды стратегически важного товара – лесоматериалов – Иркутская таможня возбудила 2 уголовных дела: одно в отношении членов преступной группы в составе гражданина России и гражданина Китая по ч. 3 ст. 226.1 УК РФ, второе – в отношении вышеуказанного российского гражданина, директора российской фирмы (организатора ОПГ) по ч. 1 ст. 226.1 УК РФ⁵.

Еще один яркий пример анализируемой деятельности: «Сибирские таможенники предотвратили незаконный вывоз в Китай более 8,5 тысяч кубометров лесоматериалов из Иркутской области. Большую часть партии контрабандной древесины – 64 контейнера, целый железнодорожный состав, сотрудники Сибирской оперативной таможни совместно с сотрудниками Восточно-Сибирского линейного управления МВД на транспорте задержали на границе с Монголией. Несколько крупных партий лесоматериалов обнаружены в местах хранения и отгрузки в Иркутской области.

Как удалось установить оперативникам, общее руководство действиями преступной группы и контроль за ее финансовой деятельностью осуществлял гражданин Китая. К ре-

ализации замысла он привлек жителей Иркутской области.

В период с мая по июнь 2021 года товар проходил электронное таможенное декларирование на таможенном посту «Сибирский» в Красноярске. С целью получения прибыли от вывоза незаконно добытого леса преступники попытались его легализовать. Для этого они использовали подложные документы и указывали в таможенных декларациях заведомо недостоверные сведения о сделках с древесиной на внутреннем рынке и о производителе лесоматериалов.

Чтобы придать своим действиям видимость законности, участники организованной группы использовали подконтрольные юридические лица, от имени которых не только осуществляли экспорт, но и предварительно создавали фиктивные цепочки купли-продажи древесины на внутреннем рынке. Соответствующие сведения заблаговременно вносились в Единую государственную автоматизированную систему учета древесины и сделок с ней ЛесЕГАИС. В цепочки злоумышленники намеренно включали реально действующих на рынке юридических лиц, занимающихся лесозаготовками и переработкой древесины.

В отношении организаторов преступления, граждан Китая и России, Сибирская оперативная таможня возбудила уголовное дело по ч. 3 ст. 226.1 УК РФ – контрабанда стратегически важных товаров и ресурсов, совершенная организованной группой в крупном размере»⁶.

Типовые исходные ситуации расследования контрабанды леса и лесоматериалов определяют содержание и последовательность решения общих (базовых) тактических задач, среди которых следует назвать:

- 1) обнаружение и фиксацию исходной информации о преступлении;
- 2) доказывание виновности, которая может решаться через ряд промежуточных так-

5 Иркутские таможенники пресекли деятельность ОПГ, незаконно экспортировавшей пиломатериалы в Китай. ПРЕСС-РЕЛИЗ от 7 июля 2021 г. URL: <https://vs.tpprf.ru/ru/informatsiya-dlya-biznesa/informatsiya-ot-irkutskoy-tamozhni.php> (дата обращения: 07.09.2021).

6 Сибирская оперативная таможня пресекла контрабанду древесины на 150 млн рублей. ПРЕСС-РЕЛИЗ от 13 июля 2021 г. URL: <https://vs.tpprf.ru/ru/informatsiya-dlya-biznesa/informatsiya-ot-irkutskoy-tamozhni.php> (дата обращения: 07.09.2021).

тических задач: а) доказывание объективной стороны преступления; б) установление признаков субъективной стороны преступления; в) установление местонахождения предмета преступной деятельности (леса и лесопродукции);

3) определение суммы ущерба;

4) изучение личности обвиняемого;

5) установление причин и условий совершения преступления с целью их профилактики.

Внутренние (частные) ситуации определяют последовательность решения промежуточных задач: установление лица, совершившего преступление и проверку подозрения, которые в конечном итоге приводят к решению общей задачи – доказыванию виновности (невиновности) лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Помимо указанных, в процессе расследования может возникнуть необходимость в решении таких факультативных тактических задач, как:

1) установление структуры группы и доказывание функциональных ролей ее участников (в случае группового характера преступления);

2) нейтрализация противодействия со стороны заинтересованных лиц (в случае его оказания);

3) опровержение оправдательных обстоятельств (в случае их выдвижения).

Очевидно, что набор средств решения тактических задач будет обусловлен содержательным компонентом следственной ситуации.

При расследовании анализируемого вида преступлений необходимо помнить, что происхождение товара должно подтверждаться декларацией о происхождении товара или сертификатом о происхождении товара в соответствии с правилами определения происхождения ввозимых товаров или правилами определения происхождения вывозимых товаров.

Как показывает практика, обычно недостоверные сведения при контрабанде лесоматериалов вносятся в графы 31 «Грузовые места и описание товаров» и 44 «Дополнительная информация/Представленные доку-

менты» декларации. В графе 31 указываются сведения о декларируемом товаре, необходимые для исчисления и взимания таможенных и иных платежей, о грузовых местах, сведения о производителе (изготовителе) (при наличии сведений о нем), товарных знаках, марках, моделях, артикулах, сортах, стандартах и иных технических и коммерческих характеристиках, а также сведения о количественном и качественном составе декларируемого товара; сведения о характеристиках и параметрах товара в единицах измерения, отличных от основной или дополнительной единицы измерения (количество и условное обозначение), и др. В графе 44 указываются сведения о документах, на основании которых заполнена декларация, подтверждающих заявленные сведения о каждом товаре, указанном в ее графе 31. В Российской Федерации при декларировании лесоматериалов также дополнительно указываются номер и дата подачи декларации о сделках с древесиной (ДСД) [9].

Соответственно, в зависимости от того, в какой графе содержатся недостоверные сведения и в какой момент они обнаружены, будут осуществляться разные алгоритмы процессуальных действий, поскольку с учетом содержания графы определяется круг лиц, которые могут обладать информацией об обстоятельствах экспорта.

В том случае, если недостоверные сведения о коде, виде, объеме товара и т.п. выявлены в ходе фактического контроля (*вторая типовая ситуация*) и при этом есть информация о лице, отчуждающем древесину (продавце), о лице, подавшем декларацию о сделках с древесиной, сведения о документах, на основании которых была осуществлена заготовка древесины (наименование сторон договора или иного документа, (включая организационно-правовую форму)), сведения о договоре, по которому приобретается или отчуждается древесина (*вторая внутренняя ситуация*), комплекс следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий направлен на доказывание виновности причастных лиц и сводится к следующему:

- изучение имеющейся документации (выемка, осмотр документов);
- различные виды следственного осмотра (места происшествия, предметов);
- допрос в рамках возбужденного уголовного дела всех возможно причастных лиц по всем обстоятельствам, имеющим значение для дела.

В ситуации, когда недостоверное декларирование выявлено по результатам ОРМ и, что называется, *постфактум* (лес пересек границу таможенную границу таможенного союза), и в распоряжении правоохранительных органов остаются только сведения из граф 31 и 44 ДТ, в то время как самого предмета контрабанды как источника доказательственной информации нет (*первая типовая и первая внутренняя ситуации*), набор реализуемых процессуальных действий будет включать:

- истребование всех необходимых документов у лиц, их имеющих (в первую очередь это работники таможни);
- либо в рамках возбужденного уголовного дела производство обысков (выемок) у всех лиц, у которых может быть обнаружена необходимая документация;
- осмотр всех документов;
- назначение и производство необходимых в каждом конкретном случае судебных экспертиз (финансово-экономической, лесоматериалов, дендрохронологической, судебно-технической экспертизы документов и т.п.).

Следует согласиться с мнением В.Е. Корноухова о том, что «возможности решения задач во многом определяются "следовой картиной"» [5]. В анализируемой группе преступлений следовая картина нередко представлена в виде изменений в содержании документов, отражающих финансовые операции, что также следует учитывать в процессе расследования с позиций как сбора и фиксации информации о преступлении, так и с точки зрения формирования качественной доказательственной базы по делу.

Подводя итог, следует сказать, что при расследовании контрабанды леса и лесоматериалов исходные ситуации проявляются в процессе решения общей задачи по сбору и фиксации исходной информации о преступлении. Они имеют однотипную базовую структуру общих тактических задач, методы решения которых различаются в зависимости от содержания внутренних ситуаций и преступных последствий («следовой картины»), и, кроме базовых задач, может возникнуть необходимость в решении промежуточных задач и факультативных.

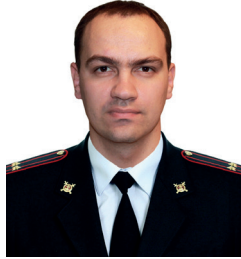
Таким образом, расследованию контрабанды леса и лесоматериалов присущи свои закономерности, поэтому создание целостной методики их расследования – актуальная задача, задающая перспективу нашим дальнейшим научным исследованиям.

Библиографический список

1. Аминев, Ф.Г. О проблемах повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений, связанных с нарушением порядка лесопользования / Ф.Г. Аминев // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 3. – С. 462-465.
2. Иванов, П.И. Некоторые проблемы борьбы с преступлениями в сфере незаконного оборота леса и лесоматериалов / П.И. Иванов, П.Г. Кузнецов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 2(24). – С. 50-56.
3. Корноухов, В.Е. О структуре методик по расследованию преступлений / В.Е. Корноухов // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 2 (10). – М., 2004. – С. 21-28.
4. Королев, А.В. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом леса и лесопродукции : дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Королев. – М., 2009.
5. Тактоева, В.В. К вопросу выявления, документирования и расследования преступлений, связанных с контрабандой стратегически важных ресурсов – лесоматериалов / В.В. Тактоева // Российский следователь. – 2020. – № 1. – С. 17-22.

УДК 340.692

Сергей Юрьевич ДЕМЕНЕВ,

заместитель начальника отдела – начальник отделения
компьютерных экспертиз 6 отдела ЭКЦ ГУ МВД
России по Красноярскому краю
demenevssb@mail.ru

Евгений Борисович МЕЛЬНИКОВ,

начальник кафедры криминалистики
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), кандидат химических наук, доцент
ewgen0807@mail.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ И УСТРАНЕНИЕ НЕИСПРАВНОСТЕЙ НАКОПИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ НА ЖЕСТКИХ МАГНИТНЫХ ДИСКАХ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

CLASSIFICATION AND ELIMINATION OF MALFUNCTIONS OF DATA STORAGE DEVICES ON HARD MAGNETIC DISKS IN THE PRODUCTION OF COMPUTER FORENSICS

В статье рассмотрены вопросы выявления и устранения неисправностей жестких магнитных дисков в процессе производства компьютерных экспертиз. Приведена классификация наиболее часто встречающихся неисправностей поврежденных носителей информации, предложены способы устранения аппаратных и программных неисправностей. На практических примерах показаны основные возможности и эффективность их использования с программно-аппаратным комплексом PC-3000, что позволяет в ходе производства компьютерных экспертиз извлекать информацию из неисправных накопителей на жестких магнитных дисках, в том числе поврежденных умышленно.

The article considers the issues of identifying and eliminating malfunctions of hard magnetic disks in the process of producing computer forensics. The classification of the most common malfunctions of damaged data storage is presented; methods of eliminating hardware and software malfunctions are proposed. The main capabilities and effectiveness of their use with the PC-3000 software and hardware complex are shown by practical examples; it allows, during the production of computer forensic examinations, to retrieve information from damaged storage devices, including those ones damaged intentionally.

Ключевые слова: компьютерная экспертиза, жесткие магнитные диски, устранение неисправностей.

Keywords: computer forensics, magnetic hard disc, elimination of malfunctions.

Несмотря на широкое распространение твердотельных накопителей (англ. Solid-State Drive, SSD), накопители информации на жестких магнитных дисках (далее – НЖМД) не утратили актуальности, удерживают лидерство в такой категории, как стоимость хранения 1 Гб информации, и продолжают активно использоваться.

С каждым годом количество исследуемых НЖМД увеличивается, вместе с тем неуклонно растет и количество предоставляемых на исследование неисправных накопителей.

Учитывая, что неисправные накопители могут содержать важную информацию, способную в дальнейшем эффективно использоваться в качестве доказательств по уголов-

ным делам различных категорий, выявление неисправностей НЖМД и их устранение представляется актуальным при производстве компьютерных экспертиз.

В общем случае неисправности НЖМД можно разделить на две категории аппаратные и программные. К аппаратным неисправностям обычно относят нечитаемые сектора, повреждения блоков магнитных головок (далее – БМГ), повреждения магнитных пластин, неисправности платы электроники, неисправность шпиндельного двигателя.

Нечитаемые сектора (bad блоки) – наиболее часто встречаемая неисправность, которая проявляется в виде ошибок чтения или записи при обращении к файлам или их копировании. Наличие нечитаемых секторов может не влиять на работу установленной на НЖМД операционной системы, но при этом могут возникнуть сложности с созданием копии или исследованием накопителя при подключении к стендовой ЭВМ с использованием устройств блокирования записи. При обращении к нечитаемому сектору накопитель делает паузу, пытаясь прочитать содержимое сектора. В микропрограммах контроллеров НЖМД установлено определенное количество попыток чтения сектора, после исчерпания которых происходит процедура замены сектора из резерва (переназначение) и добавлением его в пользовательский дефект-лист (G-list). Если нечитаемых секторов несколько, то время на их замену увеличивается, при этом диск и компьютер, к которому подключен НЖМД, перестает отвечать на запросы со стороны пользователя.

Повреждение БМГ, как правило, возникает при воздействии на НЖМД ударных нагрузок, превышающих предусмотренные производителем значения. Контакт БМГ с поверхностью магнитных пластин в процессе работы НЖМД приводит к деформации слайдера или к отрыву головок от него. Также повреждения могут быть получены в результате возникновения ударной нагрузки вдоль оси перемещения БМГ у выключенного НЖМД. Это связано с отсутствием у современных НЖМД механизма жесткой фиксации БМГ в зоне парковки. В некоторых случаях БМГ

прилипает к поверхности, но остается при этом неповрежденным и после осмотра его состояния под микроскопом может быть использован для считывания данных.

Повреждение магнитных пластин, так же как и в вышеуказанном случае, происходит в результате их контакта с БМГ в процессе работы НЖМД. В результате деформируется слайдер, головка изменяет положение и происходит повреждение пластины, на поверхности образуются глубокие царапины. Это приводит к образованию внутри гермоблока НЖМД пыли, состоящей из защитного покрытия и магнитного слоя, которая попадая между головками и поверхностями других пластин, вызывает образование повреждений на остальных поверхностях за счет абразивного действия.

Неисправность платы электроники возникает, как правило, при проблемах с питанием и последующим выгоранием защитных диодов. Несмотря на предусмотренную производителем защиту цепей питания, нередки случаи выгорания микросхемы управления двигателем, процессора или иных деталей платы. Гораздо реже встречаются механические повреждения разъемов подключения питания и передачи данных. Для НЖМД, у которых элементы на плате управления расположены на наружной поверхности, характерны повреждения в виде отсутствующих элементов.

Неисправности шпиндельного двигателя по причине заклинивания вала или обрыва обмоток приводит к невозможности раскручивания двигателя.

К программным неисправностям относятся повреждения микропрограммы. Вследствие того, что микропрограмма управления НЖМД имеет модульную конструкцию, в процессе работы повреждаются модули, наиболее часто используемые накопителем, например модули SMART, таблицы дефектов, модули транслятора. Помимо этого зачастую повреждаются модули, необходимые для запуска НЖМД и его функционирования. Данного рода неисправность может быть вызвана ошибками, допущенными при создании микропрограммы производителем, изменении

ем контрольных сумм, дефектов содержимого модулей.

Наиболее часто встречающиеся неисправности НЖМД будут приведены ниже на примере двух случаев из практики производства компьютерных экспертиз 6 отдела ЭКЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю, ко-

торые в полной мере иллюстрируют способы их устранения.

В первом случае на исследование был предоставлен видеорегистратор NOVICAMPRO TR1016A, изъятый с места пожара. Внешний вид приведен на рис. 1 и 2.

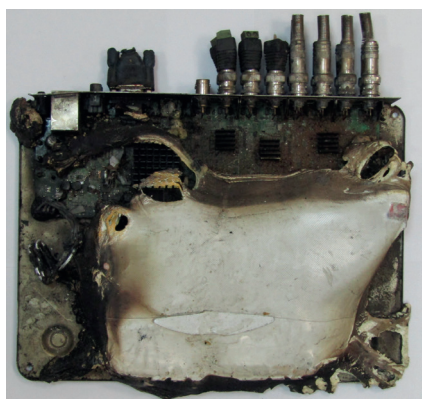

Рис. 1. Повреждения видеорегистратора (вид сверху)

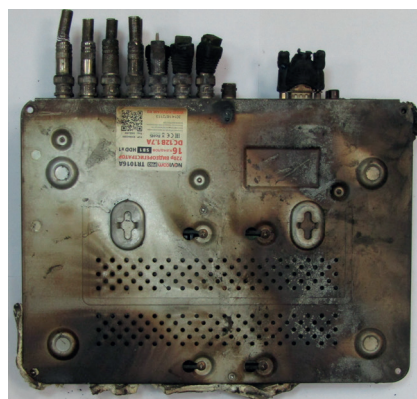

Рис. 2. Повреждения видеорегистратора (вид снизу)

Под оплавленной частью корпуса находился НЖМД (рис. 3), который был извлечен, очищен от сажи и осмотрен. НЖМД не имел повреждений, модель ST4000DM004, емкость 4 Тб (рис. 4). Плата электроники

была снята, осмотрена и очищена в ультразвуковой ванне с использованием этилового спирта. На шине питания и шине передачи данных коротких замыканий не выявлено.

Рис. 3. Внешний вид НЖМД (вид снизу)

Рис. 4. Внешний вид НЖМД после очистки (вид сверху)

Далее плата электроники отдельно от НЖМД была подключена к PC-3000 Portable III и с использованием утилиты «Seagate F3 Architecture» через терминал было считано ПЗУ. У семейства накопителей «V11», к которому относится данный НЖМД, доступ к технологическому режиму работы заблокирован и поэтому считать и проверить целостность служеб-

ной микропрограммы без разблокировки невозможно. Для разблокирования доступа к считанному ПЗУ был применен патч разблокировки «Unlock Tech Mode», после чего модифицированное ПЗУ было записано в плату.

Далее плата была присоединена к НЖМД, затем подано питание и выполнено действие в меню утилиты «Unlock

tech mode, HDD подготовлен утилитой». В результате был получен доступ к технологическому режиму работы. Запуск накопителя происходил нетипично долго (более 1 минуты) и сопровождался сообщениями об ошибках в терминале. В процессе проверки и резервирования модулей микропрограммы было установлено, что модуль «МСМТ» из копии N 0 не читается, при этом его копия N 1 читается нормально.

Особенностью данного накопителя является то, что он относится к поколению НЖМД, выполненных с применением технологии «SMR», также называемой «черепичной записью». Одним из аспектов реализации данной технологии в НЖМД производства «Seagate» является наличие особой буферной области на поверхности магнитных пластин (Media Cache), куда в первую очередь помещаются данные, записываемые пользователем, которые затем во время простоя накопителя в фоновом режиме перемещаются из Media Cache в область непосредственного хранения данных. Данный процесс сопровождается большим количеством операций записи данных и изменения служебных модулей, хранящих таблицы размещения

данных, в частности «МСМТ». В случае с неисправным накопителем в процессе записи может происходить повреждение как служебной информации, так и данных пользователя. В конкретном случае для предотвращения повреждения данных в утилите были выполнены действия по блокированию у НЖМД функции записи.

Затем с использованием «Data Extractor» был запущен процесс создания посекторной копии информации, имеющейся в памяти НЖМД, по предварительно сформированной карте голов. В ходе копирования было установлено, что головки N 1 и N 3 читают информацию медленно и с ошибками. Далее было принято решение о создании в первую очередь копии данных по головкам N 0 и N 2. После завершения вычитывания данных по головкам N 0 и N 2 было запущено чтение данных по головкам N 1 и N 3 с параметрами, приведенными на рис. 5, 6, 7 и 8.

В итоге создания копии данных из 3726 Гб информации, содержащейся на НЖМД, не было прочитано всего 1,43 Гб. Продолжительность процесса составила 93 часа непрерывной работы.

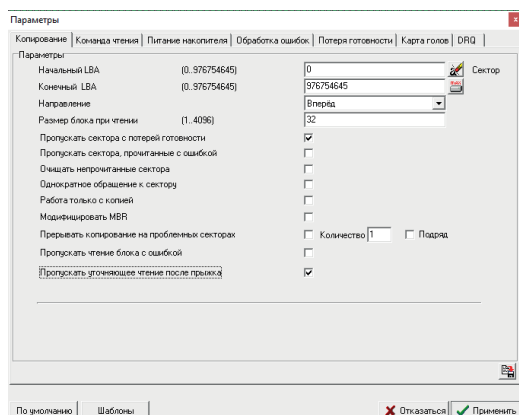

Рис. 5. Параметры копирования

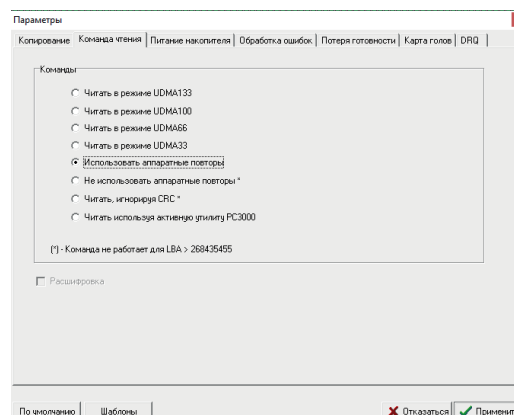

Рис. 6. Команда чтения

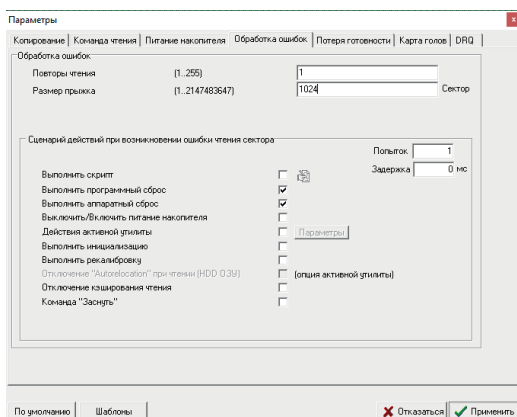

Рис. 7. Обработка ошибок

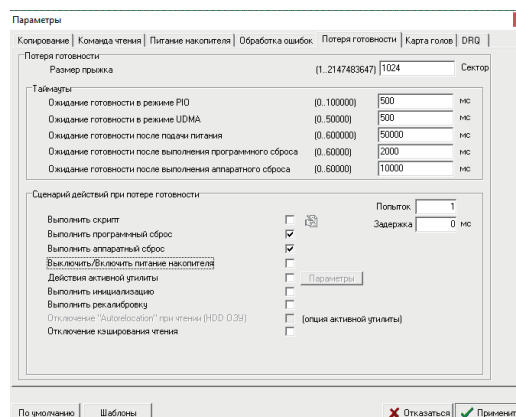

Рис. 8. Потеря готовности

Далее НЖМД был отключен от PC-3000 Portable III, а копия полученных данных средствами «Data Extractor» была смонтирована в операционную систему как виртуальный диск для дальнейшего исследования с использованием специализированного программного обеспечения просмотра видеозаписей.

Во втором случае на экспертизу был предоставлен НЖМД с интерфейсом подключения USB 3.0 (рис. 9, 10). Внешние повреждения корпуса в этом случае отсутствовали.

Рис. 9. НЖМД (вид сверху)

Рис. 10. НЖМД (вид снизу)

При подключении НЖМД не определялся операционной системой, шпиндельный двигатель не раскручивался, накопитель периодически издавал короткий звук высокой частоты (писк), что характерно для прилипших к поверхности магнитных пластин головок. Внутри корпуса находится накопитель Toshiba модели MQ01UBD100, отличительной

особенностью которого является наличие разъема USB, установленного непосредственно на плате электроники (рис. 11).

После вскрытия корпуса в результате осмотра было установлено, что БМГ находится вне парковочной зоны и располагается на поверхности магнитных пластин (рис. 12).

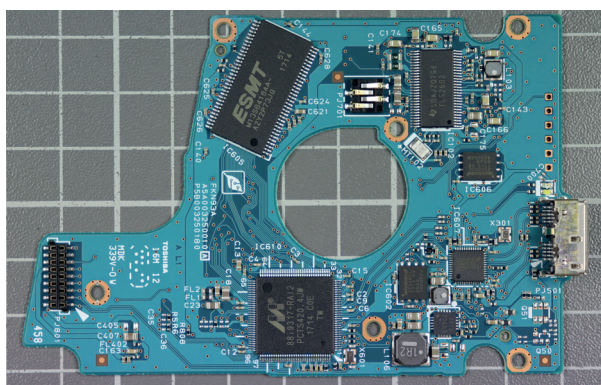

Рис. 11. Плата электроники НЖМД

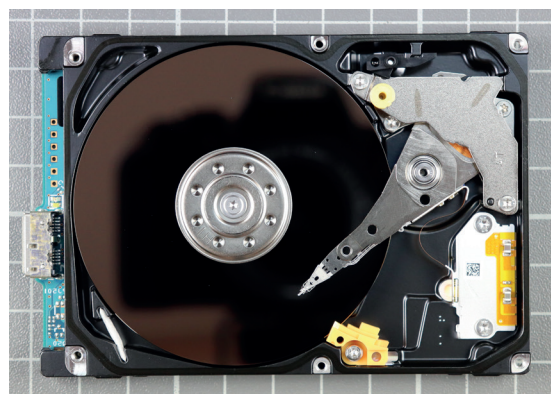

Рис. 12. БМГ за пределами зоны парковки

Для вывода БМГ с поверхности магнитных пластин в зону парковки необходимо осуществлять поворот вала шпиндельного двигателя против часовой стрелки одновременно с этим поворачивая БМГ по часовой стрелке на место парковки (рис. 13). Для того чтобы стронуть БМГ с ме-

ста, можно аккуратно постукивать по коромыслу в области подшипника.

Следует помнить, что вращать вал двигателя по часовой стрелке категорически запрещается, так как это вызовет деформацию слайдеров и приведет в негодность БМГ.

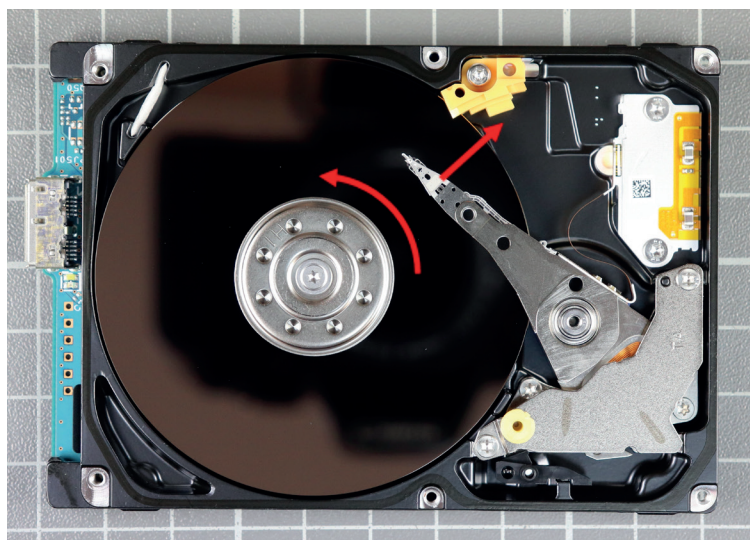

Рис. 13. Направление вращения вала двигателя и перемещения БМГ

Для определения наличия повреждений БМГ был демонтирован и в дальнейшем осмотрен под микроскопом. Важным условием выполнения операции демонтажа является необходимость предварительно ограничить подвижность слайдеров для предотвращения слипания

головок, что достигается использованием специализированных съемников либо подручных средств. В данном случае были использованы нарезанные поперек полоски пластиковых закладок шириной 3-4 мм, согнутые в форме буквы «U» (рис. 14).

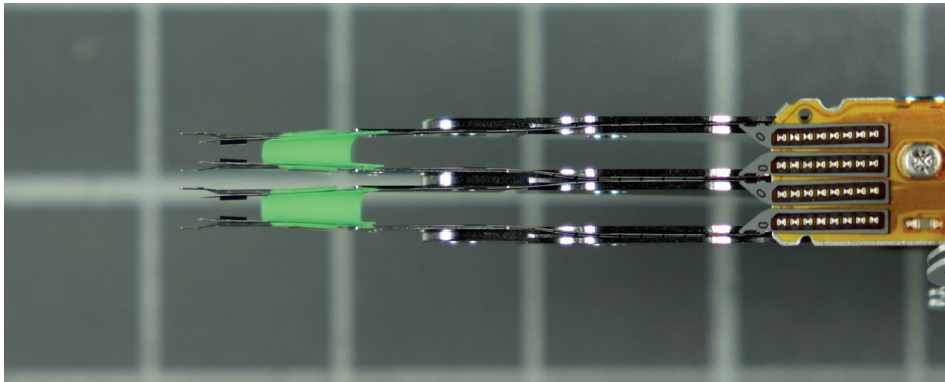

Рис. 14. БМГ с установленными разделителями слайдеров головок головок

Осмотр под микроскопом повреждений не выявил, и БМГ был установлен обратно. Перед установкой крышки гермоблока необходимо удалить попавшие в гермозону частички пыли, для этого использовался баллончик со сжатым газом, предназначенный для очистки электроники.

В связи с тем, что в данном случае интерфейс USB не обеспечивал необходимый контроль работы неисправного накопителя, плата электроники была заменена на совместимую модель с разъемом SATA и перепайкой микросхемы ПЗУ (рис. 15).

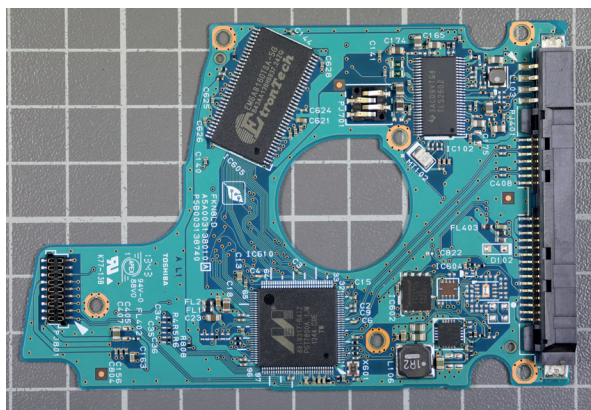

Рис. 15. Совместимая плата электроники с разъемом SATA

Далее НЖМД был подключен к PC-3000 Portable III и после подачи питания вышел в режим готовности. Затем была запущена специализированная утилита для работы с накопителями Toshiba

(рис. 16). Проверка чтения модулей микропрограммы НЖМД в процессе их резервирования прошла успешно.

Для предотвращения зависания накопителя чтение данных осуществлялось в технологическом режиме, в котором с использованием соответствующей утилиты, можно отключить механизм переназначения секторов и обновление таблиц SMART. Особенностью технологическо-

го режима работы НЖМД Toshiba является то, что чтение по умолчанию происходит без коррекции ошибок ЕСС. Для того чтобы чтение осуществлялось с использованием ЕСС, в опциях утилиты необходимо отметить необходимые опции (рис. 17).

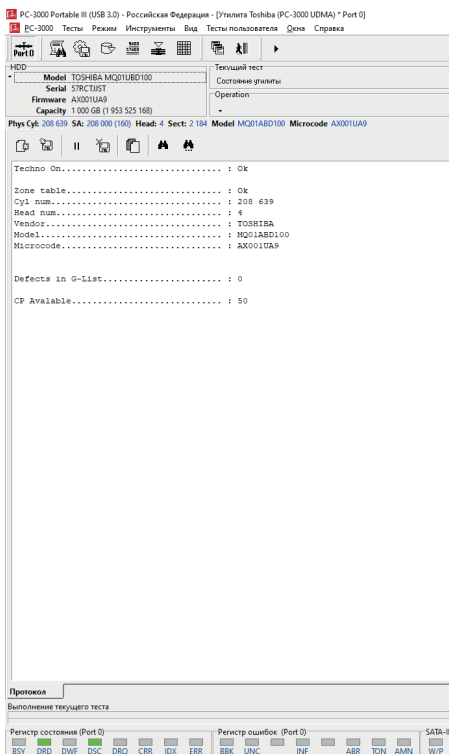

Рис. 16. Окно инициализации утилиты Toshiba

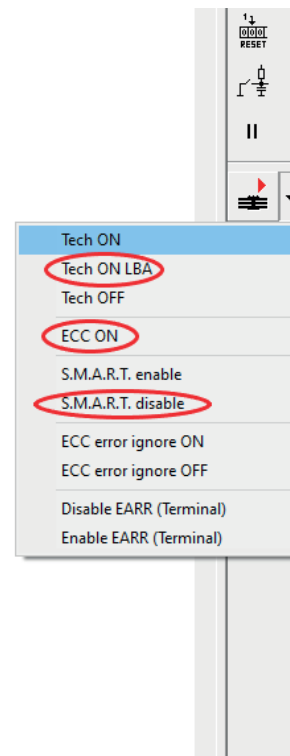

Рис. 17. Меню утилиты Toshiba

В дальнейшем с использованием «Data Extractor» был запущен процесс создания посекторного копирования информации, имеющейся в памяти НЖМД, по предварительно сформированной карте голов. В ходе копирования было установлено, что головка N 0 не читает, в связи с этим далее были осуществлены действия, аналогичные описанным выше при копировании данных с НЖМД ST4000DM004.

В дальнейшем с использованием «Data Extractor» был запущен процесс создания посекторного копирования информации, имеющейся в памяти НЖМД, по предварительно сформированной карте голов. В ходе копирования было установлено,

что головка N 0 не читает, в связи с этим далее были осуществлены действия, аналогичные описанным выше при копировании данных с НЖМД ST4000DM004.

После окончания копирования информации по головкам N 1, 2 и 3 БМГ был заменен на исправный от аналогичного НЖМД донора и считана информация по головке N 0.

В итоге создания копии данных из 931,5 Гб информации, содержащейся на НЖМД, не было прочитано только 28 Кб. На создание копии данных в этом случае было затрачено 22 часа непрерывной работы.

Подводя итог, следует отметить, что рассмотренная классификация неисправностей накопителей информации на жестких магнитных дисках и способы их устранения в ходе производстве компьютерных экспертиз имеет важное практическое значение. Рассмотренные конкретные случаи из практики наглядно показывают эффективность использова-

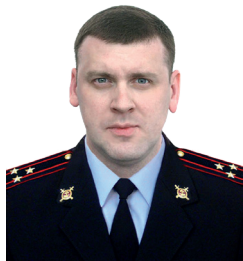
ния предложенных методов выявления и устранения неисправностей. В совокупности с использованием программно-аппаратного комплекса РС-3000 они позволяют извлекать информацию с неисправных НЖМД, в том числе поврежденных умышленно, и могут применяться в случаях, когда это невозможно сделать стандартными способами.

Библиографический список

1. Руководство пользователя DATA Extractor. – URL: <https://ts.ancelab.ru/files>.
2. Руководство пользователя РС-3000 Portable III. – URL: <https://ts.ancelab.ru/files>.
3. Руководство пользователя Seagate Архитектура F3. – URL: <https://ts.ancelab.ru/files>.
4. Руководство пользователя Toshiba. – URL: <https://ts.ancelab.ru/files>.
5. Саенко, Г.В. Типовая методика исследования компьютерной информации / Г.В. Саенко, О.В. Тушканова. – М., 2010.

УДК 343.98

Алексей Викторович РЕПИН,

заместитель начальника кафедры криминалистики
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)

repinaleksey@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ТЕОРИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

SOME DEBATABLE ISSUES OF THE CONCEPTUAL APPARATUS OF THE THEORY OF OVERCOMING COUNTERACTION TO THE DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES

Автор отмечает острую необходимость органов предварительного расследования в своевременном и отвечающим существующим реалиям обеспечении методическими рекомендациями по преодолению противодействия, так как сами формы, виды и способы противодействия постоянно совершенствуются. С учетом этого в статье на основе теоретического материала анализируются подходы ученых к определению термина «противодействие расследованию преступлений», выделяются дискуссионные аспекты определений и предлагается авторское определение термина «противодействие раскрытию и расследованию преступлений».

The author points out the urgent necessity for the preliminary investigation bodies to be provided with timely and appropriate to the existing realities methodological recommendations for overcoming counteraction, since the forms, types and methods of counteraction themselves are constantly being improved. Taking it into account, on the basis of theoretical material, the article analyzes the scientists' approaches to the definition of the term «counteraction to the investigation of crimes», highlights the debatable aspects of the definitions and proposes the author's definition of the term «counteraction to the detection and investigation of crimes».

Ключевые слова: противодействие раскрытию и расследованию преступлений, противодействие предварительному расследованию, противодействие уголовному преследованию.

Keywords: counteraction to the disclosure and investigation of crimes, counteraction to preliminary investigation, counteraction to criminal prosecution.

Теория преодоления противодействия расследованию на сегодняшний день является одной из активно развивающихся частных криминалистических теорий. С одной стороны, это обусловлено тем, что наблюдаемое за последние годы качественное изменение форм и способов противодействия раскрытию и расследованию преступлений, их системность и долговременность, постоянно растущий профессионализм и наступательность криминалитета диктуют необходимость постоянного изучения проявлений противодействия и выработки соответствующих

мер по его преодолению. В настоящее время имеется достаточно большое количество работ, посвященных изучению различных форм, видов и способов противодействия расследованию как в целом, так и применительно к отдельным следственным действиям, следственным ситуациям и т.д. Однако многие положения теории преодоления противодействия расследованию носят дискуссионный характер и требуют теоретического осмысления. Р.Р. Рахматуллин справедливо отмечает, что в исследованиях, посвященных вопросам преодоления противодействия, на-

метился кризис, так как «вместо обсуждения кризисных явлений и путей их разрешения ученые-криминалисты нередко втянуты в бесплодные и излишне теоретизированные споры, что не приносит ничего нового в науку и практику» [11, с. 278-279]. С другой стороны, органы предварительного расследования остро нуждаются в своевременном и отвечающем существующим реалиям обеспечении методическими рекомендациями по преодолению противодействия, так как сами формы, виды и способы противодействия постоянно совершенствуются.

На сегодняшний день существуют множество подходов к определению термина «противодействие».

Большая часть авторов рассматривает вопросы противодействия применительно к предварительному расследованию и солидарны с определением, предложенным В.Н. Карагодиным, который под противодействием предварительному расследованию понимает умышленные действия (или систему действий), направленные на воспрепятствование выполнению задач предварительного расследования и установлению объективной истины по делу [6, с. 18]. А.Н. Петрова, взяв за основу определение В.Н. Карагодина, определяет противодействие расследованию как «умышленные действия (бездействие) заинтересованных лиц, обусловленные несоответствием их целей задачам следствия и направленные на воспрепятствование решению задач расследования и установлению объективной истины по делу» [9, с. 8].

Р.Р. Рахматуллин определяет противодействие раскрытию и расследованию преступлений как противоправную и иную умышленную деятельность лиц, заинтересованных в воспрепятствовании установлению объективной истины по уголовному делу, направленную в целом на уклонение виновных от уголовной ответственности или смягчения наказания [10, с. 9].

О.П. Грибунов, С.В. Унжакова под противодействием расследованию понимают осуществляемую с целью уклонения от ответственности или смягчения наказания деятельность причастных к преступлению и иных за-

интересованных лиц по воспрепятствованию решению задач уголовного судопроизводства посредством воздействия на процесс расследования, криминалистически значимую информацию и ее носители [4, с. 14].

А.М. Кустов отмечает, что противодействие расследованию может быть только умышленным и рассматривает его как систему противоправных действий, детерминированных объективными и субъективными факторами, направленными на дезорганизацию работы по раскрытию и расследованию совершенного преступления, воспрепятствование защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, воспрепятствование достижению объективной истины по уголовному делу и осуществление правосудия [8, с. 309].

Д.Ф. Флоря рассматривает противодействие предварительному расследованию как разновидность ненормативного поведения участников уголовного процесса и заинтересованных лиц, выражающуюся в реализации приемов, уловок, хитростей, направленных на умышленное воспрепятствование законной деятельности должностных лиц и органов по выявлению, закреплению, проверке, оценке и использованию доказательств, изобличающих лицо, совершившее преступление, в целях обеспечения уклонения его от уголовной ответственности или смягчения наказания [15, с. 18]. Указанное определение отличается от рассмотренных выше тем, что автор предлагает рассматривать поведение противодействующих лиц как ненормативное, а также детализирует способы такого противодействия (приемы, уловки, хитрости).

А.Ф. Волынский, И.О. Тюнис, И.В. Тишутина определяют противодействие расследованию как умышленные, противоправные действия (бездействие), основанные на системе криминализированных связей группы лиц и направленные на воспрепятствование возбуждению уголовного дела, собиранию, исследованию и оценке доказательств, а в конечном итоге – осуществлению правосудия [14, с. 43]. Анализ определения позволяет сделать вывод, что, во-первых, по мнению авторов, противодействием может быть только

противоправная деятельность, а во-вторых, оно может быть оказано только сформированной группой противодействующих лиц.

Другая группа ученых рассматривает противодействие применительно к уголовному преследованию и понимает под ним действие (систему действий или деятельность) участника (участников) судопроизводства, а также близких родственников и лиц, заинтересованных в исходе уголовного дела, затрудняющих путем умышленного или неумышленного создания препятствий уголовному преследованию, осуществляемому в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства прокурором, следователем, дознавателем, сотрудниками органов дознания в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления [2, с. 61]. Аналогичную позицию занимают Ю.П. Гармаев и Д.В. Ким, также рассматривающие противодействие применительно к уголовному преследованию и понимающие под ним противоправную или законную деятельность подозреваемых или обвиняемых, а также содействующих им лиц, сопровождающуюся созданием препятствий для реализации представителями стороны обвинения поставленных им задач на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства [3, с. 465].

Анализ приведенных определений авторов¹ позволяет выделить ряд дискуссионных моментов и высказать по ним свое мнение.

1. Дискуссии относительно определения сферы осуществления противодействия: противодействие раскрытию и расследованию преступлений (Р.Р. Рахматуллин), противодействие расследованию (А.Ф. Волинский, С.Ю. Журавлев, В.П. Лавров, И.В. Тишутина), противодействие предварительному расследованию (В.Н. Карагодин, А.М. Кустов, Л.В. Лившиц, Е.М. Москвин), противодействие уголовному преследованию (Э.У. Бабаева). При этом в ряде определений противодействие рассматривается применительно не к конкретному уголовному делу, а к работе правоохранительных органов целом, т.е. как стратегическое противодействие, направлен-

ное «на дезорганизацию работы как отдельно взятых правоохранительных структур, так и всего комплекса правоохранительных органов в определенном регионе» [4, с. 9-10]. Такое широкое толкование, с одной стороны, позволяет рассматривать противодействие во всей многогранности его проявления, а с другой – нередко лишает конкретности предлагаемые меры по преодолению такого противодействия.

Однако встречаются и диаметрально противоположные точки зрения, когда наоборот противодействие рассматривается слишком узко. Мы не можем согласиться с позицией авторов, считающих, что противодействие необходимо рассматривать применительно только к уголовному преследованию. Согласно п. 55 ч. 1 ст. 5 УПК РФ уголовное преследование – это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Следовательно, противодействующими необходимо было бы рассматривать только те акты, которые направлены на воспрепятствование изобличению подозреваемого или обвиняемого. Также, на наш взгляд, не следует ограничивать сферу возможного противодействия только стадией предварительного расследования. Многочисленные исследования показывают, что меры по противодействию на случай задержания могут предприниматься еще на стадии подготовки преступления до совершения самих преступных действий, т.е., по сути, являются мерами противодействия раскрытию и расследованию «в форме его недопущения» [13, с. 86]. В судебной практике неоднократно встречались случаи подготовки лжесвидетелей для создания ложного алиби, подготовки технически проверяемой информации для подтверждения ложного алиби [см., напр.: 1, с. 18], подготовки согласованной позиции соучастников преступления для допроса на случай задержания и т.д. Таким образом, с отдельными актами противодействия органы предварительного расследования или дознания могут столкнуться еще в процессе

¹ Существуют и иные определения термина «противодействие», однако они в большей или меньшей степени дублируют определения процитированных авторов либо являются производными от приведенных определений.

раскрытия преступления. И если такие акты противодействия не будут своевременно нейтрализованы на стадии возбуждения уголовного дела, то они в устойчивой форме перейдут и на стадию предварительного расследования.

Следовательно, для комплексного понимания и своевременного выявления признаков воспрепятствования правоохранительным органам со стороны заинтересованных лиц правильнее рассматривать противодействие применительно не только к процессу расследования преступления, но и к процессу его раскрытия.

2. *Дискуссии относительно форм противодействия.* В ряде определений отмечается, что противодействие предполагает активную форму реализации, т.е. действие. Однако противодействие может выражаться и в форме бездействия (например, сокрытие информации от следователя на допросе). Таким образом, противодействие может осуществляться как в активной, так и в пассивной форме.

3. *Дискуссии относительно характера противодействия.* Одни авторы утверждают, что в качестве противодействия может рассматриваться только противоправная, т.е. нарушающая какие-либо законодательно закрепленные нормы и запреты деятельность. Мы не можем согласиться с этой точкой зрения, так как не все деяния, которые могут препятствовать достижению целей расследования, попадают под какие-либо запреты (например, воздействие на свидетелей за счет навязчивого преследования («стокинг» [подр.: 7, с. 58]) либо вообще являются правом подозреваемого или обвиняемого на защиту (например, отказ от дачи показаний со ссылкой на ст. 51 Конституции РФ). Мы согласны с мнением О.В. Желевой в том, что «права устанавливают меру свободы личности, а обязанности указывают границы этой свободы и возлагают

на личность определенную ответственность» [5, с. 70], поэтому злоупотребление своими конституционными правами и невыполнение определенных обязанностей² есть не что иное, как противодействие.

4. *Дискуссии относительно целей и мотивов противодействия.* Большинство авторов включают в свои определения цели либо мотивы противодействия и отмечают, что, как правило, целью противодействия выступает воспрепятствование установлению объективной истины по делу. Помимо этого в качестве целей отмечается «сокрытие преступления», «недопущение следов в сферу уголовного судопроизводства», «смягчение наказания» и т.д. В качестве мотивов противодействия³, как правило, отмечается желание избежать привлечения к ответственности.

Однако высказывается мнение, согласно которому «мотивы и цели противодействия вряд ли целесообразно выделять в качестве самостоятельных элементов характеристики противодействия расследованию. Типичные мотивы, по сути, являются одними из криминалистически значимых сведений о субъектах противодействия. Цель его всегда одна – избежание виновными юридической ответственности, создание же препятствий расследованию с иными целями (нежеланием должным образом выполнять свои обязанности, вступать в контакт с правоохранительными органами, ошибочная оценка действий следователя и др.) является не противодействием, а иными объективно существующими помехами, как и в любом другом виде деятельности» [12, с. 57]. Мы не можем согласиться с данной позицией по следующим причинам. Во-первых, противодействие (даже разовый акт) – это действие, преследующее определенную цель с расчетом на получение определенного результата (например, оставление следователя в неведении относительно неко-

2 Статья 47 УПК РФ, в которой закреплены права обвиняемого, не дает перечня его обязанностей. Определенные обязанности как вытекающие из отдельных ограничений и запретов, закрепленных в иных статьях кодекса, только предполагаются (например, обвиняемому запрещается скрываться от органов дознания предварительного следствия и суда, заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожать доказательства либо иным путем препятствовать производству по уголовному делу, т.к. подобные действия дают основания для избрания меры пресечения (ст. 97 УПК РФ)).

3 О.П. Грибунов, С.В. Унжакова отмечают, что «мотив понимается как побудительная причина, повод к действию или деятельности; он тесно связан с целью и предопределяет деятельность через цель. Основу мотивов составляют потребности» [4, с. 18].

торых обстоятельств расследуемого преступления за счет умалчивания информации и т.д.). Поэтому без понимания целей и мотивов невозможно предпринимать своевременные и целенаправленные меры по предотвращению или нейтрализации противодействия. Во-вторых, мы не можем согласиться с тем, что нежелание должным образом выполнять свои обязанности (например, являться по вызову к следователю) либо вступать в контакт с правоохранительными органами (например, давать свидетелем показания) следует рассматривать как «иные объективно существующие помехи», а не как проявление акта противодействия, так как указанные действия являются осознанными и направлены не на что иное, как на воспрепятствование расследованию, а следовательно, являются противодействием.

5. Дискуссии относительно *длительности (системности) противодействия*. Одни авторы под противодействием рассматривают даже разовый акт, другие рассматривают противодействие как систему или целенаправленную деятельность, направленную на воспрепятствование органам предварительного расследования (А.М. Кустов, С.Ю. Журавлев). Как показывает практика, далеко не всегда противодействие может носить системный характер. Поэтому как противодействие следует рассматривать и несистемные эпизодические акты воспрепятствования решению задач, стоящих перед следователем.

6. Дискуссии относительно *осознаваемости своих действий как действий, направ-*

ленных на противодействие расследованию. Мы разделяем позицию авторов, согласно которой противодействием могут считаться только умышленные действия. М.Е. Степанов справедливо отмечает, что в ситуации, когда «лицо неумышленно уничтожило следы преступления либо добросовестно заблуждается относительно характера обстоятельств преступления, сообщенных при допросе, сокрытие преступления имеет место, а противодействие отсутствует» [13, с. 86]. Если даже человек на допросе дает недостоверные показания, внутренне считая их правдивыми, то в таком случае следует говорить о добросовестном заблуждении в силу определенных обстоятельств (ошибки при восприятии того или иного события, забывание определенных обстоятельств, неверная трактовка воспринятого, ошибки при воспроизведении информации и т.д.), но не о противодействии.

Подводя итог, отметим, что в целом разделяем позицию Р.Р. Рахматуллина и предлагаем следующее определение: *противодействие раскрытию и расследованию преступлений – это умышленное действие или бездействие лица, заинтересованного в воспрепятствовании возбуждению уголовного дела либо установлению истины и обстоятельств, подлежащих доказыванию по возбужденному уголовному делу, направленное на процесс расследования, криминалистически значимую информацию либо ее носители в целях уклонения виновного от уголовной ответственности или смягчения наказания*.

Библиографический список

1. Архипова, Н.А. Способы противодействия расследованию, осуществляемые при использовании средств сотовой связи / Н.А. Архипова // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы противодействия организованной преступности : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, 25 ноября 2016 г. / ред. И.А. Антонов [и др.]. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. – С. 16-20.
2. Бабаева, Э.У. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию : монография / Э.У. Бабаева. – М.: Юрлитинформ, 2010.
3. Гармаев, Ю.П. Криминологические и криминалистические проблемы преодоления противодействия уголовному преследованию / Ю.П. Гармаев, Д.В. Ким // Всероссийский криминологический журнал. – Том. 14. – N 3. – 2020. – С. 461-470.

4. Грибунов, О.П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учебное пособие / О.П. Грибунов, С.В. Унжакова. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2019.
5. Желева, О.В. Оговор заведомо невиновного лица как способ злоупотребления обвиняемым субъективным правом / О.В. Желева // Уголовная юстиция. – 2019. – N 13. – С. 70-74.
6. Карагодин, В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию / В.Н. Карагодин. – Свердловск, 1992.
7. Клоченко, Л.Н. Преследование (стокинг) как вид психического насилия / Л.Н. Клоченко // Библиотека криминалиста. – 2015. – Вып. 4 (21). – С. 57-62.
8. Кустов, А.М. Противодействие расследованию: понятие, содержание и пути преодоления / А.М. Кустов // Библиотека криминалиста. – 2013. – N 6 (11). – С. 306-318.
9. Петрова, А.Н. Меры преодоления противодействия расследованию при производстве отдельных следственных действий : учебно-методическое пособие / А.Н. Петрова. – Волгоград: ВА МВД России, 2009.
10. Рахматуллин, Р.Р. Криминалистические проблемы преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений : научно-практическое пособие / Р.Р. Рахматуллин. – Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2006.
11. Рахматуллин, Р.Р. Некоторые проблемы внедрения в практику положений частной криминалистической теории противодействия расследованию преступлений и методов его преодоления / Р.Р. Рахматуллин // Библиотека криминалиста. – 2015. – N 2 (19). – С. 277-283.
12. Рубцов, В.Г. О содержании криминалистической характеристики противодействия расследованию / В.Г. Рубцов // Сборник материалов криминалистических чтений / Барнаульский юридический институт МВД России. Вып. 6. – Барнаул, 2010. – С. 56-59.
13. Степанов, М.Н. Инсценировка как способ сокрытия убийств, совершенных организованными преступными группами, в системе противодействия расследованию / М.Е. Степанов // Сборник материалов криминалистических чтений / Барнаульский юридический институт МВД России. Вып. 8. – Барнаул, 2012. – С. 85-86.
14. Тишутина, И.В. Противодействие расследованию организованной преступной деятельности: теория и практика выявления и преодоления : монография / И.В. Тишутина / под ред. А.Ф. Волынского. – М.: Юрлитинформ, 2012.
15. Флоря, Д.Ф. Противодействие расследованию преступлений и его влияние на расследование уголовного дела : монография / Д.Ф. Флоря. – Орел: ОрЮИ МВД России, 2012.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАРКОУГРОЗЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

УДК 351.761

Петр Иванович ИВАНОВ,

главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России (г. Москва),
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
IvanouPI1952@yandex.ru

СТРАТЕГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА И РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

STRATEGY OF THE STATE ANTI-DRUG POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR THE PERIOD UP TO 2030 AND THE ROLE OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN ITS IMPLEMENTATION

В статье на основе изучения и анализа нормативных правовых актов, монографических работ, а также правоприменительной практики органов внутренних дел предпринята попытка определения их задач по реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г. Отмечается, что сложившаяся на сегодняшний день наркоситуация вызывает особое беспокойство, поскольку организаторы наркобизнеса активно стали внедрять в преступные схемы достижения IT-технологий, позволяющие им существенно расширять «клиентскую базу» потребителей наркотиков, поддерживать относительную анонимность при совершении сделок с наркотическими средствами, скрывать финансовые следы, образуемые при организации дистанционного сбыта указанных средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также упрощать процессы легализации (отмывания) наркодоходов.

Based on the study and analysis of regulatory legal acts, monographic works, as well as law enforcement practice of internal affairs bodies, an attempt to determine their tasks for the implementation of the Strategy of the State Anti-Drug Policy of the Russian Federation for the period up to 2030 is made in the article. It is noted that the current drug situation is of particular concern, since the drug business organizers actively introduce IT-technologies into criminal schemes that allow them to significantly expand the «client base» of drug users, maintain relative anonymity when making transactions with narcotic drugs, to conceal financial traces formed when organizing the remote sale of these drugs, psychotropic substances and their precursors, as well as to simplify the processes of legalization (laundering) of drug proceeds.

Ключевые слова: органы внутренних дел, государственная антинаркотическая политика, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, оперативно-розыскное противодействие.

Keywords: internal affairs bodies, state anti-drug policy, illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances, operational and investigative counteraction.

Научно-технический прогресс и глобализация в сфере торговли и финансовой деятельности открыли новые возможности не только для социально-экономического развития, но и для появления новых форм преступности, в том числе киберпреступности¹, характеризующейся, прежде всего, следующими особенностями: нанесением существенного вреда даже при минимальных затратах на совершение киберпреступлений; совершение их в одной юрисдикции (стране) лицом, находящимся в другой юрисдикции (в другой стране); отсутствием во многих национальных законодательствах четких определений правонарушений, совершаемых в киберпространстве; довольно низким уровнем их выявления и изобличения лиц, причастных к ним [5, с. 6], в первую очередь из-за сформировавшейся разветвленной сети транснациональных преступных групп и сообществ. Многие исследователи существенные изменения в формах организованной преступности видят в возможностях глобальных информационных сетей.

При этом следует отметить, что информационно-телекоммуникационные технологии не обошли своим вниманием финансовый сектор, где в последнее время все активнее происходят процессы, связанные с виртуальной валютой (криптовалютой), которые не остались незамеченными преступной средой. Так, А.Ю. Ушаков, А.Г. Саакян, Р.С. Поздышев [9, с. 37], изучая преступления, совершаемые с применением криптова-

люты, установили, что львиную долю такого рода деяний составляют преступления в сфере легализации денежных средств, полученных преступным путем, в сфере незаконного оборота наркотических средств, а также преступления, связанные с хищениями как в форме краж, так и в форме мошенничеств.

Современная наркоситуация в стране отчасти вынудила принятие такого документа стратегического планирования, как Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Стратегия)², в которой определяются цели, приоритеты, задачи, основные направления и количественные целевые показатели государственной антинаркотической политики, а также механизмы и ожидаемые результаты ее реализации. Стратегия тем самым выступает серьезным подспорьем для снижения уровня наркоугрозы в стране³.

Изучив выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании коллегии ФСБ России (24.02.2021) и расширенном заседании коллегии МВД России (03.03.2021), а также материалы коллегий, мы сформулировали через призму противодействия наркопреступности⁴ ряд принципиально важных положений, суть которых, на наш взгляд, заключается в следующем:

– к организации борьбы с наркобизнесом⁵ следует подойти по-новому, чтобы выйти на новый уровень⁶. А это, на наш взгляд, предполагает обеспечение нового качества

1 Преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств выступают составной частью киберпреступности, поскольку они также связаны с использованием информационных технологий и глобальных сетей.

2 Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 23.11.2020 N 733 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. N 48. Ст. 7710.

3 Количество официально зарегистрированных потребителей наркотиков за последние 10 лет сократилось более чем на четверть, несовершеннолетних потребителей – почти на 45%. Для того чтобы закрепить достигнутое и процесс сокращения не приостанавливался впредь, в рамках принятой Стратегии следует разработать и принять систему мер.

4 В ходе дальнейшего изложения наряду с использованием полного наименования «незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» также используется «сфера незаконного оборота наркотиков», «наркопреступность», «наркопреступления».

5 Ответственность за наркопреступления, в том числе за формирование организованных преступных группировок в сфере наркобизнеса, предусмотрена Уголовным кодексом Российской Федерации – ст. 30, 33, 228-232.1.

6 Наркоситуация в стране по-прежнему остается напряженной. Так, только в 2020 г. были выявлены порядка 190 тысяч наркопреступлений, абсолютное большинство – органами внутренних дел. При этом из незаконного оборота изъято свыше 20 тонн запрещенных и подконтрольных веществ.

работы по всем ключевым направлениям этой работы. Ее эффективность и результативность должны соответствовать характеру и динамике наркоугроз⁷. В центре внимания правоохранительных органов должна быть последовательная ликвидация подпольных производств наркотических средств⁸ и каналов наркотрафика. Учитывая основные тенденции развития наркоситуации⁹, их усилия следует сосредоточить на противодействии организованным формам наркопреступности, перекрытии источников ее финансирования¹⁰, пресечении производства наркотиков внутри страны, а также ликвидации схем их сбыта, включая виртуальные. Для успешного решения этих задач полиция с этого года наделена дополнительным правом пресекать подобные попытки;

– *обеспечение выверенными упреждающими оперативными действиями*, базирующимися на результатах учета внутренних и внешних угроз, оценки уровня защиты конфиденциальной информации с тем, чтобы не допускать утечек закрытых сведений. Это особенно важно, когда проводятся международные контролируемые поставки наркотиков;

– *участившиеся случаи со стороны преступников попыток выстраивания трансграничных каналов для наркотрафика и контрабанды наркотиков путем нарушения границ и пограничного режима*. Правоохранительные органы, учитывая это, должны чаще проводить совместные специальные операции и оперативно-профилактические мероприятия в целях перекрытия контрабандных поставок и ликвидации внутренней сырьевой базы;

– *обеспечение позитивной динамики по преступлениям в сфере информационных технологий*. Сами технологии быстро развиваются, мы за ними, к сожалению, не успе-

ваем. Между тем за развитием электронной торговли, за предоставлением в глобальной сети разного рода услуг, включая финансовые услуги, по мере возможности необходимо следить. Технологии здесь обновляются и меняются стремительно, но и поле для совершения преступлений, для разного рода аферистов, к сожалению, тоже увеличивается. Чтобы не быть голословным, отметим, что в последнее время преступники все чаще стали предпринимать попытки распространения наркотиков с использованием высоких технологий и внебанковских систем оплаты. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что общее количество деяний, совершенных указанным способом, в 2020 г. превысило 47 тысяч и составило четверть от всех зарегистрированных. Например, сотрудниками полиции задержаны участники межрегионального преступного сообщества, которые занимались распространением наркотиков через теневой сегмент сети Интернет. В масштабную криминальную схему входили так называемые розничные и оптовые закладчики и перевозчики. Запрещенный товар поставлялся в Московскую и Волгоградскую области, Краснодарский край, а также ряд других регионов страны;

– *освоение с позиции правоохранительных интересов цифрового пространства*. Это означает принятие эффективных мер, чтобы достойно ответить на криминальный вызов. В свою очередь, это подразумевает повышение профессионального мастерства сотрудников, техническое их оснащение, освоение (приобретение ими навыков) новых способов защиты от мошенников, налаживание более четкого информационного взаимодействия с банковским сообществом, интернет-провайдерами, операторами сотовой связи;

7 В ходе мониторинга наркоситуации в перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, дополнительно включены 36 позиций.

8 В 2020 г. принятыми оперативно-розыскными мерами удалось ликвидировать 256 подпольных нарколабораторий по изготовлению в основном синтетических наркотиков. Если сравнить с данными 2016 г., то число пресеченных нелегальных наркопроизводств возросло почти в четыре раза.

9 В условиях пандемии незаконный оборот наркотиков в России и в мире вырос в десятки раз // Российская газета. 28.06.2020. URL: <https://rg.ru/2020/06/28/kakpandemii-povliiala-na-oborot-narkotikov-v-rossii-i-v-mire.html> (дата обращения: 14.06.2021).

10 В ходе проведения оперативно-профилактических мероприятий (включая межгосударственный формат) по подрыву финансовых основ наркобизнеса в 2020 г. были выявлены 284 факта легализации преступных доходов.

– создание необходимых предпосылок для реализации важнейшего правового принципа – неотвратимости наказания. Тем самым в целом показатели раскрываемости кибер- и других видов преступлений¹¹ должны год от года расти.

Практическая реализация перечисленных положений в первую очередь направлена на достижение стратегических целей, обозначенных в Стратегии, а именно: сокращение незаконного оборота и доступности наркотиков для их незаконного потребления; снижение тяжести последствий незаконного потребления наркотиков; формирование в обществе осознанного негативного отношения к незаконному потреблению наркотиков и участию в их незаконном обороте. Как видим, в данном документе не ставится в качестве основной цели ликвидация наркотизации и незаконного оборота наркотиков как социального явления, поскольку ее вряд ли можно достичь. Речь идет только о сокращении данного явления и минимизации его последствий.

Забегая вперед, отметим, что мероприятия по выявлению и пресечению деятельности организованных преступных групп и организованных сообществ, осуществляющих бесконтактный сбыт наркотиков с использованием IT-технологий (дистанционно), в соответствии со Стратегией признаны приоритетными для правоохранительных органов. При этом усилия должны быть направлены не только на ликвидацию преступных групп и сообществ, перекрытие каналов поставок наркотиков, противодействие легализации (отмыванию) наркодоходов, но и на блокировку соответствующих сайтов и тематических форумов, выработку в обществе моделей поведения, связанных с недопустимостью применения психоактивных веществ в рекреационных целях.

В числе приоритетных направлений значится также недопущение использования доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков, в экономической сфере путем:

– модернизации уголовно-правовых норм за преступления, связанные с легализа-

цией (отмыванием) денежных средств, приобретенных наркодельцом в результате совершения им наркопреступлений;

– совершенствования системы выявления финансовых операций, обеспечивающих незаконный оборот наркотиков, посредством налаживания информационного взаимодействия между правоохранительными органами, Росфинмониторингом и институтами гражданского общества;

– установления подконтрольных лидерам и активным членам организованных групп и преступных сообществ, действующих в сфере незаконного оборота наркотиков, объектов легальной и теневой экономической деятельности;

– дальнейшего совершенствования тактических приемов подрыва экономических основ наркопреступности (создание условий, при которых было бы не выгодно совершать наркопреступления, проведение крупномасштабных комплексных специальных операций [6]). Существует острая потребность в разработке и внедрении для этого правового механизма, отвечающего современным реалиям;

– надлежашей организации оперативно-розыскного сопровождения расследования уголовных дел о незаконном обороте наркотиков на основе своевременно созданной следственно-оперативной группы, разработки совместно со следователем согласованного плана проведения оперативно-розыскных мероприятий и производства следственных (процессуальных) действий;

– реализации комплекса мер, направленных на снижение криминального использования электронных платежных инструментов. Среди такого рода мер особо значимыми являются: практика приостановления российскими банками сомнительных денежных переводов, осуществляемых без согласия клиентов; страхование их вкладов за счет кредитно-финансовых организаций; оперативная блокировка различных криминальных механизмов, действующих в глобальной сети, посредством использования регуляторных возможностей и полномочий; ужесточение

¹¹ Здесь речь идет о IT-преступлениях.

требований к порядку выдачи и использования электронной цифровой подписи; совершенствование информационного обмена с кредитными организациями и интернет-провайдерами, операторами связи и иными структурами, в том числе путем перехода на электронный документооборот; введение в эксплуатацию подсистемы «Дистанционное мошенничество», позволяющей доказывать причастность лиц к серийным IT-преступлениям.

По результатам изучения и анализа монографических и иных научных работ мы пришли к выводу о том, что противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет (использованием информационно-телекоммуникационных технологий), будет осуществляться правоохранительными органами намного эффективнее, если основные усилия законодателя, ученых различных областей знаний, правоприменителей будут направлены на решение двух взаимосвязанных проблем (это противоречия между социально-экономической средой и наркопреступностью, между цифровой средой функционирования и степенью оперативной готовности сотрудников полиции в борьбе с наркопреступлениями).

Суть первой из них заключается в скорейшем освоении правоохранительными органами возможностей информационно-телекоммуникационных технологий в противодействии наркопреступности¹². В настоящее время существует достаточно много работ, посвященных вопросам активного использования преступными элементами достижений современной науки и техники [1; 4; 7; 8]. На этом фоне правоохранительные органы небезуспешно пытаются выстроить схему противодействия незаконному обороту наркотиков. Между тем, как нам представляется, ведомственная наука и практика несколько отстают от того, что имеют на сегодня на «во-

оружении» криминальные структуры, нашедшие новый источник и средство пополнения своего «бюджета». Думается, что правоохранительные органы оказались в роли догоняющего [7]. К сожалению, нельзя не согласиться в этом плане с мнением Р.А. Дерюгина: «Это по большей части контрмеры в ответ на уже совершенные преступления или действия, направленные на их пресечение. Как бы это печально ни звучало, современный преступник значительно быстрее осваивает просторы Интернета, активнее изучает, разрабатывает применяет новейшие технические разработки» [3, с. 47-48].

Вторая проблема затрагивает ту область, которая требует ответа на вопрос, насколько сегодня правоохранительные органы и их сотрудники готовы профессионально грамотно со знанием дела противостоять натиску членов организованных групп и сообществ. Если судить по материалам расширенного заседания коллегии МВД России по итогам оперативно-служебной деятельности за 2020 год, то ситуация складывается не в нашу пользу, приходится наверстывать упущенное быстрыми темпами в части подготовки специалистов по борьбе с IT-преступлениями. Радует то, что взялись за решение существующей в этом плане проблемы на самом высоком уровне.

Современная криминогенная ситуация в части противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров характеризуется не только чисто статистическими показателями, свидетельствующими о ее ухудшении, но и совокупностью обстоятельств, связанных с самой средой функционирования правоохранительных органов в условиях цифровой трансформации на основе современных информационно-телекоммуникационных технологий: Интернет, сотовая радиотелефонная связь, электронные платежные средства и системы, в том числе криптовалютные, анонимайзеры, социальные сети, интернет-мес-

¹² Противоборствующая сторона – криминальные структуры, орудующие в сфере незаконного оборота наркотиков, располагая финансовыми и иными ресурсами, намного быстрее адаптируют новейшие информационно-телекоммуникационные технологии в преступных целях и оказываются в «передовиках». Как нам представляется, имеющийся у правоохранительных органов арсенал технических средств и технологий нуждается в существенном обновлении, чтобы противопоставить себя «новой преступности». Пока они не достигнут некоего баланса сил и средств с указанными структурами, говорить о своих преимуществах им не приходится.

сенджеры («Telegram», «WhatsApp», «Imo», «CoverME», «Signal», «Vipole», «TikTok»), которые для защиты передаваемой информации используют сквозное шифрование.

Укажем наиболее значимые обстоятельства. К их числу нами отнесены:

- наличие множества способов приобретения запрещенных веществ (с помощью мессенджеров, социальных сетей, интернет-магазинов). С их помощью сегодня внедрен бесконтактный способ сбыта наркотиков, исключая непосредственный контакт продавца и покупателя. Не перестает набирать обороты покупка наркотиков через тайники-закладки. При этом общение чаще всего осуществляется через Интернет или абонентский номер, зарегистрированный на третьих лиц, а оплата за товар происходит посредством электронных платежных систем;

- возможность оплаты приобретенных наркотиков с помощью электронных платежных систем;

- создание, благодаря киберпространству, анонимайзеров, условий для сокрытия персональных данных как поставщика наркотиков, так и их потребителей¹³. Тем самым преступниками обеспечивается высокий уровень конспирации в сети, что особенно важно – анонимные сети способствуют надежному сокрытию следов преступления и персональных данных преступников¹⁴. Во многом данное обстоятельство незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ делает относительно безопасным¹⁵ и вовлекает большое количество преступных элементов. Вследствие этого незаконный оборот является одним из самых распространенных видов преступной деятельности. Иными словами, наркобизнес стал самым привлекательным;

- координирование деятельности преступных групп и сообществ дистанционно, вне зависимости от местоположения организатора и исполнителей;

- наличие апробированных на практике схем легализации денежных средств, полученных от незаконного оборота наркотиков;

- разработка и внедрение преступными группами и сообществами новых схем построения преступной деятельности, предполагающей иерархическую сетевую структуру с четким распределением ролей каждого из ее участников;

- транснациональный характер формирования современной наркопреступности, обусловленный прежде всего развитием IT-технологий, позволяющих координацию преступной деятельности удаленно. Ее участники могут дислоцироваться не только на территории России, но и на территории иных государств.

Из-за ограниченности объема настоящей статьи нами приведены лишь отдельные, на наш взгляд, особо значимые меры противодействия наркопреступности. Это следующие:

- мониторинг сети Интернет с целью выявления противоправного контента, активного противодействия новым способам незаконного оборота наркотиков. Так, Н.М. Демко и Р.В. Исаков считают, что «возможно даже использование инструментов OSINT (добывание (разведывание) информации об объекте оперативной заинтересованности) через призму добывания оперативно значимой информации о лицах, причастных к организации и сбыту наркотиков бесконтактным способом с применением IT-технологий путем мониторинга и анализа следующих открытых источников: интернет-мессенджеров;

13 Анонимные системы создают благоприятные условия для развития теневого Интернета, активно эксплуатируемого организаторами и исполнителями наркопреступлений. Например, теневой сегмент Интернета, так называемый «Даркнет», выполняет двоякую роль: во-первых, используется для вербовки новых участников организованных групп и преступных сообществ, во-вторых, как способ сбыта наркотиков.

14 Для сокрытия следов противоправной деятельности преступники, как правило, используют системы подмены данных действительных адресов их сетевой активности, а сетевые ресурсы создаются на серверах, которые располагаются в разных странах. Тем самым создаются большие сложности в проведении комплекса оперативно-розыскных мероприятий, так как информационно-вычислительная система находится в юрисдикции другого государства.

15 Преступные элементы, используя Интернет (бесконтактный способ сбыта наркотиков), значительно снижают риск задержания их правоохранительными органами в момент сбыта наркотиков.

веб-сообществ; контента, созданного пользователями различных социальных сетей; фотохостингов; видеохостингов; вики-справочников; блогов; различных тематических веб-форумов; радиомониторинга; общедоступных данных дистанционного зондирования поверхности земли и аэрофотосъемок (GoogleEarth); основных атрибутов операций с криптовалютой, находящейся в открытом доступе» [2, с. 16];

– создание условий (программное обеспечение) для комплексного анализа первоначальной информации, полученной о факте преступной деятельности наркодельцов, с помощью информационно-вычислительной системы, преследуя цель получения исчерпывающих данных обо всей структуре преступной группы;

– выработка в целях выявления лиц, причастных к незаконной деятельности транснациональных группировок, на основе совместных наработок действенного механизма взаимодействия правоохранительных органов разных государств, предполагающего проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий, преимущественно технического характера;

– разработка нормативных правовых актов, способствующих последовательному внедрению стремительно развивающихся интернет-технологий на службу полиции. Преступные элементы, используя сеть Интернет, средства мобильной связи и электронные средства платежа, безусловно, создают процесс выявления преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, чрезвычайно затратным и трудоемким. Между тем какие бы меры ни предпринимала противодействующая сторона, чтобы избежать наказания, впечатление, которое складывается у нее о неуязвимости, как показывает многолетняя практика, остается лишь мифом.

В заключение подведем некоторые итоги.

Во-первых, Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года – инструмент по противодействию новым способам незаконного оборота наркотиков (активное

внедрение в преступную среду бесконтактных способов сбыта, позволяющих скрыть следы преступления и персональные данные преступников).

Во-вторых, успешное противодействие незаконному обороту наркотиков во многом зависит от познания закономерностей и тенденций противоправной деятельности организованных преступных групп и организованных сообществ, осуществляющих бесконтактный сбыт наркотиков с использованием IT-технологий (дистанционно), и разработки на этой основе системы оперативно-розыскных мер. Ускоренное продвижение и активное развитие электронных платежных систем, позволяющих осуществлять дистанционные сделки, отсутствие в Российской Федерации законодательных инструментов и органа, регулирующего сферу выпуска и оборота виртуальных активов (криптовалют), в значительной мере создают трудности во всецелом внедрении современной модели противодействия незаконному обороту наркотиков.

В-третьих, деятельность правоохранительных органов по своевременному выявлению и пресечению, прежде всего, фактов бесконтактного сбыта наркотиков с использованием IT-технологий в соответствии со Стратегией государственной антинаркотической политики признана приоритетной, направленной не только на ликвидацию преступных групп и сообществ, перекрытие каналов поставок наркотиков, противодействие легализации (отмыванию) наркодоходов, но и на блокировку соответствующих сайтов и тематических форумов, выработку в обществе моделей поведения, связанных с недопустимостью применения психоактивных веществ в рекреационных целях.

В-четвертых, глобализация наряду с позитивным процессом, происходящим в развитии экономики страны, послужила катализатором эскалации преступлений, в частности, связанных с бесконтактным сбытом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, посредством использования IT-технологий.

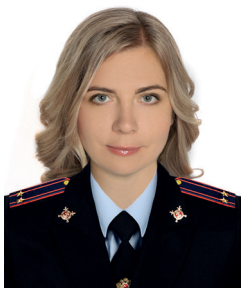

Библиографический список

1. Глушков, Е.Л. Сбыт наркотических средств бесконтактным способом посредством сети Интернет: пути выявления и раскрытия / Е.Л. Глушков // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2018. – N 2.
2. Демко, Н.М. Osint как эффективный инструмент в противодействии незаконному обороту наркотиков, совершенному с использованием IT-технологий / Н.М. Демко, Р.В. Исаков // Сборник научных статей по итогам научно-практических конференций, проводимых в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя в ноябре 2020 года. – Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020.
3. Дерюгин, Р.А. Киберпреступность в России: современное состояние и актуальные проблемы / Р.А. Дерюгин // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2019. – N 2 (22).
4. Ивлиев, П.А. Анонимность в Интернете: проблемы и особенности / П.А. Ивлиев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – N 4-2.
5. Киберпреступность и наркобизнес : аналитический вестник Аналитического управления Аппарата Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации. Выпуск 16. Серия: оборона и безопасность. – М., 2002.
6. Михайлов, Б.П. К вопросу о проведении специальных оперативно-разыскных операций по противодействию незаконному обороту наркотиков / Б.П. Михайлов, Л.Л. Тузов, М.А. Чварков // Вестник Московского университета МВД России – 2021. – N 1.
7. Морозов, А.В. Особенности борьбы с наркопреступностью в сфере информационно-телекоммуникационных технологий / А.В. Морозов // Научно-практический альманах МВД России «Профессионал». – 2018. – N 3.
8. Старченко, В.В. Актуальные проблемы противодействия незаконному обороту наркотических средств с использованием сети Интернет и пути их решения / В.В. Старченко // Российско-азиатский правовой журнал. – 2020. – N 1.
9. Ушаков, А.Ю. Практика расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалюты : учебное пособие / А.Ю. Ушаков, А.Г. Саакян, Р.С. Поздышев. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2020.

УДК 343.9:351.761

Надежда Афанасьевна ДУДИНА,
доцент кафедры административного права
и административной деятельности органов
внутренних дел Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук
nadezhda.dudina.87@mail.ru

НАРКОЛИБЕРАЛИЗМ КАК ОПАСНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В СФЕРЕ КОНТРОЛЯ ЗА ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

DRUG LIBERALISM AS A DANGEROUS TREND IN THE SPHERE OF DRUG CONTROL

В статье раскрываются вопросы, касающиеся нарколиберализма в России и в мире. Анализируются понятия «легализация» и «либерализация» наркотиков. Автором отмечено, что понятие «нарколиберализм» отсутствует в действующем российском законодательстве, в связи с чем предложено его авторское определение.

На основе анализа информационных источников, научной литературы и законодательства обобщены и сформулированы цели нарколиберальных организаций, обоснован тезис об опасности тенденции нарколиберализма.

The article considers issues related to drug liberalism in Russia and around the world. The concepts of «legalization» and «liberalization» of drugs are analyzed. The author notes that the concept of «drug liberalism» is absent in the current Russian legislation, so the author's definition of the concept under consideration is proposed.

On the basis of an analysis of sources of information, scientific literature and legislation, the goals of the drug-liberal organizations were summarized and formulated, and the thesis about drug liberalization as a dangerous tendency was substantiated.

Ключевые слова: либерализация наркотических средств, легализация наркотиков, нарколиберализм.

Keywords: narcotic drugs liberalization, drug legalization, drug liberalism.

Согласно сведениям, содержащимся в докладе о наркоситуации в Российской Федерации в 2020 году¹, состояние наркоситуации определено как «тяжелое». В докладе отмечается, что в 2020 году участились призывы к легализации немедицинского использования наркотических средств.

С сожалением следует констатировать тот факт, что нарколиберальные тенденции набирают обороты в нашей стране. Это, в частности, проявляется в наличии различных

нарколиберальных организаций (Фонд «Открытое общество» (США), «Открытая Россия» (Великобритания), «Человек в беде» (Чехия), Национальный фонд в поддержку демократии (США), Международный республиканский институт (США), Национальный демократический институт (США), Атлантический совет (США), известные зарубежные СМИ, в том числе СМИ-иноагенты), которые пытаются повлиять на наркополитику России, в том числе вовлекая молодежь в протестную дея-

1 URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/2175467>.

тельность за декриминализацию потребления наркотиков².

Вместе с тем Российская Федерация имеет достаточно стабильную позицию в вопросах недопущения нарколиберальных инициатив, согласно которой «любое ослабление международной системы контроля над наркотиками приведет к трагическим и катастрофическим последствиям»³.

В вступительном слове при обсуждении Стратегии государственной антинаркотической политики России до 2030 года В. Путин заявил, что «нужно разоблачать ложь, в том числе о так называемом безопасном, цивилизованном потреблении так называемых легких и других наркотиков»⁴.

Действующее законодательство Российской Федерации в области контроля за оборотом наркотиков не содержит понятия «нарколиберализм». Весьма часто этот термин используется наряду или в сочетании с термином «легализация наркотиков». Анализ научной литературы позволил сделать вывод о том, что в подавляющем большинстве случаев либерализация антинаркотического законодательства упоминается в контексте негативных оценок опыта отдельных государств, легализовавших потребление «легких» наркотиков [1].

В Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года⁵ (далее – Стратегия) определено, что угрозами национальной безопасности в сфере оборота наркотиков, а также в области противодействия их незаконному обороту в среднесрочной и долгосрочной перспективе, в частности, являются:

а) попытки дестабилизации международной системы контроля за оборотом наркотиков в части, касающейся либерализации и легализации наркотиков, в нарушение меж-

дународных нормативных правовых актов о наркотических средствах и психотропных веществах и противодействии их незаконному обороту;

б) расширение глобального рынка наркотиков вследствие легализации использования каннабиса в рекреационных целях, появление новых видов наркотиков и формирование рынков их сбыта, увеличения объемов незаконного производства наркотиков на недостаточно контролируемых властями территориях, а также в зонах вооруженных конфликтов и др.

Традиционно в юриспруденции под легализацией (в одном из смыслов) понимается «разрешение деятельности какой-либо организации; придание юридической силы какому-либо акту, действию»⁶. Применительно к деятельности в сфере оборота наркотиков под «легализацией наркотиков» следует понимать признание законным всего оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, включающего культивирование наркотикосодержащих растений, экспорт и импорт, потребление наркотиков физическими лицами и другие деяния. Отметим, что понятие «легализация» следует отграничивать от понятия «декриминализация». Последнее предполагает лишь исключение уголовной ответственности за немедицинское потребление наркотиков.

Что же касается понятия «либерализация», то стоит отметить, что данный термин в большей степени имеет социологическое начало, нежели юридическое. Так, в социологическом словаре под либерализацией (от лат. *liberalis* – касающийся свободы – англ. *liberalization* нем. *Liberalisierung*) понимается процесс расширения определенных прав и свобод и устранение существующих ограничений⁷.

2 Подробнее на сайте «Парламентской газеты». URL: <https://www.pnp.ru/politics/vasiliy-piskarev-protiv-rossii-vedyotsya-nastoyashhaya-narkovoyna.html>.

3 Иванов В.П. Повышение статуса наркопроблемы до ведущей угрозы международному миру и безопасности : выступление на 59-й сессии Комиссии по наркотическим средствам ООН. Вена, 14.03.2016.

4 Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/council/session/2882/>.

5 Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 23.11.2020 N 733.

6 Большой юридический словарь. URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/fc/slovar-203-1.htm#zag-3297>.

7 Социологический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/social/ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ>.

Т.А. Федоренко на основе сравнительно-правового анализа международного антинаркотического законодательства предложено условное деление государств по степени либерализации законодательства на четыре группы [2]:

– страны с либеральным законодательством (Испания, Швейцария, Королевство Нидерланды (Голландия). «Антинаркотическое законодательство в этих странах строится на дифференцированном отношении к распространению различных видов наркотиков. С учетом того, что в этих странах разрешено употребление так называемых «легких» наркотиков (марихуана, гашиш) в специальных кофе-шопах, уголовная ответственность наступает только за незаконное хранение и сбыт «тяжелых» наркотиков (героин, кокаин и т.п.);»;

– страны с умеренной уголовно-правовой политикой (Германия, Франция, Италия и ряд других государств, в том числе Россия). «В этих странах в качестве уголовного наказания за преступления, связанные с наркотиками, смертная казнь не применяется. Вместе с тем за тяжкие преступления в этой сфере предусмотрены длительные сроки лишения свободы». Наряду с этим за наркопреступления, не представляющие большой общественной опасности, предусмотрен широкий спектр наказаний, не связанных с лишением свободы. В то же время лица, больные наркоманией и совершившие преступление, могут быть направлены в судебном порядке на принудительное лечение;

– страны с жесткой уголовно-правовой политикой (США, Япония, Великобритания, Испания, Австралия). «В этих странах за преступления, связанные с наркотиками, устанавливаются серьезные меры наказания, иногда предусматривающие смертную казнь, которая, однако, применяется в исключительных случаях. Здесь осуществляется жесткий контроль за всеми видами наркотиков, наращиваются усилия по борьбе с наркоторговлей»;

– страны с особо жесткой уголовной политикой (Малайзия, Иран, Пакистан, Сирия,

Сингапур, Китай, Египет и ряд других, в основном расположенных в Азии и Африке). В этих странах борьба с незаконным оборотом наркотиков ведется самыми серьезными мерами и за преступления, связанные с торговлей наркотическими средствами, и даже за их хранение в крупных размерах применяется наказание вплоть до смертной казни.

Такое деление государств обусловлено мерами ответственности в сфере незаконного оборота наркотиков, закрепленными в национальном законодательстве.

Еще одно направление в законодательстве в сфере оборота наркотических средств представлено исходя из тенденций наркопотребления в различных целях (рекреационных, медицинских).

Так, например, в Уругвае, начиная с 2017 года, марихуана продается в отдельных аптеках и под контролем государства. «Заранее зарегистрировавшиеся клиенты могут покупать до 10 граммов двух видов наркотика в неделю. Производство марихуаны в Уругвае также организовано под контролем государства. Двум компаниям разрешено выращивать в год по две тонны конопли. Кроме покупки в аптеке, государство определило еще два способа легального получения марихуаны. Граждане имеют право выращивать дома до шести растений конопли или вступать в «клубы», которые совместно выращивают коноплю. Членам клуба разрешено потреблять до 480 граммов каннабиса в год»⁸. Вместе с тем иностранным туристам запрещено приобретение и потребление марихуаны, такая покупка доступна только гражданам.

Еще одно государство, полностью легализовавшее марихуану, – Канада, до легализации принадлежавшая к числу стран с самым высоким потреблением марихуаны на душу населения (по разным оценкам, ежегодный оборот черного рынка в этой сфере составлял 4 миллиарда евро). «Медицинское использование марихуаны стало законным в Канаде в 2001 году. А с октября 2018 года Канада стала первой крупной страной, легализовавшей употребление марихуаны. В соответствии с национальным законодатель-

8 Международная информационная группа «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/world/571160>.

ством взрослые могут приобретать марихуану для личного пользования у авторизованных продавцов и иметь при себе около 30 г в общественных местах.

Легализация стала результатом сложного компромисса многих политических сил. Все легальные производители и поставщики должны получить федеральную лицензию. Регулирует же дистрибуцию марихуаны и определяет возраст, начиная с которого потребители смогут ее покупать, каждый регион страны самостоятельно⁹.

Медицинское использование марихуаны и препаратов на ее основе разрешено в Чехии, Польше, Хорватии, ряде регионов Италии и некоторых других странах. В Португалии и Австрии действуют правила, декриминализирующие оборот каннабиса, – допускается его употребление в специальных кафе, не преследуется выращивание конопли в небольших количествах.

Согласно федеральному законодательству США марихуана относится к запрещенным веществам: хранение даже небольшого количества конопли является незаконным, однако 11 штатов и столица – Вашингтон – легализовали ее употребление в личных целях¹⁰.

Германия – одна из первых европейских и крупнейшая в мире страна, легализовавших медицинский каннабис на федеральном уровне¹¹. В марте 2017 г. в Германии решили использовать коноплю в качестве лечебного средства.

Рассматривая вопросы нарколиберализации наркотических средств, нельзя не упомянуть так называемую «заместительную терапию», поскольку для одних стран она является допустимой и рекомендуемой, а для других запрещенной.

Всемирная Организация Здравоохранения, Управление Организации Объединен-

ных Наций по наркотикам и преступности, Объединенная программа Организации Объединенных Наций по ВИЧ/СПИДу выработали единую позицию по вопросу о заместительной поддерживающей терапии и ее применении в ведении пациентов с опиоидной зависимостью и в профилактике ВИЧ-инфекции/СПИДа¹².

«Практика оказания медицинской помощи больным опиоидной наркоманией в странах Западной Европы представлена стратегией снижения вреда, которая включает программы доступа наркоманов к стерильным шприцам и иглам, открытие для них инъекционных кабинетов, а также программы заместительной опиоидной поддерживающей терапии (далее – ЗПТ) – лечение наркомании легализованными наркотиками (метадон, бупренорфин, героин и пр.)»¹³. Заместительная терапия с использованием метадона уже на протяжении длительного периода применяется во многих странах Америки, Западной и Восточной Европы, СНГ.

В Российской Федерации достаточно последовательно выдерживается позиция о ее недопущении. Так, в соответствии с п. 6 ст. 31 Федерального закона от 8 января 1998 г. N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» в Российской Федерации запрещается лечение наркомании наркотическими средствами и психотропными веществами, внесенными в Список II. Принимая во внимание, что Список III содержит наименования психотропных веществ, а Список IV – прекурсоров, такая формулировка исключает саму возможность заместительной терапии. Вместе с тем такая возможность с учетом классификации списков не исключается п. 2 ст. 36 Модельного закона «О наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах».

9 Информационный сайт. URL: <https://www.lenta.ru>.

10 Там же.

11 Информационный сайт Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru>.

12 Заместительная поддерживающая терапия в ведении пациентов с опиоидной зависимостью и в профилактике ВИЧ-инфекции и СПИДа. Совместная позиция ВОЗ/УООННП/ЮНЭЙДС, 2004 (PDF) ISBN 92 4 459115 3.

13 Позиция Минздрава России в отношении заместительной опиоидной поддерживающей терапии <https://minzdrav.gov.ru/news/2016/03/11/2832-pozitsiya-minzdrava-rossii-v-otnoshenii-zamestitelnoy-opioidnoy-podderzhivayuschey-terapii>.

В соответствии с пп. «г» п. 32 Стратегии, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 г. N 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года», основными мероприятиями по повышению эффективности и развитию наркологической медицинской помощи является недопущение применения в Российской Федерации заместительных методов лечения наркомании с применением наркотических средств и психотропных веществ, внесенных в списки I (метадон) и II (бупренорфин) перечня наркотических средств, а равно легализации употребления отдельных наркотиков в немедицинских целях; согласно пп. «а» п. 15 Стратегии одной из основных мер по сокращению числа больных наркоманией, а также лиц, у которых диагностировано пагубное (с негативными последствиями) потребление наркотиков, является недопущение применения в Российской Федерации методов заместительной терапии при лечении наркомании (использование наркотиков), легализации рекреационного потребления наркотиков, а также неоправданного расширения применения наркотических анальгетиков.

В дополнение к государственной политике, касающейся отрицательного отношения к заместительной терапии, отметим, что в 2019 г. Европейский суд по правам человека отказал в удовлетворении жалобы по делу «Абдюшева и другие против России»¹⁴. Трое заявителей (наркозависимых) предпринимали попытки добиться разрешения на использование запрещенных в России опиатов метадона и бупренорфина для целей заместительной терапии. Европейский суд, отказывая в заявленных требованиях, указал, что, во-первых,

вопросы общественного здравоохранения подлежат «свободе усмотрения со стороны национальных органов власти», во-вторых, не установлено преимуществ заместительной терапии перед традиционными способами лечения, используемыми в России, в-третьих, заявители не использовали все доступные способы лечения.

Российская Федерация «обладает структурированной государственной наркологической службой, которая способна обеспечить лечение наркоманий на основе единых, научно обоснованных принципов. Полноценное лечение опийной, в том числе героиновой, наркомании в Российской Федерации построено на принципе индивидуального подхода к больному, внимательного и детального изучения особенностей клинической картины заболевания, строгого дифференцирования в подборе лечебных средств и в построении лечебной программы. При этом применяются методы с полным отказом от потребления наркотических средств при использовании антагонистов опиоидных рецепторов, которые, в отличие от заместительной терапии, являются патогенетической терапией опийной наркомании»¹⁵.

Кроме того, в 2020 году авторским коллективом Сибирского юридического института МВД России во главе с доктором юридических наук, доцентом Н.Н. Цукановым была проведена работа по подготовке Методики оценки нормотворческих инициатив в целях исключения либерализации антинаркотического законодательства государств-участников СНГ. Помимо самой методики были подготовлены отчет о НИР, несколько публикаций и докладов¹⁶. Одной из главной идей в указанных трудах является то, что

14 Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/>.

15 Позиция Минздрава России в отношении заместительной опиоидной поддерживающей терапии. URL: <https://minzdrav.gov.ru/news/2016/03/11/2832-pozitsiya-minzdrava-rossii-v-otnoshenii-zamestitelnoy-opioidnoy-podderzhivayuschey-terapii>.

16 См., напр.: Цуканов Н.Н. О проекте Модельной методики оценки инициатив в сфере регулирования оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров для государств – участников Содружества Независимых Государств // Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты : материалы международного научно-практического семинара, Красноярск, 9 апреля 2021 года. Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 15-21. DOI 10.51980/2021_3_15; Методика оценки нормотворческих инициатив в сфере распространения оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров для государств – участников Содружества Независимых Государств : отчет о НИР / Н.Н. Цуканов, П.В. Тепляшин.

критерии нарколиберальной инициативы не могут выходить за рамки положений Модельного закона «О наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах». Разработанные методические рекомендации позволяют оценивать законодательные инициативы в целях исключения возможности реализации нарколиберальных подходов в развитии антинаркотического законодательства.

Завершая рассуждения, касающиеся нарколиберализма, отметим: действующее российское законодательство не содержит прямого определения понятия «нарколиберализм». Под нарколиберализмом мы предлагаем понимать *полную отмену или сокращение установленных государством и действующих нормативно-правовых ограничений в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов.*

Опасность нарколиберальных идей заключается в том, что аргументы в пользу данного направления весьма логичны, а сама идея – достаточно привлекательна. Например, главные идеи и цели, провозглашаемые нарколиберальными организациями, сводятся к следующему:

– в России имеет место быть такое явление, как наркофобия: «разноуровневая дискриминация потребляющих наркотики людей, из-за которой они лишаются возможности на адекватную помощь и человеческое отношение»¹⁷;

- победить наркопотребление в России и мире невозможно;
- наркопотребление не является признаком слабости;
- потребление психоактивных веществ не может приравниваться к преступлению. Это отдельный выбор каждого человека;
- в России главенствует карательная наркополитика, которая тесно связана с наркофобией. Курс такой политики следует менять;
- жесткая политика государства влечет распространение ВИЧ, гепатита, туберкулеза;
- власть, «борясь» с наркотиками, оправдывает расходование федеральных денежных средств.

Сегодня, на наш взгляд, можно выделить две тенденции развития нарколиберализма: нарколиберализация законодательства в сфере контроля за оборотом наркотических средств и смягчение общественного мнения относительно наркотических средств. Однако в Российской Федерации последовательно выдерживается позиция о недопущении нарколиберальных инициатив, это прослеживается в изменениях отраслевого законодательства, отражено в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, а также в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2020 года.

17 URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/255581-narcophobia>.

Библиографический список

1. Каймак, Е.В. Попустительство «движению» нарколиберальных организаций – это игнорирование уроков мировой истории / Е.В. Каймак // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – N 8-9. – С. 176-183.
2. Федоренко, Т.А. Зарубежный опыт деятельности органов по противодействию незаконному обороту наркотиков и его использование в РФ / Т.А. Федоренко // Российская юстиция. – 2012. – N 5. – С. 27-31.

УДК 343.575

Денис Валерьевич ТОКМАНЦЕВ,

заместитель начальника кафедры уголовного права
и криминологии Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент

den_tok@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ПЕРЕРАБОТКИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ (СТ. 228 УК РФ)

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT OF MANUFACTURE AND PROCESSING OF NARCOTIC DRUGS (ARTICLE 228 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

В статье рассматриваются законодательное, судебное и доктринальное толкование понятий изготовления и переработки наркотических средств. Приводятся и анализируются типичные ошибки в следственной и судебной практике, допускаемые при квалификации незаконного изготовления и переработки наркотических средств. Выделены признаки незаконного изготовления и переработки наркотических средств, которые могут быть использованы при разграничении данных действий и при отграничении от схожих с ними действий – приобретения, приготовления и производства наркотических средств или психотропных веществ.

The legislative, judicial and doctrinal interpretation of the concepts of manufacture and processing of narcotic drugs are considered in the article. Typical errors in investigative and judicial practice made in the specification of illegal manufacture and processing of narcotic drugs are presented and analyzed in the article. Signs of illegal manufacture and processing of narcotic drugs are highlighted, which can be used to differentiate these actions from each other and to distinguish from similar actions such as acquisition, preparation and production of narcotic drugs or psychotropic substances.

Ключевые слова: изготовление, переработка, приобретение, производство, наркотические средства, психотропные вещества, наркосодержащие растения.

Keywords: manufacture, processing, purchase, production, narcotic drugs, psychotropic substances, narcotic plants.

Наркоситуация в стране в целом стабилизировалась, однако остается напряженной¹. Поэтому приоритетным направлением государственной антинаркотической политики является повышение безопасности здоровья населения от угроз, связанных с незаконным оборотом, в том числе незаконным изготовлением и переработкой, наркотических средств и психотропных веществ (далее – наркосредств), а также совершенствование

уголовного законодательства, следственной и судебной практики его применения.

В механизме уголовно-правового предупреждения криминального изготовления и переработки наркосредств решающая роль отводится норме, содержащейся в ст. 228 УК РФ. Вместе с тем в следственной и судебной практике допускаются ошибки в ее применении. Встречаются примеры, когда одни и те же действия по экстракции маковой соломы

¹ Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : утв. Указом Президента РФ от 23.11.2020 N 733.

одни суды квалифицируют как изготовление, другие – как переработку наркосредств [4, с. 43]. Иногда такие действия оцениваются сразу по двум признакам, и как изготовление, и как переработка наркосредств.

Правоприменители по-разному квалифицируют и получение марихуаны путем высушивания частей дикорастущей конопли. Так, П. над плитой просушил листья дикорастущей конопли, измельчил их, получив марихуану, набил ее в сигарету. Суд первой инстанции квалифицировал содеянное как незаконное изготовление наркосредства. Президиум Московского областного суда признал квалификацию ошибочной.

Также отсутствует единая практика квалификации получения гашиша путем перетирания верхушечных частей дикорастущей конопли. Р., потеряв руками дикорастущую коноплю, получил гашиш для личного потребления. Президиум Оренбургского областного суда квалифицировал действия Р. как незаконное изготовление средства, являющегося наркотическим.

Иное решение по схожему делу было принято Кемеровским областным судом. Получение Л. гашиша из дикорастущей конопли суд квалифицировал как приобретение наркосредства. Л. собрал части произрастающей в поле конопли, высушил и измельчил их в порошкообразную массу. Экспертизой было установлено, что полученное Л. средство является наркотическим – гашишем, вес которого не менее 1,174 г. Органы следствия квалифицировали его действия по двум признакам – приобретение и изготовление таких средств. Суд не согласился с такой квалификацией, исключил из нее признак незаконное изготовление наркосредств. Прокурор подал протест на приговор, в котором указал, что в действиях Л. содержится признак изготовления наркосредств, так как они привели к созданию гашиша, готового к употреблению. Кемеровский областной суд не удовлетворил протест прокурора, указав, что действия Л.

представляют собой не изготовление наркосредств, а приведение частей дикорастущей конопли в более удобную для использования и хранения форму.

Причиной квалификационных ошибок, как отмечает высшая судебная инстанция, является неверное толкование некоторыми правоприменителями понятий изготовления и переработки наркосредств², несмотря на то, что они отражены в правовых актах как международного, так и национального уровней.

В международных правовых актах изготовлением наркосредств признаются все процессы, включая рафинирование, при помощи которых могут быть получены наркосредства (исключение составляет их производство), а также превращение таких средств в другие наркосредства³; в отечественном праве – действия, в результате которых из наркосредств или их прекурсоров получены готовые к использованию и потреблению формы наркосредств или лекарственные средства, содержащие такие средства⁴.

Понятие переработки наркосредств закреплено только в национальном праве. В международном праве оно отсутствует. В соответствии с Федеральным законом «О наркотических средствах и психотропных веществах» под переработкой наркосредств понимаются действия, в результате которых происходят рафинирование (очистка от посторонних примесей), повышение в препарате концентрации наркосредств, а также получение на основе одних наркосредств или их прекурсоров других наркосредств.

Из приведенных понятий следует, что в международном и национальном праве по-разному определяется правовая сущность рафинирования наркосредств. В первом случае как изготовление наркосредств, во втором – как переработка таких средств.

Наряду с законодательными понятиями существуют и судебные понятия рассматриваемых действий. Пленум Верховного Суда

2 О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14.

3 Единая конвенция о наркотических средствах : заключена в г. Нью-Йорке 30.03.1961; Конвенция о психотропных веществах : заключена в г. Вене 21.02.1971.

4 О наркотических средствах и психотропных веществах : Федеральный закон от 08.01.1998 N 3-ФЗ.

РФ под незаконным изготовлением наркосредств понимает умышленно совершенные противоправные действия, результатом которых является получение готовых к потреблению наркосредств из наркосодержащих растений или их частей, либо из других веществ (лекарственных, химических и т.п.).

Судебный подход к понятию изготовления наркосредств отличается от законодательного подхода. Существенным отличием является то, что высшая судебная инстанция, в отличие от законодателя, к исходным материалам, служащим источником для изготовления наркосредств, не относит сами наркосредства.

Под незаконной переработкой наркосредств Пленум Верховного Суда РФ понимает три альтернативных действия:

- рафинирование (очистка) наркотической смеси (препарата) от посторонних примесей;
- повышение (увеличение) в такой смеси (препарате) концентрации наркоактивных веществ;
- смешивание такой смеси с другими фармакологическими активными веществами с целью повышения их активности или усиления действия на организм.

Высшая судебная инстанция, в отличие от законодателя, не включает в понятие переработки наркосредств действия по получению на основе одних наркосредств других. Поэтому, например, возникает вопрос, как квалифицировать действия лица, которое путем химического синтеза получило из опия морфин или из морфина героин [1, с. 152]. Обращаясь к этому вопросу, специалисты предлагают считать такие действия переработкой наркосредств [2, с. 64, 65].

Правовые и судебные понятия изготовления и переработки наркосредств позволяют выделить ключевые признаки рассматриваемых действий, которые могут быть использованы в правоприменительной практике при квалификации данных преступлений, их разграничении друг от друга и отграничении от схожих с ними действий – от приобретения, приготовления и производства наркосредств.

1. Исходные материалы (сырье) изготовления и переработки наркосредств.

Исходным материалом изготовления наркосредств могут служить:

- а) растительные материалы – растения, содержащие наркосредства или их части, содержащие наркосредства;
- б) химические материалы, не являющиеся наркосредствами, – прекурсоры наркосредств, лекарственные и иные химические вещества (далее – исходное вещество).

Материалом (сырьем) переработки могут служить только смеси химических веществ, уже содержащие одно или несколько наркосредств. Однако исходные наркосредства являются неочищенными или недостаточно очищенными либо имеют низкую концентрацию или обладают слабым действием на организм, поэтому виновный намерен путем переработки повысить их «качество».

Таким образом, исходным материалом изготовления наркосредств не могут служить сами наркосредства. Исходным материалом переработки наркосредств не могут служить наркосодержащие растения, или их части, а также химические вещества, не являющиеся наркосредствами.

2. Способ изготовления и переработки наркосредств заключается в химическом воздействии на сырье. Например, изготовление экстракционного опия (в растворе) может осуществляться путем соединения частей мака снотворного с растворителем и его последующим выпариванием; способами переработки являются рафинирование, возгонка, абсорбция, экстракция, ректификация, адсорбция и др.

Механические процессы (измельчение, смешивание, дозировка), например просеивание марихуаны через сито, процеживание водного раствора опия через марлю или растворение героина водой без дополнительной обработки в виде выпаривания, рафинирования, возгонки и т.п., не являются переработкой и изготовлением наркосредств. Подобные действия должны оцениваться как незаконное приобретение [2, с. 67] частей наркорастений. Поэтому ошибкой будет ква-

лификация как изготовления наркосредства действий по получению марихуаны или маковой соломки из растений конопля или мак соответственно [3].

Ш., нарвав части дикой конопки, высушил, а затем перетер их ладонями, в результате получил марихуану. Следователь квалифицировал его действия как незаконное изготовление наркосредства. Суд первой инстанции с данной квалификацией не согласился. Генеральная прокуратура РФ принесла протест на приговор, указав на то, что высушивание и последующее механическое измельчение ладонями листьев конопки является незаконным изготовлением наркосредства. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ протест не удовлетворила. В обоснование своего решения коллегия привела следующие аргументы:

а) высушенные и невысушенные части растения конопки являются одним и тем же наркосредством – марихуаной;

б) растение конопки высохло естественным путем;

в) наркосредство обрабатывалось механическим способом;

г) в результате действий Ш. концентрация наркосредства не повысилась;

д) целью действий Ш. являлось удобство курения марихуаны.

Получение психоактивных веществ из конопки, мака и других растений является незаконным изготовлением или переработкой наркосредств только в том случае, если в результате действий виновного лица были изменены химический состав и строение исходного материала. Эксперты в заключениях отмечают, что при получении марихуаны или гашиша из частей дикорастущей конопки такие изменения не происходят.

Т. собрал верхушечные части конопки. Затем высушил, измельчил и смешал их с растительным маслом. Химической экспертизой было установлено, что Т. получил смесь наркотического средства марихуаны и масла, т.е. его действия не привели к изменению хими-

ческой структуры вещества. В связи с этим действия Т. суд квалифицировал как незаконное приобретение наркосредства. Президиум Верховного Суда РФ данное решение поддержал⁵.

Иная уголовно-правовая оценка дается получению гашишного масла путем экстракции (извлечения) психоактивного вещества из частей дикорастущей конопки. При таком способе получения наркосредства происходит изменение химической структуры вещества, соответственно, содеянное является изготовлением наркотиков. Незнание этого обстоятельства приводит к ошибкам в квалификации.

А., находясь на поле, нарвав части дикой конопки. Далее поместил их в емкость и, залив растворителем, стал его выпаривать. Результатом его действий стало получение вещества, содержащего гашишное масло (масло каннабиса). Упаковав полученное наркосредство в пакет, А. положил его в карман и незаконно хранил до задержания сотрудниками полиции. Следователь квалифицировал его действия как незаконное приобретение и хранение наркосредства. Суд признал квалификацию по признаку «приобретение» наркосредства ошибочной. Получение А. гашишного масла следовало квалифицировать как незаконное изготовление наркосредства.

Квалификация несколько изменяется, если виновный изготовил наркосредство гашишное масло только из части заранее приобретенных им частей дикой конопки, а оставшуюся часть продолжил незаконно хранить в виде марихуаны. В таких случаях в действиях лица содержатся как признак незаконного приобретения наркосредства марихуаны, так и признак незаконного изготовления другого наркосредства – гашишного масла. При этом совокупность преступлений отсутствует, содеянное оценивается как одно преступление, предусмотренное ст. 228 УК РФ.

Свидетельством может служить пример из правоприменительной практики. Ф. собрал верхушечные части дикорастущей конопки,

5 Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.06.2012.

т.е. незаконно приобрел марихуану. После этого изготовил из нее гашишное масло. Агинский районный суд Хабаровского края квалифицировал его действия как совокупность преступлений – незаконные приобретение и хранение марихуаны без цели сбыта (ч. 2 ст. 228 УК РФ) и незаконные изготовление и хранение гашишного масла без цели сбыта (ч. 2 ст. 228 УК РФ). Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что содеянное является одним преступлением, полностью охватывается ч. 2 ст. 228 УК РФ, так как действия, направленные на изготовление наркосредства гашишное масло, Ф. совершил из ранее приобретенной им марихуаны. То есть получение марихуаны путем сбора верхушечных частей дикорастущей конопли надлежит оценивать как незаконное приобретение наркосредства, а извлечение из нее в дальнейшем гашишного масла квалифицировать по признаку незаконное изготовление наркотика⁶.

Таким образом, получение наркотических средств химическим способом, например путем экстракции (извлечения) из наркосодержащего растения конопли или ее частей, следует квалифицировать как незаконное изготовление наркосредства, механическим способом, например путем перетирания ладонями или высушивания частей таких растений – как незаконное приобретение наркосредства.

Установление способа изготовления и переработки наркосредств является обязательным, должно основываться на заключении эксперта. Отсутствие в материалах дела описания способа изготовления и переработки наркосредств является основанием для прекращения уголовного дела в суде.

Верховный Суд РФ, прекращая уголовное дело в отношении Л., осужденного за незаконную переработку наркосредства, указал, что органом следствия, экспертом и судом не установлен способ переработки виновным опия⁷.

3. Следующим признаком является преступный результат незаконных действий

виновного. Таковым при незаконном изготовлении наркосредств является создание готового к потреблению психоактивного вещества, отличающегося химической структурой от исходного материала.

Преступный результат переработки наркосредства состоит в получении наркотического средства или психотропного вещества с улучшенными по отношению к исходному веществу химическими и (или) психоактивными свойствами, т.е. являющегося более очищенным, концентрированным или более сильным (активным) по действию на организм.

Следуя разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ: в результате переработки изменяется химическая структура вещества (исходного материала. – уточ. Д.Т.). Переработка направлена на улучшение химических и (или) психоактивных свойств наркосредства.

5. Изготовление и переработка наркосредств, применительно к ст. 228 УК РФ, не имеют серийного характера. Если такие действия становятся серийными, содеянное оценивается по ст. 228.1 УК РФ как незаконное производство наркосредств.

Проведенный анализ нормативных правовых актов, научной литературы и судебной практики позволяет предложить вариант доктринального толкования уголовного закона (ст. 228 УК РФ):

– под незаконным изготовлением наркосредств следует понимать умышленные противоправные действия, в результате которых из наркосодержащих растений или их частей, содержащих психоактивные вещества, получают наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, либо веществам, не являющимся наркосредствами, придаются свойства хотя бы одного из наркотических средств, психотропных веществ или их аналога;

– под незаконной переработкой наркотических средств или психотропных веществ – умышленные противоправные действия по улучшению психоактивных и (или) химических свойств наркотических средств или психотропных веществ.

6 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.09.2013 N 72-Д13-5.

7 Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. N 2.

Библиографический список

1. Воронин, М.Ю. Проблемы законодательного регулирования борьбы с незаконным оборотом наркотиков : учебно-методическое пособие / М.Ю. Воронин, Г.Н. Драган, Е.В. Жданова. – М., 2006.
2. Любавина, М.А. Квалификация преступлений, предусмотренных ст. ст. 228 и 228.1 УК РФ : учебное пособие / М.А. Любавина. – СПб., 2016.
3. Трухин, С.А. Разграничение понятий наркосодержащего растения и наркотического средства и уголовно-процессуальные последствия возникающих коллизий / С.А. Трухин // Уголовное право. – 2012. – N 4.
4. Федик, Е.Н. Проблемы квалификации преступлений против здоровья населения (ст. 228, 228-1 УК РФ) : лекция / Е.Н. Федик. – М., 2017.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 343.98

Светлана Игоревна ЗЕМЦОВА,

профессор кафедры криминалистики
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), кандидат юридических наук, доцент
79232849754@mail.ru

КОНТРОЛЬ И ЗАПИСЬ ПЕРЕГОВОРОВ В ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ И РОССИИ

CONTROL AND RECORDING OF CONVERSATIONS IN SOME COUNTRIES OF CENTRAL AMERICA AND RUSSIA

В статье осуществлен сравнительно-правовой анализ регламентации организации и производства следственного действия «контроль и запись переговоров» в отечественном законодательстве и законодательстве республик Никарагуа и Гватемалы. Исследованы наиболее «злободневные» исследованы вопросы: соотношения с оперативно-розыскным мероприятием «прослушивание телефонных переговоров», необходимости объединения контроля и записи телефонных и иных переговоров и получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, а также получения сведений, передаваемых по «электронной почте», в одно следственное действие, в рамках которого возможно получение любых сведений о переговорах, ведущихся с использованием средств связи – как о содержании, так и о биллинговых параметрах.

Based on the analysis of domestic legislation and legislation of the Republics of Nicaragua and Guatemala, a comparative legal analysis of the regulation of the organization and conducting the investigative action «control and recording of conversations» is carried out in the article. The most topical issues are considered by the author such as correlation of the mentioned above investigative action and the operational-search measure «wiretapping» as well as the necessity to combine control and recording of telephone and other conversations and obtain information about connections between subscribers and (or) subscriber devices, as well as to receive information transmitted by e-mail, into one investigative action within which it is possible to obtain any information about conversations conducted using electronic means of communication, concerning both their content and their billing parameters.

Ключевые слова: контроль и запись переговоров, прослушивание телефонных переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, следственные действия, УПК Республики Никарагуа, законодательство Республики Гватемала.

Keywords: control and recording of conversations, wiretapping of telephone conversations, obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices, investigative actions, Criminal Procedural Code of the Republic of Nicaragua, legislation of the Republic of Guatemala.

Анализ преступности в Российской Федерации за последние годы свидетельствует о тенденции увеличения количества деяний, совершенных с использованием IT-технологий. Министр внутренних дел Российской Федерации Владимир Колокольцев на расширенном заседании Коллегии МВД России отметил, что «их доля достигла 25 процентов. Динамика ежегодного прироста фиксируется последние несколько лет. Данные изменения являются отражением глобальных тенденций. Своеобразным катализатором здесь стала пандемия, которая повлекла масштабный уход в онлайн многих сфер жизнедеятельности общества. В этой связи требуется скоординированная работа правоохранительных органов и соответствующих регуляторов»¹.

К одному из таких регуляторов, полагаем, возможно отнести повышение эффективности производства следственных действий, в том числе производства контроля и записи переговоров.

С момента включения контроля записи переговоров в систему следственных действий истекло более двух десятилетий. За этот период в теории криминалистики и уголовного процесса исследованы исторические предпосылки возникновения и его логико-гносеологическая сущность [2, с. 83-88; 9, с. 57-67], место в системе следственных действий [11, с. 115-127], процессуальные особенности организации и производства [3, с. 105-110], тактические приемы и значение при расследовании отдельных видов преступлений [1, с. 141-143; 6].

Вместе с тем до настоящего времени отсутствует консолидированная позиция среди ученых и практиков по вопросам:

1) соотношения контроля и записи переговоров с оперативно-розыскным мероприя-

тием «прослушивание телефонных переговоров»;

2) целесообразности объединения контроля и записи переговоров с двумя следственными действиями: а) получением информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; б) наложением ареста на почтово-телеграфные отправления, с целью формирования единого следственного действия;

3) исключения контроля и записи переговоров из уголовно-процессуального законодательства.

Кроме того, за границами исследования остаются и вопросы сравнительно-правового анализа производства данного следственного действия со странами как ближнего, так и дальнего зарубежья. Особый интерес представляют последние в связи с иной правовой системой. С целью устранения указанного «пробела» нами была проанализирована правоприменительная практика и законодательство Республики Никарагуа и Республики Гватемала².

Однако прежде чем представить результаты исследования указанных вопросов, логичным представляется отметить следующее:

– следственное действие «контроль и запись переговоров» производится в случае наличия достаточных данных полагать, что телефонные и иные переговоры подозреваемого, обвиняемого и других лиц могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела;

– производство данного следственного действия возможно на основании судебного решения, принимаемого в установленном законом порядке (ст. 165 УПК РФ), за исключением случаев, когда в адрес участников уголовного судопроизводства и их близких высказываются угрозы (ст. 186 УПК РФ).

1 Расширенное заседание Коллегии МВД России 3 марта 2021 года // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/65090> (дата обращения: 17.06.2021).

2 Выбор для сравнения законодательства отдельных государств Центральной Америки Республики Никарагуа и Гватемала обусловлен отсутствием в теории криминалистики сравнительно-правовых исследований по вопросам организации контроля и записи переговоров в рамках данного направления, а также командировкой автора для обучения сотрудников компетентных органов Центральной Америки и Карибского бассейна по программе «Современные формы и методы противодействия актуальным видам преступлений» в Учебном центре (филиале) СибЮИ МВД России (г. Манагуа, Республика Никарагуа) в период с 6 августа по 9 октября 2021 г.

Потребность в производстве данного следственного действия может возникнуть при расследовании практически любой категории преступлений (совершенных против жизни и здоровья, собственности, общественной безопасности и общественного порядка; в сфере экономической деятельности и т.д.). При этом деяния должны относиться к средней тяжести, тяжким и особо тяжким. Иные ограничения отечественным законодательством не устанавливаются (в том числе от вида преступления).

В отдельных государствах Центральной Америки существует несколько иной порядок. Так, согласно ст. 213 УПК Республики

Никарагуа от 13 ноября 2007 г. «прослушивание телефонных переговоров»³ (именно так дословно переводится название этого действия) производится только при расследовании терроризма, похищения человека с целью вымогательства, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, и некоторых других видов преступлений (исчерпывающий перечень представлен в таблице)⁴. Кроме того, имеются особенности и в организации производства, обусловленные ролью Генерального прокурора Республики или Генерального директора Национальной полиции.

Art. 213. Intervenciones telefónicas	Статья 213. Прослушивание телефонных переговоров
<p>Procederá la interceptación de comunicaciones telefónicas o de otras formas de telecomunicaciones, cuando se trate de:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Terrorismo 2. Secuestro extorsivo 3. Tráfico de órganos y de personas con propósitos sexuales 4. Delitos relacionados con estupefacientes, psicotrópicos y otras sustancias controladas 5. Legitimación de capitales o lavado de dinero y activos, y, 6. Tráfico internacional de armas, explosivos y vehículos robados 	<p>Перехват сообщений по телефону или по любыми другим видам телекоммуникаций производится по делам о:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Терроризме; 2. Похищении с целью вымогательства; 3. Торговле органами и людьми в сексуальных целях; 4. Преступлениях, связанных с наркотическими средствами; психотропными и другими контролируруемыми веществами; 5. Легализации капиталов и отмывании денежных средств и активов; 6. Международном обороте оружия, взрывчатых веществ и похищенных транспортных средств
<p>La interceptación de telecomunicaciones sólo procede a solicitud expresa y fundada del Fiscal General de la República o del Director General de la Policía Nacional. Quienes deben hacer constar que han valorado los antecedentes y que a la intervención se justifica en su criterio, e indicarán también la duración por la que solicita la medida, así como las personas que tendrán acceso a las comunicaciones</p>	<p>Перехват телекоммуникаций производится только при наличии мотивированного ходатайства Генерального прокурора Республики или Генерального директора Национальной полиции, которые обязаны подтвердить, что предшествующая информация была ими оценена и прослушивание обосновано, а также указать срок, на который принимается данная мера, и лиц, которые будут иметь доступ к сообщениям</p>

³ В законодательстве республик Никарагуа и Гватемалы оперативные розыскные мероприятия не дублируют следственные действия. Поэтому отнесение их к следственным действиям или ОРМ условно.

⁴ Искреннюю признательность автор выражает переводчику Учебного центра (филиала) СибЮИ МВД России (г. Манагуа, Республика Никарагуа) Римме Гуссман, оказавшей содействие в переводе (с испанского) отдельных нормативно-правовых актов.

Отличается и срок производства данного следственного действия. Отечественное законодательство предусматривает только перспективный порядок, который не может превышать 6 месяцев (ст. 186 УПК РФ). Согласно ст. 213 УПК Республики Никарагуа «Судья определяет продолжительность данной меры в мотивированном постановлении и указывает дату прекращения прослуши-

вания, которое не может длиться более 30 дней. Продление данного срока допустимо только однажды и на тот же период».

Кроме того, в УПК Республики Никарагуа, в отличие от отечественного законодательства, указано требование сохранять в тайне содержимое фонограмм, а также обозначена ответственность должностных лиц.

Art. 213. Intervenciones telefónicas	Статья 213. Прослушивание телефонных переговоров
Salvo a su uso para los fines del proceso, todas las personas que tengan acceso a las conversaciones deberán guardar absoluta reserva de su contenido. Los funcionarios públicos que violaren esta disposición podrán ser destituidos en sus cargos, sin perjuicio de las responsabilidades civiles y penales que correspondan	За исключением использования записей переговоров в судебном процессе все лица, имеющие к ним доступ, должны сохранять в тайне их содержание. Должностные лица, нарушившие данное положение, могут быть отстранены от своих должностей, не исключая при этом их гражданской и уголовной ответственности, предусмотренной за данное нарушение

В законодательстве Республики Гватемала детальная регламентация производства следственного действия именуемого «перехват сообщений» содержится в законе 2006 г. N 21 «Противодействие организованной преступности» (ст. 48-71). В частности, отмечается, что оно производится с целью выявления, пресечения и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, легализации (отмывания) денежных средств и других активов, терроризма и финансирования терроризма, хищений, растрат, мошенничеств, убийств, похищений людей, торговли людьми, изготовления поддельной валюты, сбыта угнанных автомобилей, контрабанды, создания незаконных вооруженных формирований, воспрепятствования правосудию (ст. 2-11 указанного закона). Могут быть перехвачены сообщения, передающиеся с помощью телефонных, радиотелефонных, компьютерных и аналогичных средств связи, использующих электромагнитный спектр. При этом отдельно оговаривается, что эта мера может распространяться и на средства связи, которые могут появиться в будущем (ст. 48).

«Перехват сообщений» производится на основании судебного решения, порядок по-

лучения которого существенно отличается от принятого в Республике Никарагуа. В частности, если полиции становится известно о подготовке или совершении преступлений в организованных формах, она должна немедленно обратиться в прокуратуру, предоставив всю необходимую информацию (ст. 49). Прокуратура на основании материалов, представленных полицией, направляет судье сведения о событии преступления, телефонные номера, частоты, электронные адреса и любую другую необходимую информацию; данные о проведенных до этого времени мероприятиях; обоснование применения данной меры («перехват сообщений»); персональные данные (если имеется возможность) и иные данные, позволяющие идентифицировать личность человека, в отношении которого данная мера будет реализована (ст. 50).

При этом следует обратить внимание, что максимальный срок производства данного следственного действия – 30 дней. Данный срок может быть продлен за два дня до истечения предыдущего срока. В случае если в продлении было отказано, прокурор должен прекратить прослушивание (ст. 66).

Судья устанавливает для прокурора тре-

бование каждые пятнадцать дней сообщать о результатах деятельности по перехвату сообщений, чтобы убедиться в целесообразности данной меры (ст. 59).

Наличие в отечественном законодательстве более длительного срока для проведения данного следственного действия, более упрощенный порядок (по сравнению с указанными странами Центральной Америки), безусловно, следует рассматривать в качестве положительного аспекта.

Вместе с тем, к сожалению, эти обстоятельства не влияют на востребованность этого следственного действия в правоприменительной практике, которая остается крайне низкой – производится оно в единичных случаях, в преобладающем количестве случаев подменяется оперативно-розыскным мероприятием «прослушивание телефонных переговоров».

В отдельных случаях это действительно обусловлено необходимостью документирования преступных действий до возбуждения уголовного дела, установления участников преступного деяния, роли каждого из них, способа совершения преступления и сокрытия преступления.

Так, при документировании деятельности преступной группы, состоящей в основном из лиц цыганской народности, занимающейся незаконным сбытом наркотических средств – героина и гашиша – в крупном и особо крупном размерах, было установлено, что руководителями являются мужчины, представляющиеся как «Ботман», «Гриша», «Дима» и «Вася». Были определены абонентские номера операторов сотовой связи, которыми пользовались указанные лица. С целью проверки имеющейся информации на основании постановлений Свердловского областного суда было проведено оперативно-розыскное мероприятие «прослушивание телефонных переговоров» по указанным абонентским номерам.

В ходе анализа разговоров, ведущихся «Ботманом», «Гришей», «Димой» и «Васей», было выяснено, что все звонки делались из одного места – пос. Сосьва Серовского района Свердловской области. Из содержания

телефонных переговоров стало ясно, что эти лица отбывают наказание в исправительном учреждении – ФКУ ИК № 15 ГУФСИН России по Свердловской области. Были установлены их личности, ими оказались Р., Ф. и Б. В процессе прослушивания телефонных переговоров выяснилось, что указанные граждане сформировали преступное сообщество, состоящее из пяти структурных подразделений, в состав которого в разное время входило не менее 24 лиц, и осуществляли:

- разработку общих планов деятельности преступного сообщества;

- подбор и вербовку новых членов преступного сообщества, способных и готовых на протяжении длительного времени осуществлять контрабанду и последующий незаконный сбыт наркотических средств непосредственным потребителям, в том числе мелкооптовым сбытчикам, а также легализацию (отмывание) денежных средств, полученных преступным путем;

- управленческие функции, связанные с руководством и распределением функций между структурными подразделениями преступного сообщества и ролей между отдельными членами структурных подразделений преступного сообщества;

- планирование и подготовку совершения особо тяжких преступлений, связанных с контрабандой, незаконным сбытом наркотиков, легализацией (отмыванием) денежных средств;

- координацию согласованных действий подразделений преступного сообщества и их участников при совершении отдельных преступлений;

- организацию канала поставок крупных партий наркотического средства – героина – контрабандным путем с территории Республики Казахстан, а также подыскание других каналов поставок наркотиков на территории Свердловской, Челябинской и Курганской областей;

- организацию на территории Свердловской, Челябинской и Курганской областей разветвленной сети незаконного сбыта наркотиков в общих интересах участников преступного сообщества;

- формирование и регулирование цен на сбываемые наркотики;
- разработку способов совершения преступлений;
- разработку мер безопасности, конспирации в отношении участников преступного сообщества путем инструктажа с требованием неукоснительного их соблюдения;
- контроль передачи наркотических средств от поставщиков непосредственным сбытчикам с использованием при этом системы тайников и заранее арендованных для этих целей мест незаконного хранения;
- приискание приобретателей наркотиков, в том числе мелкооптовых сбытчиков⁵.

В других случаях имеются факты, связанные с подменой следственного действия. Обусловлено это меньшей трудоэнергозатратностью при подготовке и производстве оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров». Так, для того чтобы следователю представить в суд ходатайство о производстве контроля и записи переговоров, он выполняет целый ряд операций, предусмотренных ст. 165 УПК РФ, а также сложившейся практикой: согласование постановления с руководителем следственного органа; копирование и заверение материалов уголовного дела, обосновывающих необходимость и законность проведения следственного действия; составление описи представляемых материалов, их нумерование и прошивание. После непосредственной передачи ходатайства и приложенных материалов в суд последний должен единолично изучить их и вынести соответствующее постановление не позднее 24 часов [7, с. 189-191]. «С учетом того, что указанные материалы рассматриваются в районных судах дежурными судьями, которые стабильно перегружены текущей работой, решение по ходатайству нередко выносится

в последние часы установленных сроков» [4, с. 163]. После получения судебного разрешения следователь обращается для проведения следственного действия в оперативное подразделение, осуществляющее сопровождение уголовного дела.

Процедура производства оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» и получение в суде разрешения на его производства более простая, при этом осуществляется, как правило, более оперативно. «Судья обязан рассматривать ходатайство органа, осуществляющего ОРД, о проведении ПТП единолично и незамедлительно. В случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, а также при наличии данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу национальной безопасности России, допускается его проведение без судебного решения с последующим его получением (ч. 3 ст. 8 ФЗ «Об ОРД»)» [4, с. 164].

Помимо постановления о проведении прослушивания телефонных переговоров сотрудники оперативных подразделений, как правило, предоставляют в суд лишь обзорную справку, где кратко изложены основания для проведения ОРМ, и дело оперативного учета, в рамках которого планируется осуществление мероприятия. Каких-либо копий из вышеуказанного дела в суд для приобщения к судебному делу производству оперуполномоченные не представляют.

Таким образом, значительно более упрощенный порядок производства оперативно-розыскного мероприятия, как справедливо отмечает доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники в ОВД Восточно-Сибирского института МВД России Е.В. Кузнецов, «является основным фактором, побуждающим следо-

5 Уголовное дело N.140903075 по обвинению 18 лиц, входящих в состав преступного сообщества, в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210, п.п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 1 ст. 30, п.п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, п.п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, п.п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, п.п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, п.п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, п.п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, п.п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, п.п. «а, б» ч. 4 ст. 229.1, ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, п.п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, п.п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, п.п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, п.п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, п.п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, п.п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, п. «а» ч. 4 ст. 174.1, п. «а» ч. 4 ст. 174.1, п. «а» ч. 4 ст. 174.1, п. «а» ч. 4 ст. 174.1, п. «а» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ. Уголовное дело с обвинительным заключением направлено прокурору Свердловской области 27.07.2016.

вателей отказаться от проведения следственного действия, «делегировав» право собирать аудиальную информацию, передаваемую по техническим каналам связи, оперативным сотрудникам» [4, с. 164].

Результаты интервьюирования 73 сотрудников подразделений следствия из разных регионов страны, обучавшихся в СибЮИ МВД России (г. Красноярск) на факультете переподготовки и повышения квалификации, свидетельствуют, что 97% опрошенных при необходимости осуществления контроля и записи переговоров обращались к сотрудникам оперативных подразделений с предложением организовать проведение оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров».

Учитывая эти и другие обстоятельства, в криминалистической и уголовно-процессуальной литературе все чаще звучат предложения об исключении контроля и записи переговоров из системы следственных действий. Так, доктор юридических наук, профессор кафедры математики, информатики и информационных технологий Нижегородской академии МВД России В.И. Шаров считает, что «при имеющихся в УПК РФ механизмах можно считать наличие статьи 186 избыточной и вообще убрать ее из УПК РФ. Надо лишь записать процедуру предоставления результатов ОРД в УПК РФ и явно указать, в первую очередь в статье 89, что материалы ОРД могут выступать в качестве доказательств» [10, с. 181].

Профессор кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России В.Ю. Стельмах, внесший значительный вклад в разработку теоретических основ данного следственного действия [7; 8] не столь категоричен. В одной из новых работ им справедливо, на наш взгляд, отмечается: «Вряд ли целесообразно в принципе отменять специальное следственное действие, направленное на получение сведений, передаваемых по техническим каналам связи, и применять для этого выемки. Во-первых, тре-

бования о хранении информации, передаваемой с помощью средств связи, уникальны и не имеют аналогов среди иных объектов. Законодательство Российской Федерации обычно устанавливает необходимость хранения только документов, но не информации. Во-вторых, тайна переписки прямо закреплена Конституцией Российской Федерации, что выделяет соответствующие сведения среди прочих. В-третьих, получение информации о содержании переговоров посредством выемки небылупречно с юридической точки зрения. Выемка подразумевает изъятие объекта, имеющего внешнюю овеществленную форму на момент назначения следственного действия. Информация о содержании переговоров такой формой не обладает, она хранится в базах данных и систематизируется оператором связи после поступления соответствующих процессуальных документов из правоприменительного органа» [5, с. 153].

Истина, как всегда где-то посередине.

Полагаем, следует разделить точку зрения В.Ю. Стельмаха и осуществить объединение контроля и записи телефонных и иных переговоров и получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, а также получения сведений, передаваемых по «электронной почте», в одно следственное действие (его можно назвать «контроль средств связи»), в рамках которого возможно получение любых сведений о переговорах, ведущихся с использованием средств связи: как о содержании, так и о биллинговых параметрах [5, с. 153]. Об этом же свидетельствуют и результаты анализа законодательства отдельных стран Центральной Америки, где отсутствуют аналогичные имеющиеся в отечественном законодательстве следственные действия, а вся необходимая информация документируется в рамках производства «прослушивания телефонных переговоров» и «перехвата сообщений» (ст. 213 и 214 УПК Республики Никарагуа и ст. 48-71 Закона N21 «Противодействие организованной преступности» Республики Гватемала).

Библиографический список

1. Алиев, К.М. Особенности контроля и записи телефонных и иных переговоров при производстве предварительного расследования / К.М. Алиев // Закон и право. – 2021. – N 6. – С. 141-143.
2. Захарцев, С.И. Об истории уголовно-процессуального оформления в России следственного действия «контроль и запись переговоров» / С.И. Захарцев // Правовое поле современной экономики. – 2015. – N 10. – С. 83-88.
3. Кокорева, Л.В. Процессуальные особенности контроля и записи телефонных и иных переговоров как меры безопасности участников уголовного судопроизводства / Л.В. Кокорева, А.М. Кустов // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – N 4 (44). – С. 105-110.
4. Кузнецов, Е.В. Совершенствование правового регулирования и практики применения оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» и следственного действия «контроль и запись переговоров» / Е.В. Кузнецов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – N 3 (90). – С. 157-169.
5. Стельмах, В.Ю. Необходимость изменения конструкции следственных действий, направленных на получение сведений, передаваемых по средствам связи / В.Ю. Стельмах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – N 1 (89). – С. 146-155.
6. Стельмах, В.Ю. Производство следственных действий, направленных на получение и использование компьютерной информации : монография / В.Ю. Стельмах, П.М. Ефремова, В.Ф. Васюков. – М.: Проспект, 2021. – 480 С.
7. Стельмах, В.Ю. Следственные действия, направленные на получение сведений, передаваемых по средствам связи : монография / В.Ю. Стельмах. – Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2015. – С. 189-191.
8. Стельмах, В.Ю. Тактико-специальные следственные действия : монография / В.Ю. Стельмах. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 472 с.
9. Тарханов, А.А. Проблемы становления и развития российского законодательства, регулирующего контроль и запись переговоров / А.А. Тарханов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2014. – N 2 (69). – С. 57-67.
10. Шаров, В.И. Контроль и запись переговоров как следственное действие и оперативно-розыскное мероприятие / В.И. Шаров // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – N 3 (47) – С. 177-182.
11. Шейфер С.А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? / С.А. Шейфер // Lex Russica. – 2015. – N10. – С. 115-127.

УДК 343.2/7

Аделя Фаридовна МУКСИНОВА,
преподаватель кафедры уголовного права
Казанского юридического института МВД России
delish_ne@mail.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ В РОССИЙСКОМ, МЕЖДУНАРОДНОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

LEGAL REGULATION OF CRYPTO CURRENCY IN INTERNATIONAL LAW, RUSSIAN AND FOREIGN LEGISLATION

В статье на основе анализа российских нормативных актов, международных рекомендаций ФАТФ, норм и судебной практики зарубежного законодательства, а также специальной литературы рассмотрены позиции о правовом статусе цифровой валюты. Автор предлагает рассматривать цифровую валюту в качестве имущества, а также предлагает конкретные изменения норм уголовного законодательства России.

Some aspects of the legal status of crypto currency are considered in the article based on the analysis of the Russian regulations, the FATF recommendations, regulations and judicial practice of foreign legislation, as well as special literature on the topic under consideration. The author suggests considering crypto currency as property, and also suggests specific changes to the regulations of criminal legislation of Russia.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, биткоин, имущество, правовое регулирование, предмет преступления.

Keywords: digital currency, crypto currency, bitcoin, property, legal regulation, subject of crime.

В последнее десятилетие во всем мире участились случаи использования цифровой валюты (криптовалюты)¹ для совершения преступлений. По данным правоохранительных органов, уже в 2017 г. факты использования цифровой валюты только при незаконном обороте наркотиков были зарегистрированы абсолютно во всех субъектах Российской Федерации.

О цифровой валюте в России официально заговорили в начале 2014 г. В январе 2014 г. Центральный Банк России проинформировал, что по цифровым валютам отсутствуют обеспечение и юридически обязанные по ним субъекты, поэтому любые операции с такими валютами носят спекулятивный характер, а сами цифровые валюты являются денежным суррогатом².

1 В данной статье понятия «цифровая валюта» и «криптовалюта» используются как синонимы. Это связано с тем, что до 31 июля 2020 г. в нормативных актах Российской Федерации использовался термин «криптовалюта», однако с принятием Федерального закона N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» законодательно закреплён термин «Цифровая валюта».

2 Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, биткойн : информация Центрального банка Российской Федерации от 27.01.2014. URL: https://www.cbr.ru/press/PR/?file=27012014_1825052.htm (дата обращения: 20.04.2021).

Об использовании криптовалют : информационное сообщение Федеральной службы по финансовому мониторингу : опубликовано 06.02.2014. URL: <http://www.fedsfm.ru/news/957> (дата обращения: 20.04.2021).

В феврале 2014 г. Росфинмониторинг опубликовал сообщение «Об использовании криптовалют», в котором проинформировал, что использование цифровых валют при совершении сделок является основанием для рассмотрения вопроса об отнесении таких сделок (операций) к сделкам (операциям), направленным на легализацию (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем, и финансирование терроризма. В информационном сообщении подчеркивалось, что: а) процесс выпуска и обращения криптовалют децентрализован, б) у государства отсутствует возможность его регулирования, в) использование криптовалют обеспечивает анонимность пользователей, г) криптовалюта не требует ведения специальной отчетной документации, д) имеется возможность бесконтрольного трансграничного перевода криптовалют и их дальнейшего обналичивания.

Анализ первых принятых в России нормативных актов по вопросам использования цифровых валют показывает, что государственные ведомства в своих документах не определили их фактическую и юридическую природу. Руководитель рабочей группы Госдумы РФ по оценкам риска оборота криптовалют Э.Л. Сидоренко считает, что «как только в нашем законодательстве появится понимание, что из себя представляет криптовалюта, мы сможем говорить о ее незаконном обороте. Пока что любые разговоры об этом с точки зрения права являются юридической фикцией»³. Для того «чтобы закрепить оборот криптовалюты как потенциально криминогенного инструмента, необходимо обозначить зону его легитимности. А определить зону запрета можно только обозначив зону его свободы. Применительно к криптовалюте это означает, что ее правовая идентификация должна осуществляться через закрепление правомерных параметров оборота, а криминологические риски должны быть отражены в запрете на нарушение условий правомерности» [3, с. 152].

Для того чтобы начать говорить о правовом статусе цифровых валют, необходимо разобраться с механизмом ее создания и дальнейшего использования, а также с механизмом получения прибыли и доходов.

Цифровая валюта – децентрализованный цифровой финансовый актив, подвид нефинансовых (частных) электронных денег, создаваемый на основе технологии распределенных реестров, сопряженной со значительными вычислительными затратами. Цифровая валюта создана в 2009 г. человеком или группой людей, скрывающихся под псевдонимом Сатоши Накамото⁴.

Цифровая валюта, а именно самая известная из них – биткоин, создается посредством технологии, называемой «майнинг» (от англ. Mining – добыча полезных ископаемых). «Добыча» биткоинов заключается в решении задачи, которая осуществляется при помощи мощных серверов и персональных компьютеров методом последовательного перебора данных. Лица, осуществляющие «добычу» биткоинов («майнеры»), соперничают между собой, как бы решая сложные математические головоломки [1, с. 12-13]. Иными словами, майнинг – это производство цифровых валют за счет мощностей оборудования (персонального компьютера или специализированных майнинг-ферм) и поддержка работы сетей, а эмиссия новых биткоинов – это своего рода вознаграждение тому, кто сгенерировал очередной блок в блокчейне, за каждый из которых начисляется вознаграждение.

Для определения правового статуса криптовалют обратимся для начала к международному опыту, а также опыту отдельных зарубежных стран.

В июне 2014 г. Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) опубликовала отчет «Виртуальные валюты – ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ (противодействие отмыванию денег и финансирования терроризма)»⁵, в котором официально

3 Журнал ForkLog. URL: <https://forklog.com/elina-sidorenko-zakon-o-regulirovanii-kriptovalyut-v-rf-mozhet-smyagchit-pozitsiyu-tsentrobanka/> (дата обращения: 20.04.2021).

4 Википедия: свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 20.04.2021).

5 Virtual Currencies: Key Definitions and Potential AML/CFT Risks. URL: <http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Virtual-currency-key-definitions-and-potential-aml-cft-risks.pdf> (дата обращения: 20.04.2021).

признала существование виртуальных валют в мировой финансовой сфере. В отчете подчеркивается, что виртуальные валюты представляют риски отмывания денег, финансирования терроризма, а также иных преступлений, которые мировому сообществу необходимо выявлять и снижать. Также в отчете сформирован глоссарий, в котором закреплены основные понятия, связанные с виртуальными валютами. Под виртуальной валютой эксперты ФАТФ понимают средство выражения стоимости, которым можно торговать в цифровой форме и которое функционирует в качестве средства обмена, расчетной денежной единицы либо средства хранения стоимости, но при этом ни в одной юрисдикции не обладает статусом законного платежного средства, статусом фиатной (национальной) валюты. Виртуальная валюта эмитируется и обеспечивается лишь в рамках сообщества пользователей данной валюты.

Виртуальная валюта отличается от электронных денег, которые являются цифровым средством выражения национальной валюты и законным средством платежа, используемым, как правило, для электронных переводов.

В отчете ФАТФ приводится классификация виртуальных валют. Виртуальная валюта подразделяется по двум основаниям на конвертируемую и неконвертируемую, а также на централизованную и децентрализованную. Конвертируемая валюта имеет эквивалентную стоимость в национальной валюте и может быть обменена на нее. К конвертируемым валютам ФАТФ относит, например, биткойн (Bitcoin), эфириум (Ethereum), лайткойн (Litecoin). Неконвертируемая виртуальная валюта не имеет стоимости в национальной валюте и существует, как правило, только на определенных интернет-площадках (VKontakte.ru, Amazon.com), в онлайн-играх (Minecraft, FIFA, World of Warcraft). В соответствии со следующим основанием виртуальные валюты делятся на централизованные и децентрализованные. Централизованная виртуальная валюта создается, распределя-

ется и контролируется одним администратором. Децентрализованная виртуальная валюта (криптовалюта) – это валюта, у которой нет единственного источника администрирования, отсутствует контроль, а ее выпуск осуществляется за счет функционирования математических принципов. Контроль правильности операций распределяется среди участников сети, которые с помощью системы «proof-of-work system» («доказательства выполнения работы») проверяют и подтверждают правильность операций.

Таким образом, в отчете ФАТФ 2014 г. эксперты определяют криптовалюту как вид виртуальной валюты, как часть и целое, а не как синонимы. При этом эксперты опять же не дают четкого ответа на вопрос, что же такое криптовалюта по своей сути. Они альтернативно определяют ее как: 1) средство обмена, 2) расчетную денежную единицу, 3) средство хранения стоимости.

В октябре 2018 г. были внесены изменения в Рекомендации ФАТФ. Рекомендация 15 «Новые технологии» была дополнена абзацем следующего содержания: «Для управления и минимизации рисков, возникающих из виртуальных активов, страны должны обеспечить, что провайдеры услуг в сфере виртуальных активов регулируются в целях ПОД/ФТ и лицензируются или регистрируются, а также подлежат эффективным системам мониторинга и обеспечения соблюдения соответствующих мер, к которым призывают Рекомендации ФАТФ»⁶.

Обращает на себя внимание, что ФАТФ в поправках 2018 г. использует термин «виртуальные активы» (Virtual assets), при этом ни разу не употребляет термин «виртуальные валюты» (Virtual Currencies), как было в 2014 г. Попробуем разобраться. В поправках 2018 г. предлагается дополнить глоссарий Рекомендаций двумя определениями: «виртуальные активы» и «провайдеры услуг в сфере виртуальных активов». Термин «виртуальный актив» используется для обозначения цифрового выражения ценности, которая может цифровым образом обращаться или перево-

⁶ Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу Российской Федерации. URL: <http://www.fedsfm.ru/documents/international-fatf> (дата обращения: 20.04.2021).

даться и может быть использована в целях платежа или инвестиций, включая цифровое выражение ценности, которое выполняет функции средства обмена, единицы счета и/или хранилища ценности. Напомним, что ранее виртуальная валюта определялась как средство выражения стоимости, которое функционирует в качестве средства обмена, расчетной денежной единицы либо средства хранения стоимости. Таким образом, в 2014 г. цифровая валюта понималась как денежное средство, а уже в 2018 г. – как «цифровое выражение ценности», то есть как имущество. При этом в обоих определениях имеется общая формулировка о том, что цифровая валюта выполняет функции средства обмена, единицы счета, хранилища ценности. Кроме того, ФАТФ особо подчеркивает, что цифровые валюты отличаются от национальных, которые являются законными денежными средствами государств.

Далее рассмотрим позиции зарубежных стран о правовом статусе цифровых валют. Позиции зарубежных государств в отношении цифровых валют исследователи подразделяют на три группы: «1) страны, регулирующие цифровую валюту (США, Япония, Великобритания, Австралия, Сингапур, Гонконг, Канада); 2) страны, находящиеся на пути регулирования цифровых валют (Германия, Франция, Бельгия, Италия, Бразилия, Хорватия, Кипр, Дания, Израиль) 3) страны, запрещающие цифровые валюты (КНР, Таиланд, Вьетнам, Индонезия, Исландия, Венесуэла, Боливия)» [2, с. 202].

В Японии в марте 2016 г. принят ряд законопроектов, призванных помочь финансовым учреждениям расширить свою деятельность в сфере информационных технологий и признать цифровые валюты в качестве средств, аналогичных реальным деньгам, т.е. национальной валюты. В результате нововведений банкам было разрешено признать счета по цифровым валютам в качестве своих активов и использовать их в системе расчетов

при осуществлении платежей и переводов. В соответствии с новым законодательством биткоин-биржи начинают контролироваться государством (Агентством финансовых услуг Японии), а именно биржи должны зарегистрироваться в данном ведомстве, подавать ежегодные финансовые отчеты, а также проводить регулярные аудиторские проверки. Все это, по мнению японского правительства, должно предотвратить отмывание денег, а также повысить защиту пользователей виртуальной валюты⁷.

Соединенные Штаты Америки, по мнению специалистов, являются одной из наиболее удобных стран для ведения криптовалютного бизнеса. В США легально зарегистрированы и ведут свою деятельность криптовалютные фонды, биржи и другие компании, широко распространены криптовалютные банкоматы, которые позволяют обменять криптовалюту на национальную валюту и обратно, за многие товары и услуги можно расплатиться криптовалютой (цифровой валютой).

Правовое закрепление цифровой валюты в США началось с судебных решений (прецедентов), при этом следует отметить, что в разных штатах отношение к цифровой валюте разное – от признания ее в качестве законного средства платежа на уровне национальной валюты до полного непризнания. Так, 6 августа 2013 г. судья штата Техас вынес решение, в котором определил биткоин в качестве валюты, которая хотя и не обеспечена никакими реальными активами (монетами или драгоценными металлами), однако используется для покупки в Интернете и розничных магазинах, поэтому его необходимо признать валютой или формой денег и применять для его регулирования финансовое законодательство США⁸. 19 сентября 2016 г. судья штата Нью-Йорк вынес похожее решение, в котором управляющий площадкой обмена криптовалют Coin.mx Энтони Мурджио обвинялся в нарушении федерального законодательства за осуществление нелегитимной

7 Japan OKs recognizing virtual currencies as similar to real money. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2016/03/04/business/tech/japan-oks-recognizing-virtual-currencies-similar-real-money/#.Xs5edPkzaM> (дата обращения: 20.04.2021).

8 Memorandum opinion regarding the court's subject matter jurisdiction. URL: <https://ia800708.us.archive.org/31/items/gov.uscourts.txed.146063/gov.uscourts.txed.146063.23.0.pdf> (дата обращения: 20.04.2021).

ной финансовой деятельности и отмывание денег. Сторона защиты основывалась на том, что цифровая валюта не является денежным средством, в связи с чем Мурджио не должен привлекаться к уголовной ответственности. Однако в решении судьи говорится: «Словари, решения судов, законодательство – все они свидетельствуют, что биткоины – это денежные средства»⁹. Стоит отметить, что 27 июня 2017 г. Мурджио был приговорен к 66 месяцам тюремного заключения по обвинению в эксплуатации Coin.mx, через которые он осуществил незаконные операции с биткоинами на сумму более 10 миллионов долларов¹⁰.

Однако в США есть и противоположные решения. Так, судья штата Флорида в июле 2016 г. вынесла оправдательное решение в отношении Мишеля Эспинозо, которого обвиняли в отмывании денег, а именно криптовалюты. В рамках специальных мероприятий, проводимых правоохранительными органами, Эспинозо осуществил обмен криптовалюты на доллары США. В своем решении судья установила, что криптовалюта – это не денежные средства, а имущество. В связи с чем Эспинозо не совершил ничего противоправного, а лишь продал другому гражданину свое имущество¹¹.

Государственные органы власти США также не пришли к единому мнению по поводу правового статуса криптовалют. В марте 2014 г. Налоговая служба США определила криптовалюту как собственность или имуще-

ство, операции с которой, должны облагаться налогами¹². В сентябре 2015 г. Комиссия по торговле товарными фьючерсами определила криптовалюту в качестве биржевого товара¹³. А в июле 2017 г. Комиссия по ценным бумагам и биржам приравняла криптовалюту к ценным бумагам¹⁴.

Таким образом, правовое регулирование цифровой валюты и связанной с ней деятельности в США осуществляется законодательно и на федеральном уровне, и на уровне штатов, судебной практикой и нормативными актами государственных органов. Однако, несмотря на это, единообразного понимания правового и экономического статуса цифровой валюты они еще не достигли.

В Австралии цифровая валюта признается денежной валютой наравне с национальными денежными средствами и валютами иностранных государств, операции с цифровой валютой облагаются подоходным налогом, а некоторые работодатели даже выплачивают работникам зарплату цифровой валютой¹⁵. В Великобритании цифровая валюта в целом приветствуется, однако с правовой точки зрения наблюдается некоторая неурегулированность. В соответствии с Законом о платежных услугах¹⁶ цифровая валюта не признается ценностью, т.е. имуществом; по заявлению Управления финансового регулирования и надзора (Financial Conduct Authority) становится понятно, что цифровая валюта не признается и денежным средством¹⁷. Цифровой валютой в Великобритании называют

9 Judge Rules Bitcoin is Money in Coin.mx cases. URL: <https://themerikle.com/judge-rules-bitcoin-is-money-in-coin-mx-cases/> (дата обращения: 20.04.2021).

10 Официальный сайт Департамента юстиции США. URL: <https://www.justice.gov/usao-sdny/pr/operator-unlawful-bitcoin-exchange-sentenced-more-5-years-prison-leading-multimillion> (дата обращения: 20.04.2021).

11 Order granting defendant's motion to dismiss the information. URL: <https://www.documentcloud.org/documents/2998951-Read-the-Ruling.html> (дата обращения: 20.04.2021).

12 Официальный сайт Налоговой службы США. URL: <https://www.irs.gov/newsroom/irs-virtual-currency-guidance> (дата обращения: 20.04.2021).

13 Официальный сайт Комиссии по торговле товарными фьючерсами США. URL: <https://www.cftc.gov/LawRegulation/Dispositions/index.htm> (дата обращения: 20.04.2021).

14 Securities and exchange Commission. Securities exchange act of 1934. Release N 81207. URL: <https://www.sec.gov/litigation/investreport/34-81207.pdf> (дата обращения: 20.04.2021).

15 Crypto currency used in business. URL: <https://www.ato.gov.au/general/gen/tax-treatment-of-crypto-currencies-in-australia--specifically-bitcoin/?page=3> (дата обращения: 20.04.2021).

16 The Payment Services Regulations 2009. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2009/209/contents/made> (дата обращения: 20.04.2021).

17 Consumer warning about the risks of investing in crypto currency CFDs. URL: <https://www.fca.org.uk/news/news-stories/consumer-warning-about-risks-investing-cryptocurrency-cfds> (дата обращения: 20.04.2021).

уникальную комбинацию цифр, которая получена в результате сложных математических вычислений и алгоритмов, поэтому данная сфера не может регулироваться финансовым законодательством¹⁸. В европейских странах Суд Европейского Союза в 2015 г. вынес решение, в соответствии с которым биткоины и другие цифровые валюты должны рассматриваться как обычные деньги, а не как некий специфический товар¹⁹, а уже в июле 2018 г. Пятой Директивой ЕС цифровая валюта приравнена к ценным бумагам²⁰.

Интересным представляется опыт КНР – страны с наиболее быстрорастущим финансово-технологическим рынком в мире. К 2013 г. в Китае заметно возрос интерес инвесторов к цифровой валюте, стоимость биткоина выросла в 89 раз. В связи с этим Народный банк Китая наложил запрет на проведение операций с биткоином финансовыми компаниями. Кроме того, под запрет попала публикация котировок и страхование финансовых продуктов, связанных с цифровой валютой. При этом запрет не распространялся на физических лиц, которые могли свободно использовать биткоин, принимая на себя все риски [2, с. 204]. Следует отметить, что в законодательстве Китая криптовалюта определена не как валюта или денежное средство, а как виртуальный товар, т.е. собственность.

Анализ правового статуса цифровой валюты в зарубежных странах может стать основой для определения сущности и законодательного закрепления в Российской Федерации. Повторим, несмотря на то что в законодательстве отсутствовал прямой запрет использования цифровой валюты, в 2014 г. Центральный банк России указал, что дея-

тельность, связанная с обменом виртуальной валюты, будет признаваться сомнительной и потенциально противоправной. В это же время ЦБ РФ поддержала и Финансовая служба по финансовому мониторингу, заявив, что сделки с криптовалютой будут признаваться сделками, направленными на легализацию (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем, и финансирование терроризма. Кроме того, оба ведомства обратили внимание на то, что выпуск денежных суррогатов в России запрещается. Генеральная прокуратура РФ также высказала позицию, согласно которой криптовалюта была названа денежным суррогатом и не должна применяться ни гражданами, ни юридическими лицами, так как криптовалюта не обеспечена реальной стоимостью, а ее обладатели лишены возможности защищать свои интересы в судебном и административном порядке²¹. Таким образом, в 2014 г. криптовалюта практически единогласно определялась как денежный суррогат.

В октябре 2014 г. Министерство финансов России разместило на своем официальном сайте проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ID проекта: 00/03-17205/08-14/21-14-4)²². Проектом предлагалось внесение изменений в законодательство Российской Федерации в части установления «запрета на выпуск денежных суррогатов, в том числе в электронном виде, а также в части внесения уточнения действующей редакции указанной статьи, распространив установленный в ней запрет не только на выпуск денежных суррогатов, но и на осуществление операций с денежными суррогатами, включая их использование в

18 Великобритания и криптовалюты: регулировать или не регулировать? URL: <https://forklog.com/velikobritaniya-i-kriptovalyuty-regulirovat-ili-ne-regulirovat/> (дата обращения: 20.04.2021).

19 The exchange of traditional currencies for units of the 'bitcoin' virtual currency is exempt from VAT. URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2015-10/cp150128en.pdf> (дата обращения: 20.04.2021).

20 Официальный сайт Европейской Комиссии. URL: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/banking-and-finance/financial-supervision-and-risk-management/anti-money-laundering-and-counter-terrorist-financing_en (дата обращения: 20.04.2021).

21 Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-86432/> (дата обращения: 20.04.2021).

22 Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=23139-proekt_federalnogo_zakona_o_vnesenii_izmenenii_v_otdelynye_zakonodatelnye_akty_rossiiskoi_federatsii (дата обращения: 20.04.2021).

качестве средства платежа, а также в целях обмена на рубли или иностранную валюту; введение административной и (или) уголовной ответственности за выпуск денежных суррогатов и осуществление операций с их использованием; ограничение доступа к информационным ресурсам, обеспечивающим выпуск денежных суррогатов и осуществление операций с их использованием, а также на установление соответствующей административной ответственности».

Таким образом, данным проектом Минфин предлагал: 1) установить правовой статус цифровой валюты, определить ее в качестве денежного суррогата; 2) запретить эмиссию, использование, продажу и иные операции, производимые с цифровой валютой под угрозой административного или уголовного законодательства; 3) запретить распространение какой-либо информации о цифровой валюте. Однако данный проект не получил должной поддержки со стороны Правительства РФ, был отправлен на доработку, но впоследствии так и не был направлен в Государственную Думу РФ.

В продолжение своих действий в марте 2016 г. Минфин опубликовал новый проект федерального закона, касающийся регулирования цифровой валюты в России, «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ID проекта: 02/04/03-16/00046853)²³. Проект предлагал внести в Уголовный кодекс РФ статью 187.1 «Оборот денежных суррогатов». Диспозиция статьи выглядела следующим образом: «Изготовление (выпуск), приобретение в целях сбыта, а равно сбыт денежных суррогатов». В качестве квалифицирующих признаков предлагалось закрепить совершение деяния в составе организованной группы, а также лицом, осуществляющим управленческие функции в финансовой организации. В пояснительной записке к проекту было указано, что «использование денежных суррогатов сопряжено с высоким уровнем рисков, пре-

жде всего в связи с их необеспеченностью активами, отсутствием единого регулирования выпуска и юридически обязанного по ним субъекта. Благодаря анонимности денежные суррогаты получили популярность при покупке нелегальных товаров, легализации (отмывания) доходов, добытых преступным путем. Использование денежных суррогатов в качестве средства платежа и накопления может повлечь нарушение прав вовлеченных в их оборот добросовестных лиц. Кроме того, в результате конкурентного вытеснения законных валют денежными суррогатами государство утратит суверенное право (монополию) на денежную эмиссию и лишится сеньоража (дохода от этой деятельности)». Проект Минфина 2016 г., так же как и проект 2014 г., не получил поддержки и не был отправлен в Государственную Думу РФ.

Э.Л. Сидоренко, высказываясь о проектах Министерства финансов России, пишет, что некоторые положения вызывают существенные возражения. В первую очередь это касается рассмотрения денежного суррогата одновременно как противоправного и легитимного финансового инструмента. С одной стороны, в проекте указано на запрет изготовления и использования на территории России денежных суррогатов, с другой стороны, они определяются через легитимное понятие – «объект имущественных прав». Но если суррогат вне закона, то он априори не может быть объектом имущественных прав, так как права возникают только в легитимной сфере – в рамках гражданского оборота. Но самым удивительным является тот факт, что проект был предложен для обсуждения в тот момент, когда большинство авторитетных международных экспертов стали признавать необходимость и неизбежность развития системы блокчейн и криптовалюты как ее основного продукта [3, с. 194-195].

Мы согласны с позицией Э.Л. Сидоренко. Добавим, что 9 мая 2017 г. Указом Президента РФ N 203 принята Стратегия развития информационного общества в Российской

23 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : проект федерального закона от 10.03.2016. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/npa_projects/?id_4=1815-o_vnesenii_izmenenii_v_ugolovnyi_kodeks_rossiiskoi_federatsii_i_ugolovno-protsessualnyi_kodeks_rossiiskoi_federatsii (дата обращения: 20.04.2021).

Федерации на 2017-2030 годы²⁴. И радикальный запрет использования виртуальных валют под угрозой уголовного наказания, на наш взгляд, был слишком невзвешенным, противоречащим политике государства решением. Чуть позже, в октябре 2017 г., В.В. Путин на совещании по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере отметил, что «мы должны использовать преимущества, которые дают новые технологические решения в банковской сфере. При этом важно не нагородить лишних барьеров, а создать необходимые условия для дальнейшего развития и совершенствования национальной финансовой системы»²⁵. По итогам данного совещания Президент РФ поручил Правительству РФ совместно с Банком России обеспечить внесение в законодательство изменений об определении статуса цифровых технологий (в том числе цифровой валюты), установлении требований к организациям, осуществляющим «майнинг» криптовалюты, определении порядка их налогообложения, регулировании публичного привлечения денежных средств и криптовалют по аналогии с регулированием первичного размещения ценных бумаг²⁶.

Во исполнение данных поручений в марте 2018 г. на рассмотрение в Государствен-

ную Думу РФ внесен проект федерального закона «О цифровых финансовых активах»²⁷. Обсуждение и рассмотрение законопроекта длилось более двух лет. 31 июля 2020 г. принят Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁸, в котором впервые на законодательном уровне закреплены такие понятия, как «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта», а также понятия, связанные с их выпуском и обращением. В ст. 3 этого Федерального закона цифровая валюта определяется как «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных».

24 О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы : Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. N 20. Ст. 2901.

25 Совещание по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере (10.10.2017). URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55813> (дата обращения: 20.04.2021).

26 Перечень поручений по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере (21.10.2017). URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899> (дата обращения: 20.04.2021).

27 О цифровых финансовых активах : законопроект N 419059-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 20.04.2021).

28 О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ // Российская газета. 2020. N 173.

Библиографический список

1. Ализаде, В.А. Судебная практика применения ст. 174.1 УК РФ по делам о наркопреступлениях, совершенных с использованием криптовалюты / В.А. Ализаде, А.Г. Волеводз // Наркоконтроль. – 2017. – N 4(49). – С. 8-14.
2. Подходы к определению правового статуса криптовалют в ведущих странах мира / И.В. Ёлохова, М.И. Ахметова, А.В. Крутова [и др.] // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2019. – N 1. – С. 201-209.

3. Сидоренко, Э.Л. Криминологические риски оборота криптовалюты в проблемы ее правовой идентификации / Э.Л. Сидоренко // Библиотека криминалиста. – 2016. – N 3. – С. 148-155.

4. Сидоренко, Э.Л. Криптовалюта как новый юридический феномен / Э.Л. Сидоренко // Общество и право. – 2016. – N 3 (57). – С. 193-197.

УДК 343.9

Сергей Владимирович МОИСЕЕВ,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат исторических наук, доцент
moiseev-tpg@rambler.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ «ЖЕСТКОГО УДАРА» ПО ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОМ АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ КИТАЯ

IMPLEMENTATION OF THE «STRIKE HARD» POLICY ON EXTREMISM AND TERRORISM IN XINJIANG UYGHUR AUTONOMOUS REGION OF CHINA

В статье автор отразил часть исследования, посвященного становлению и развитию системы противодействия экстремизму и терроризму в Китае на примере реализации властями республики политики, получившей название «жесткого удара». Предпринята попытка в хронологическом порядке обозначить основные аспекты рассматриваемой проблемы с учетом трансформации подходов государственных структур Китая к поиску наиболее эффективных вариантов борьбы с проявлениями экстремизма и терроризма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

In the article, the author reflects a part of the study devoted to the formation and development of the system of countering extremism and terrorism in China on the example of the implementation by the authorities of the republic a policy called «hard strike». An attempt has been made to chronologically identify the main aspects of the problem, taking into account the transformation of the approaches of the state structures of China to the search for the most effective options for combating extremism and terrorism in the Xinjiang Uygur Autonomous Region.

Ключевые слова: экстремизм, сепаратизм, терроризм, Китай, Синьцзян, противодействие экстремистским проявлениям, антитеррористическая борьба, мусульмане, уйгуры.

Keywords: *extremism, separatism, terrorism, China, Xinjiang, countering extremist manifestations, anti-terrorist struggle, muslims, uighurs.*

В 1978 г. руководство Китая определило оригинальную модель развития государства и общества, которой продолжает придерживаться с определенными изменениями и в настоящее время. Формат, как показали испытания временем, оказался эффективным. С 80-х гг. XX в. Китайская Народная Республика (КНР) показывает высокие темпы социально-экономического развития.

В течение трех десятилетий Китай преодолел дистанцию от отстающей аграрной страны до современного развитого государства с характерными чертами постиндустриального строя. Китайская политико-экономи-

ческая система, основанная на органичном синтезе идей социализма и капитализма, не имеет аналогов в мире, а изучение механизмов ее функционирования привлекает внимание исследователей многих стран.

Китай является полиэтническим государством, в стране проживают представители 56 национальностей. Большинство из них составляют ханьцы (92% этнические китайцы), представители национальных меньшинств (8%) – порядка 100 млн человек – проживают в основном в автономных районах, имеют свои культурные и языковые особенности, при этом свободно владеют официальным

языком Китая (путунхуа). Кроме того, население страны поликонфессионально. Несмотря на примат коммунистической идеологии, китайская Конституция гарантирует право граждан на свободу вероисповедания. Китайцы исповедуют буддизм, даосизм, ислам, конфуцианство, христианство, а представители некоторых малочисленных народностей сохранили приверженность шаманизму.

Особенностью современного Китая является также значительное количество населения, в настоящее время число жителей страны составляет примерно 1 448 942 057 человек (18,3% от всего населения планеты), средняя продолжительность жизни 74,7 года. Традиционная семейная организация китайцев, отличающаяся консерватизмом, стала основой для быстрого роста количества населения в стране, что привело в 60-70 гг. XX в. к возникновению демографических и социальных проблем. В 80-х гг. в условиях масштабного реформирования общественных и государственных институтов властями республики были выработаны варианты разрешения вопросов, связанных с деторождаемостью, и создана четырехуровневая система контроля над приростом населения.

При всех очевидных достижениях КНР в экономике, промышленности, социальной сфере, внутренней и внешней политике, правовом развитии зеркально присутствуют и негативные тенденции, оказывающие влияние на безопасность общества и государства. Так, экономический рост происходит неравномерно. В удаленных провинциях и районах КНР уровень экономики заметно отстает от центральных и приморских регионов, что создает причины для массовой внутренней миграции. Выделение привилегированного слоя ханьцев из многонационального населения страны способствует возникновению конфликтов на межэтнической почве. Поликонфессиональность в определенных случаях вызывает напряженность и конфликты в отношениях между представителями разных религий. К этим факторам можно добавить двухвековую проблему уйгурского сепаратизма и постоянные попытки оказать дестабилизирующее воздействие на внутреннюю си-

туацию в периферийных провинциях Китая со стороны недружественных иностранных государств.

Все перечисленное в большей или меньшей степени оказывает влияние на деятельность радикальных группировок экстремистского и террористического характера, на их активность и, соответственно, стимулирует конструирование системы способов противодействия им со стороны государственных структур.

Изучение опыта государственного развития Китая, а именно в сфере противодействия экстремизму и терроризму, на примере отдельных территорий, в частности Синьцзяна, интересно возможностью поиска эффективных вариантов разрешения вопросов, связанных с этой глобальной проблемой.

Существующие в настоящее время в открытом доступе работы специалистов в этой сфере научных изысканий отражают в основном вопросы межрегиональной безопасности и антитеррористического сотрудничества в рамках ШОС. Особое внимание отечественными и зарубежными исследователями уделяется «лагерям перевоспитания» для мусульман и «уйгурскому вопросу». При этом можно отметить практически полное отсутствие работ, посвященных проблемам системного противодействия силовых структур КНР экстремистским и террористическим группировкам. Такая ситуация обусловлена объективной причиной, заключающейся в минимизированном доступе к сведениям об организации антиэкстремистской деятельности в КНР. Масштабный государственный контроль над информацией и ограничение ее распространения является частью политики по обеспечению внутренней безопасности страны.

Таким образом, при подготовке работ по обозначенной тематике авторы вынуждены использовать ограниченный круг источников. В данной статье, в частности, использовались малодоступные опубликованные и неопубликованные материалы, предоставленные коллегами из Синьцзянской полицейской академии КНР в рамках межвузовского международного сотрудничества [4-7].

Синьцзян-уйгурский автономный район Китая (СУАР) занимает значительную часть территории КНР. В Синьцзяне проживают многочисленные группы национальных меньшинств: 45% населения составляют уйгуры, 40% – этнические китайцы, 15% – дунгане, казахи, киргизы, узбеки и т.д. Главным городом и промышленно-экономическим центром СУАР является Урумчи с населением примерно 3 112 559 человек, 75% из которых являются китайцами, 12,8% являются уйгурами и 10% из других этнических групп¹.

Синьцзян, расположенный в северо-западной части Китая, являлся главной частью древнего Шелкового пути, а в настоящее время является отправной точкой «Экономического пояса Шелкового пути» в рамках проекта «Один пояс, один путь», граничит с семью евразийскими странами: Монголией, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Афганистаном, Пакистаном, Индией. Это территория Китая с самой длинной пограничной линией и с наибольшим количеством пограничных пунктов [5, с. 7-8].

Синьцзянские приграничные районы относятся к местам многонационального проживания и имеют, как правило, относительно закрытое географическое положение, примыкают к Центральной и Южной Азии. Расположение районов, их обширные территории – фактор негативного воздействия на безопасность района. Здесь возникают серьезные проблемы из-за высоких материальных издержек и нехватки полицейских сил [5, с. 8].

Проблема стабилизации жизненного уровня населения является основным фактором, оказывающим влияние на общественную безопасность. В последние годы экономика в Синьцзяне постоянно развивается. Предприятия континентального Китая, оказывающие партнерскую помощь местному населению, стали регистрироваться в Синьцзяне. Однако в приграничных зонах из-за удаленности от городских поселений, обустроенных дорог, неудобных коммуникаций помощь в развитии приграничных районов с их стороны сравнительно мала [5, с. 8].

В результате у жителей таких районов возможностей увеличить доходы по сравнению с другими развитыми территориями намного меньше. Возникает избыток рабочей силы, и легко подтверждается истина «проблемы создаются из ничего», поэтому вероятность относительного роста потенциальных проблем безопасности увеличивается [5, с. 8].

В регионе существует отраслевое разделение труда, при котором на рынке труда приоритет складывается в пользу китайцев, имеющих более привилегированный социальный статус, занимающих значимые должности с достаточно высокой заработной платой. Основная масса уйгурского и иного некитайского населения имеет более низкий статус и занимает более низкооплачиваемые должности. Уйгуры, считающие себя коренными жителями Синьцзяна, периодически выражают несогласие с политикой, проводимой китайским правительством в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. В XXI в. китайские власти позиционируют Синьцзян как регион «трех враждебных сил» – религиозного экстремизма, сепаратизма и терроризма [3].

В период правления в КНР Мао Цзэдуна проводилась активная переселенческая политика, результатом которой стала массовая, частично принудительная миграция этнических китайцев из различных провинций страны в Синьцзян с целью установления их последующего доминирования во властных структурах, политической сфере и промышленно-экономическом секторе региона.

В конце XX – начале XXI вв. содержание национальной политики менялось как на уровне центрального правительства Китая, так и непосредственно в Синьцзяне. Использовались различные методы и способы решения проблемы этнического и религиозного сепаратизма и экстремизма от радикальных до толерантных. Последствия этих действий властей являются неоднозначными и нуждаются в отдельном более детальном изучении.

С началом реализации «Политики реформ и открытости» в экономической, политической и культурной жизни Китая произошли огромные позитивные изменения, с другой

1 URL: <https://all-populations.com/ru/cn/population-of-urumqi.html> (дата обращения: 26.06.2021).

стороны, произошел значительный рост преступности. В результате анализа возникшей ситуации возникла идея о применении специальных кампаний «жесткого удара», направленных на нейтрализацию преступлений «высокого риска».

Содержание политики «жесткого удара» заключалось в проведении акцентированных оперативных силовых акций в рамках действующих законов с применением принципов «строгости и снисходительности». Одним из элементов «жесткого удара» стала мобилизация ограниченных судебных ресурсов, с помощью которых высокий уровень преступности был значительно снижен. Однако эти тактические маневры носили временный характер, а достигнутые результаты были неоднозначными.

При наличии жесткого официального запрета на религиозное образование в коммунистическом Китае мусульманам СУАР было разрешено обучать детей в рамках традиционной религии и посещать мечети. В 1989 г. в Синьцзяне насчитывалось 20000 мечетей, которые были построены с финансовой помощью китайского правительства, но в середине 1990-х гг. начались сепаратистские выступления и ситуация изменилась.

Массовые беспорядки 5 апреля в поселке Барын уезда Акто округа Кашгар, происшедшие в 1990 г., показали высокий уровень экстремистской активности в Синьцзяне. В период 1990-х гг. на территории СУАР были совершены около 250 террористических актов, в результате которых были ранены и убиты более 600 человек. Ответом стало применение в 1997 г. специальной тактики противодействия в рамках кампании «жесткого удара», получившей название «активной атаки» [6, с. 300].

В 1996 г. в Ките развернулись активные мероприятия силовиков по противодействию экстремистской преступности, были арестованы значительное количество мусульман, подозреваемых в сепаратизме, радикализме и причастности к проведению террористических актов. Однако, как показали последующие события, активные действия полиции и специальных подразделений привели к нега-

тивным результатам. В течение 16 лет Синьцзян являлся целью для террористических атак различных радикальных группировок и религиозных фанатиков, погибли значительное число полицейских, военнослужащих, государственных чиновников и гражданских лиц [6, с. 300].

В итоге в китайском обществе и среди специалистов возникли вопросы об эффективности кампании «жесткого удара по терроризму» в Китае и необходимости снижения уровня насильственных мер с переходом к более рациональной политике.

Так, по мнению сотрудников полицейской академии Синьцзяна Чжун Яня и Чжань Куня, факторы резонанса и конфиденциальности, связанные с расследованием уголовных дел, связанных с террористическими проявлениями, стали причинами определенного вакуума в академическом изучении данной проблемы [6, с. 300]. Отсутствие анализа, критериальной оценки событий, связанных с проведением политики «жесткого удара по терроризму», привело к консервации процесса выработки эффективной судебной практики в рамках разбирательств по делам такого содержания и вынесению решений о наказаниях [6, с. 300].

В ходе применения точечных ударов по сепаратистским группировкам, экстремистским и террористическим организациям не была выверена общая стратегия реализации этой политики в Синьцзяне. Проблемы возникли в системе общественного управления и законодательной деятельности. Радикальные сообщества в этих условиях проявили способности к трансформации и дисперсии, что в результате привело к сложностям в организации противодействия деструктивным структурам. Кроме того, массовое и не всегда правильно спланированное использование технологий «жесткого удара» по экстремистам привело к нарушению прав и свобод китайских граждан. Стремление к быстрому достижению результатов детерминировало появление большого количества контрверсионных и ложных дел, что привело в итоге к снижению авторитета полиции и судебных органов.

По мнению Чжун Яня, сотрудника института исследования нетрадиционных угроз безопасности, и профессора Чжань Куня, директора института исследования нетрадиционных угроз безопасности полицейской академии Синьцзяна, эволюция концепции «жесткого удара» непосредственно зависела от изменений в борьбе государства с радикализмом, изучения и анализа проблемы противодействия терроризму. Под воздействием различных факторов политика «жесткого удара» на разных этапах развития современного Китая имела различные содержание, цели и тактику [6, с. 300].

В 2009 г. в Урумчи, столице Синьцзяна, произошел теракт, известный как «инцидент 5 июля», результатом которого стало значительное количество жертв среди гражданского населения [2]. Последовали изменения в тактике антитеррористической борьбы. В рамках дальнейшего осуществления политики «жесткого удара» была создана следующая схема: «Активная атака, заметить и уничтожить, нанести превентивный удар», далее следовало «Антинасилие, верховенство закона, порядок» и затем «Удар в строгом соответствии с законом» [6, с. 300]. Акцент в итоге был сделан на преследовании террористов и экстремистов вне зависимости от принадлежности к этнической или религиозной группе и мотивов с применением исключительно законных оснований. С 2016 г. и по настоящее время концепция «жесткого удара» реализуется в направлении «Внимательно защищать и строго наказывать» [6, с. 300].

В ходе двадцатилетней реализации концепции «жесткого удара» против экстремистов и террористов в Синьцзяне силовыми структурами КНР были выработаны эффективные приемы и способы противодействия радикальным организациям. К ним можно отнести сбор, изучение и анализ информации о деятельности террористических и экстремистских группировок; проведение превентивных специальных операций по нейтрализации малых боевых групп на стадии их подготовки к проведению акций или террористических актов без прекращения ликвидации всех связанных между собой подразделений органи-

зации; установление полного контроля над киберпространством государства; введение тотальной системы наблюдения за приезжающими гражданами иностранных держав; формирование служб антитеррористической разведки; создание механизма регистрации передвижения трудовых мигрантов из Синьцзяна во внутренний Китай, проведение масштабной профилактической работы среди населения против «трех сил зла» (терроризма, экстремизма, сепаратизма) [6, с. 300].

В ходе реализации элементов политики «жесткого удара» во избежание проявления негативных последствий китайские специалисты приняли решение применить принципы «сочетания верховенства закона и нравственных ценностей в управлении государством», «управления Синьцзяном по закону и на основе укрепления солидарности разных этносов», «сочетания "жесткого удара" и активного перевоспитания». В настоящее время политика «жесткого удара» в Синьцзяне с внесенными необходимыми коррективами в ее реализацию доказывает свою эффективность в условиях КНР.

Изучение отдельных компонентов реализуемого в КНР антиэкстремистского курса в определенной степени проводится аналитическими подразделениями по противодействию экстремизму как на федеральном, так и на региональном уровне с целью возможного их использования при проведении соответствующих оперативных мероприятий. В частности, у отечественных специалистов вызывает интерес функционирование механизма контроля и идентификации внутренних мигрантов, а также лиц, прибывающих из зарубежных стран, что является актуальным для трансграничных российских регионов. Кроме того, проведение превентивных специальных операций по нейтрализации малых боевых групп на стадии их подготовки к проведению акций или террористических актов без прекращения ликвидации всех связанных между собой ячеек уже используется специальными структурами для пресечения деятельности радикальных исламистских организаций на территории России.

Таким образом, в китайской правоохранительной практике в рамках совершенствования мер по предотвращению и пресечению преступлений экстремистского и террористического характера накоплен значительный опыт и создана прогрессирующая система противодействия деятельности радикальных организаций и группировок. Изучение раз-

личных направлений государственного развития современного Китая, в том числе в сфере противодействия экстремизму и терроризму на примере Синьцзяна, своевременно и актуально, так как появляется возможность поиска новых эффективных вариантов разрешения данной проблемы и их применения в рамках российского правового поля.

Библиографический список

1. Евстифеев, Д. Война по уйгурски / Д. Евстифеев. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2014/05/26/6048273.shtml> (дата обращения 26.05.2021).
2. Мальцев, В. Китайский Кавказ: как Пекин борется с религиозным терроризмом в Синьцзяне / В. Мальцев, Е. Коростиченко. – URL: <https://life.ru/p/918218> (дата обращения: 20.05.2021).
3. Поликарпов, И.А. К вопросу о религиозном сепаратизме в Синьцзяне: история и современность / И.А. Поликарпов, О.Н. Поликарпова // Проблемы противодействия экстремизму и терроризму: региональный формат / под ред. Д.Л. Проказина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2021.
4. Сюй Хао Мяо. Исследование мер по предотвращению терроризма одиночек // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы XVI международной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. – Ч. 1.
5. Хэнпин Ай. Уроки базовой работы «Опыт поселка Фэнцзяо» в низовых структурах приграничных районов Синьцзяна // Проблемы противодействия экстремизму и терроризму: региональный формат / под ред. Д.Л. Проказина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2021.
6. Чжань Кунь Чжун Янь. Исследование судебной практики реализации уголовной политики «жесткого удара по терроризму» в Китае // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы XVI международной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. – Ч. 1.
7. Чжоу Мин Хон. Закон о постепенном изменении и контрмерах по предотвращению и контролю террористической преступности среди молодежи в Синьцзяне // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы XVI международной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. – Ч. 1.

УДК 343.102

Анастасия Валерьевна ГАМЗИНА,

инспектор по делам несовершеннолетних
отдела участковых уполномоченных полиции
и по делам несовершеннолетних отдела полиции N 7
Межмуниципального управления МВД России «Красноярское», аспирант Юридического института Красноярского государственного аграрного университета
gamzina_anastasia@mail.ru

**ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЗА РУБЕЖОМ
(НА ПРИМЕРЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ)**

**OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE COUNTERACTION
TO JUVENILE DELINQUENCY ABROAD (ON THE EXAMPLE
OF THE UNITED STATES OF AMERICA)**

В статье рассматриваются оперативно-розыскные методы, применяемые полицией США для пресечения и раскрытия преступлений, совершаемых несовершеннолетними, нормативно-правовая регламентация проводимых в отношении несовершеннолетних (и с их участием) оперативно-розыскных мероприятий и её отличие от подобного обеспечения в России. Сформулирован ряд предложений по использованию американского опыта по совершенствованию работы в указанной сфере российской полицией.

In the article, the author presents a part of the study on the formation and development of the system of countering extremism and terrorism in China on the example of the implementation by the authorities of the Republic a policy called «Strike Hard». An attempt has been made to chronologically identify the main aspects of the problem, taking into account the transformation of the approaches of the government structures of China to the search for the most effective options for combating extremism and terrorism in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region.

Ключевые слова: США, преступления несовершеннолетних, полиция, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-следственные сотрудники, конфидент, взаимодействие.

Keywords: *extremism, separatism, terrorism, China, Xinjiang, countering extremist manifestations, fight against terrorism, Muslims, Uyghurs.*

Противодействие преступности несовершеннолетних является предметом внимания и достаточно острым вопросом практически во всех странах мира.

Как справедливо отмечают Б.П. Смагинский и Е.В. Батышева: «Криминальная среда является серьезной проблемой, однако наиболее негативным социальным явлением в данной сфере выступает преступность несовершеннолетних, т.к. именно несовершеннолетние граждане отражают уровень развития нашего общества, от них в прямой зависимости находится будущее страны и всего человечества» [10, с. 119].

Совершенно очевидно, что использование правоохранительными органами Российской Федерации эффективных форм и методов борьбы с правонарушениями несовершеннолетних, успешно применяемых за рубежом, необходимо и целесообразно, при этом мы полностью согласны с Н.Г. Хижняковым, утверждающим: «Внимательно изучая и внедряя опыт зарубежных стран, необходимо обязательно учитывать особенности, присущие нашей стране» [11, с. 34].

В данном контексте будет полезно рассмотреть методы работы подразделений полиции Соединенных Штатов Америки при их

противостоянии правонарушениям несовершеннолетних, уделив особое внимание ведению оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД).

Общее число преступлений несовершеннолетних в США долгое время демонстрировало стойкую тенденцию к снижению, что многие исследователи объясняли эффективностью действий правоохранительных органов страны.

Законодательство США в отношении несовершеннолетних представляет собой карательную модель правосудия, так как, по мнению многих зарубежных ученых, сфера профилактики правонарушений несовершеннолетних базируется на концепции контроля над преступностью, характеризуется отсутствием возможности применения альтернативных мер [8]. При этом практикуется неотвратимость наказания после нарушения несовершеннолетними правовых норм. В этом случае подростку выносится обвинительный приговор, связанный с реальным тюремным сроком, зачастую даже по деяниям, не представляющим большой общественной опасности.

Уголовное законодательство в США существует как на федеральном уровне, так и на уровне штатов. Отметим, что в большинстве штатов минимальный возраст уголовной ответственности не установлен [1, с. 68]. Из штатов, где такой нижний предел есть, лидирует Северная Каролина – там он составляет 6 лет.

В общем же можно констатировать тот факт, что судебная система США, далекая от гуманного отношения к людям (по нашему мнению), тем не менее показала свою эффективность в борьбе с преступностью несовершеннолетних.

Вместе с тем и действия полиции США (термин «полиция США» в определенной степени условен), направленные на предупреждение и раскрытие правонарушений несовершеннолетних, являются весьма эффективными. Не последнее место в этом вопросе занимают оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ), проводимые стражами порядка.

Полицейская система США характеризуется как децентрализованная, а это значит, что в стране отсутствует единый орган, направляющий деятельность полиции, аналогичный МВД России, что характерно для других стран [9, с. 55-56].

Вместо этого каждый штат, крупный город, а иногда и более мелкий населенный пункт имеют свое независимое полицейское ведомство.

Деятельность полиции осуществляется на нескольких уровнях: федеральном, полиции штатов, местном (муниципальном). Несмотря на сложность государственной правоохранительной системы, все ее подразделения являются специализированными, с четко определенной сферой ответственности [6, с. 104].

М.В. Кондратьев весьма верно, на наш взгляд, утверждает, что оперативно-розыскные методы в деятельности правоохранительных органов США занимают ключевое место, поскольку сотрудники полицейских ведомств выступают не только в качестве субъектов оперативно-розыскной деятельности, но и одновременно в роли следователей. Это обусловлено тем, что в правоохранительной системе США нет какого-либо законодательного разграничения между ОРМ и следственными действиями, а также отсутствует процессуальная стадия предварительного расследования [5, с. 95].

Нормативно-правовой базой США (в отличие от России) оперативная и следственная виды деятельности объединены, и сотрудники полиции являются оперативно-следственными работниками. На практике такое совмещение в компетенции одного сотрудника полиции означает, что при задержании несовершеннолетнего правонарушителя патрульный может провести весь комплекс оперативно-следственных мероприятий. При этом все же принимается во внимание опыт работы и квалификация сотрудника.

В рамках исследования нами было проведено анонимное дистанционное интервьюирование в режиме видеоконференцсвязи двух сотрудников Департамента полиции Нью-Йорка (англ. NYPD, New York City Police Department (NYPD)) – одного из самых

крупных подразделений в муниципальной полиции США. Сотрудники полиции выделили, на их взгляд, наиболее эффективные тактические мероприятия, которые может производить патрульный в отношении несовершеннолетних (ОРМ, не требующие специального судебного разрешения):

1) если есть основания подозревать несовершеннолетнего (подчеркиваем – при наличии оснований), а также если патрульный знает его как бывшего преступника (когда-либо привлекался к уголовной ответственности), то полицейский может его «обыскать» (англ. Frisk). В данном случае «обыск» подразумевает быстрое простукивание руками карманов и пояса на предмет наличия оружия или других запрещенных предметов либо у него предположительно похищенных вещей. Если таковые предметы будут найдены (а это бывает в большинстве случаев), то патрульный может провести арест. В отличие от Российской Федерации данные действия не требуют судебной санкции и не предусматривают наличия понятых;

2) опрос (или даже допрос) несовершеннолетнего может производиться полицейским в участке или другом месте. Однако сказанное несовершеннолетним что-то против себя может быть не принято судом. Данный факт объясняется тем, что несовершеннолетний подпадает под правило Миранды (англ. Miranda warning), согласно которому задержанный должен быть уведомлен о своих правах;

3) полицейский может следовать за машиной, управляемой несовершеннолетним (во многих штатах США получить права можно с 14 лет), осуществляя за ней наружное наблюдение (при наличии оснований подозревать водителя в противоправных действиях), и потом, остановив этот автомобиль (подходя к машине патрульный касается ее рукой в районе правого фонаря, оставляя на ней свои отпечатки пальцев для подтверждения факта ее осмотра, кроме того звук легкого удара отвлекает водителя и пассажиров, если те пытаются что-то спрятать), осмотреть салон и багажник, «обыскать» ее пассажиров. Решение о проведении данного ОРМ полицейский принимает, исходя из собственной

трактовки увиденной им подозрительной активности (подозреваемый несовершеннолетний остановился, вышел из машины, с кем-то встретился, что-то передал и т.д.).

Таков состав наиболее традиционных ОРМ, проводимых одиночными полицейскими или патрулями. Здесь необходимо отметить тот факт, что именно патрули составляют большую часть муниципальной полиции. Практически весь персонал задействован на патрулировании улиц на машинах. При этом при отсутствии других задач может быть привлечен даже грузовой фургон, предназначенный для перевозки задержанных в тюрьму. Непосредственно в отделениях задержанные содержатся лишь несколько часов.

В полицейском участке находится только дежурное подразделение, как правило, несколько человек, которые осуществляют прием и оформление задержанных, а кроме того, ведут личный прием граждан, обратившихся с заявлениями. Также в участке или на обслуживаемой территории могут находиться оперативные сотрудники (детективы), ведущие расследования по конкретным преступлениям.

Общий алгоритм реагирования подразделений полиции на сообщение о преступлении досконально разработан. Сообщение о преступлении поступает по единому номеру службы спасения 911, которая является межведомственной. Запись всех телефонных переговоров ведется автоматически. При этом, если дело связано с преступными действиями в отношении несовершеннолетнего, вызов получает наивысший приоритет и сразу поступает по специальному каналу к патрульным экипажам. Ближайший к предполагаемому месту преступления принимает к исполнению полученный сигнал и организует его проверку.

При этом, как и в случае, если преступление совершено (предполагается, что совершено) несовершеннолетним, в состав группы может входить детектив, специализирующийся по преступлениям данной категории.

В рамках внутреннего взаимодействия, т.е. осуществляемого внутри одной струк-

туры – в данном случае полиции [подр.: 3, с. 107], если того требует ситуация (захват заложников в школе и т.д.), к действиям полиции подключаются оперативные подразделения специального назначения (англ. Special Weapons and Tactics (SWAT)). Справедливости ради необходимо отметить, что ряд исследователей считают численность таких специальных оперативных подразделений неоправданно высокой [12].

Остановимся еще на ряде ОРМ, проводимых полицией США в отношении несовершеннолетних, но уже с привлечением (как правило) значительных сил и средств.

В практике борьбы с несовершеннолетними угонщиками автотранспорта используется «машина-приманка» (англ. Bait Car). В районе, где предположительно действует банда несовершеннолетних угонщиков, оставляется автомобиль, иногда открытый, оборудованный видеокамерами и системой геопозиционирования. При попытке злоумышленников осуществить угон автомобиля (а не просто кражу вещей из салона) после того, как они отъедут на определенное расстояние, дистанционно выключается двигатель и блокируются двери, а затем осуществляется захват преступников.

Полиция США в работе активно использует «агентурный метод». Агентами могут быть внедренные оперативники (в США к такому роду деятельности активно привлекаются сотрудники полиции), равнодушные граждане (которым тем не менее выплачивается вознаграждение), а кроме того, лица, привлеченные к ответственности, желающие подобным образом смягчить или даже полностью избежать наказания. Несовершеннолетние конфиденты являются представителями двух последних групп.

Использование осведомителей при проведении любых ОРМ регламентируется Инструктивным письмом Генерального атторней США от 15 декабря 1976 г. [4, с. 8]. Генеральный атторней в данном случае весьма условно может рассматриваться как аналог Генерального прокурора Российской Федерации.

При этом с лицом, изъявившим желание сотрудничать с полицией – конфидентом

(англ. Confidential Informant (CI), подписывается контракт. С несовершеннолетним такое соглашение имеет разовую основу и после получения сведений далее не пролонгируется.

Многие премии выплачиваются за сведения об определенных видах преступлений. Так, в Нью-Йорке за сообщение информации о самовольном рисовании несовершеннолетними граффити на стенах домов выплачивается премия в размере \$500. Премия несовершеннолетнему информатору о незаконном хранении оружия или наркотиков будет значительно больше. Такие вознаграждения могут предлагаться как госорганами, так и частными учреждениями или лицами.

На федеральном и местном уровнях полицией в школах реализуются программы предупреждения преступлений несовершеннолетних, которые в числе прочего предусматривают вербовку конфидентов из числа школьников для сбора имеющей оперативно-профилактическое значение информации. Такие программы несколько раз приводили к вопиющим эксцессам, когда дети из благих побуждений доносили на родителей, в результате чего последние были осуждены на реальные тюремные сроки.

Сотрудничество населения с полицией в США имеет массовый характер. При этом граждане открыто размещают на своих домах знак о том, что они сотрудничают с полицией, который, кстати, может заставить передумать воплотить преступный замысел несовершеннолетнего грабителя (а может оказать отпугивающий эффект и на взрослого преступника).

При расследовании преступлений детективами активно используется такой вариант ОРМ, как прослушивание телефонных разговоров и снятие информации с технических средств, подобные мероприятия, как и в России, требуют судебной санкции. Однако в США одно судебное разрешение открывает возможность проведения целого комплекса мероприятий в отличие от Российской Федерации, где исследователи только предлагают ввести подобный способ санкционирования подобных мероприятий [7, с. 71-72].

Широту использования таких мероприятий иллюстрирует тот факт, что на основании материалов оперативного контроля (в том числе прослушивания телефонных переговоров) американскими судами осуждаются абсолютное большинство преступников [2, с. 19]. Данные ОРМ в полной мере применяются и к несовершеннолетним правонарушителям и активно используются при розыске пропавших подростков.

Таким образом, рассмотрев отдельные аспекты оперативно-розыскного противодействия преступности несовершеннолетних в США, мы можем сделать следующие выводы:

1) законодательство США в отношении несовершеннолетних характеризуется как карательная модель правосудия, которое тем не менее является весьма эффективным;

2) в США отсутствуют специализированные подразделения (подобные российским подразделениям по делам несовершеннолетних), которые находятся в составе полиции, занимаются правонарушениями несовершеннолетних, но не принимают непосредственного участия в проводимых в отношении них ОРМ;

3) нормативно-правовой базой США (в отличие от Российской Федерации) оперативная и следственная работа объединены, и сотрудники являются оперативно-следственными работниками;

4) сотрудники полиции США обладают намного большей свободой при возможности

проводить ОРМ в отношении несовершеннолетних правонарушителей, чем их российские коллеги.

Американский опыт противодействия преступности несовершеннолетних позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию работы полиции в России:

1) разработать ряд предложений по изменению Уголовного кодекса РФ в части дифференциации наказаний за преступления несовершеннолетних: за противоправные деяния, совершенные впервые, – в сторону смягчения, при рецидиве – в сторону ужесточения;

2) законодательно увеличить число представителей полиции, допущенных в усеченном объеме к ведению ОРД, включив в их перечень сотрудников патрульно-постовой службы, инспекций по делам несовершеннолетних и участковых уполномоченных;

3) также представляется перспективным более активное привлечение несовершеннолетних (не переступая определенные этические границы) к сбору оперативно значимой информации с использованием финансового вознаграждения, возможности оступившемуся подростку за свое сотрудничество с правоохранительными органами смягчить или даже полностью избежать наказания, для чего необходимо законодательно уточнить статус конфиденента.

Библиографический список

1. Барышникова, К.Г. Возраст уголовной ответственности в зарубежных странах / К.Г. Барышникова // Academy. – 2017. – N 4 (19). – С. 68-69.
2. Быков, А.В. Конституционно-правовые основы проведения оперативно-розыскных мероприятий полицейскими органами США / А.В. Быков, Т.В. Кикоть-Глухоедова // Вестник Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя. – 2013. – N 6. – С. 18-20.
3. Гамзина, А.В. К вопросу о методах взаимодействия подразделений по делам несовершеннолетних и оперативных подразделений полиции / А.В. Гамзина // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – N 1 (38). – С. 104-109.
4. Железняк, Н.С. О некоторых аспектах социальной защиты лиц при имитации ими преступной деятельности (часть 1) / Н.С. Железняк // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2015. – N 4 (21). – С. 7-14.

5. Кондратьев, М.В. Оперативно-розыскное противодействие незаконному обороту наркотиков в США / М.В. Кондратьев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – N 4 (41). – С. 94-101.
6. Курлович, П.Н. Полиция в правоохранительной системе США / П.Н. Курлович // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2013. – N 2 (12). – С. 104-110.
7. Леонтьева, Ю.В. К вопросу о законодательной регламентации порядка ограничения конституционных прав граждан при осуществлении оперативно-розыскной деятельности / Ю.В. Леонтьева, О.А. Овчинко // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIII международной научно-практической конференции: в 2 ч. (Красноярск, 2-3 апреля 2020 года). – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. – С. 71-74.
8. Марковичева, Е.В. Модели ювенального уголовного судопроизводства: проблемы типологизации / Е.В. Марковичева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – N 3. – С. 97-103.
9. Петрова, О.В. Зарубежный опыт взаимоотношений территориальных органов государственной власти и правоохранительных структур / О.В. Петрова // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2011. – N 3 (14). – С. 52-63.
10. Смагоринский, Б.П. Современное состояние оперативно-розыскной деятельности уголовного розыска по противодействию преступности среди несовершеннолетних / Б.П. Смагоринский, Е.В. Батышева // Алтайский юридический вестник. – 2021. – N 2 (34). – С. 118-122.
11. Хижняков, Н.Г. Милиция в системе исполнительной власти Российской Федерации (теоретические и организационно-правовые аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Н.Г. Хижняков. – М., 1998. – 192 с.
12. Kraska, Peter B. Kaeppler Militarizing American Police: The Rise and Normalization of Paramilitary Units / Peter B. Kraska, Victor E. Kaeppler // Social Problems : journal. – University of California Press, 1997. – February (vol. 44, no. 1). – P. 1-18.

ВЗГЛЯД. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 342.51

Константин Анатольевич ИШЕКОВ,
доцент кафедры правовых основ управления
факультета государственного управления Московского
государственного университета имени
М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории
и истории права и государства Российского нового
университета (г. Москва),
доктор юридических наук, доцент
ishekov77@mail.ru

Роман Владимирович ДОРОГИН,
преподаватель кафедры конституционного
и административного права Саратовского военного
ордена Жукова Краснознаменного института
Федеральной службы войск национальной гвардии
Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
romandorogin@yandex.ru

ОРГАНЫ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: ЭВОЛЮЦИЯ, СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ENFORCEMENT BODIES IN THE RUSSIAN SYSTEM OF STATE POWER: EVOLUTION, STATE, DEVELOPMENT PROSPECTS

Статья посвящена истории органов принудительного исполнения, анализу новелл законодательства в сфере организации исполнительного производства. Определены перспективные направления развития института органов принудительного исполнения в России. Сформулированы рекомендации по оптимизации системы органов принудительного исполнения, связанные с передачей части полномочий ФССП России органам Росгвардии, поддержана идея создания института частных судебных приставов, разработана «дорожная карта» процесса образования данного правового института.

The article is devoted to the history of law enforcement agencies, the analysis of novelties of legislation in the field of organization of enforcement proceedings. The promising directions of development of the institution of compulsory enforcement bodies in Russia have been determined. Recommendations on optimization of the system of enforcement bodies related to the transfer of part of the powers of the FSSP of Russia to the bodies of the Rosgvardiya are formulated, the idea of creating an institution of private bailiffs is supported, a «roadmap» of the process of formation of this legal institution is developed.

Ключевые слова: органы принудительного исполнения, исполнительное производство, судебные приставы, ФССП России, Росгвардия, государственная служба, должностные лица.

Keywords: law enforcement bodies, enforcement proceedings, bailiffs, FSSP of Russia, Rosgvardiya, civil service, officials

Значение и роль принудительного исполнения судебных актов в механизме функционирования современного государства и общества трудно переоценить. Без своей фактической реализации предписания итоговых решений органов судебной власти теряли бы всякий смысл. Правосудие, один из главных инструментов осуществления правоохранительной функции государства, не могло бы достичь своей конституционно установленной цели – обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина (ст. 18, 46 Конституции РФ).

С момента учреждения института судебных приставов их правовой статус, компетенция и характер взаимодействия с иными органами государства неоднократно изменялись в связи с трансформацией правовопонимания, основ законодательства и практики правоприменения, включая представления о сущности исполнительного производства, а также в связи со сменой политических режимов и преобразованиями системы органов государственной власти.

В течение длительного периода отечественной истории должностные лица, осуществляющие полномочия по принудительному исполнению судебных решений, находились в институциональной связи и субординационной зависимости от органов правосудия. Так, в соответствии со ст. 11 Учреждения судебных установлений от 20 ноября 1864 г., судебные приставы находились «при судебных местах»¹.

Подобное правовое положение судебных приставов сохранялось вплоть до распада Российской империи и образования РСФСР. Как отмечается в современной литературе, «судебные приставы были упразднены Декретом СНК РСФСР «О суде» от 24 ноября (5 декабря) 1917 г. При этом данный институт без специального упоминания в тексте закона уничтожился автоматически вместе

с судебными местами Российской империи, при которых он функционировал» [1, с. 8; 3, с. 58]. С таким категоричным утверждением вряд ли можно согласиться. Указанный декрет упразднил органы принудительного исполнения лишь на непродолжительный срок². Институт должностных лиц, осуществляющих принудительное исполнение судебных решений, был восстановлен в связи с принятием Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР и союзных республик 1924 г. Согласно ст. 19 указанных Основ законодательства для приведения в исполнение судебных решений и определений при губернских судах состояли судебные исполнители, действующие под непосредственным руководством и наблюдением губернских судов³. В последующем положение судебных исполнителей принципиально не изменилось. Они состояли при районных (городских) народных судах и назначались министрами юстиции автономных республик, начальниками отделов юстиции исполнительных комитетов краевых, областных, городских Советов народных депутатов (ст. 348 ГПК РСФСР⁴, ст. 77 Закона РСФСР «О судостроительстве РСФСР»⁵). Таким образом, в советский период и в течение некоторого времени после распада СССР функция исполнения судебных решений продолжала осуществляться судебными исполнителями при органах правосудия, которые имели несколько иное наименование, но при этом выполняли свою основную функцию – осуществление исполнительного производства. Впрочем, стоит отметить, что принцип разделения властей как в дореволюционный, так и советский периоды на официальном уровне отвергался, поэтому учреждение должностных лиц принудительного исполнения при органах судебной власти, а не в качестве самостоятельной структуры не имело принципиального значения.

1 См.: Учреждение судебных установлений от 20.11.1864 // СПС «Гарант» (документ утратил силу).

2 См.: О суде : декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 // СУ РСФСР. 1917. N 4, ст. 50 (документ утратил силу).

3 См.: Основы судостроительства Союза ССР и союзных республик : утв. постановлением ЦИК СССР от 29.10.1924 // СЗ СССР. 1924. N 23, ст. 203 (документ утратил силу).

4 См.: Гражданский процессуальный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 11.06.1964 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. N 24, ст. 407 (документ утратил силу).

5 См.: О судостроительстве РСФСР : Закон РСФСР от 08.07.1981 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1981. N 28, ст. 976 (документ утратил силу).

В указанный отрезок времени органы, осуществляющие те или иные направления государственно-властной деятельности, не были независимы в организационном и функциональном отношении и не создавали самостоятельные ветви единой государственной власти. Как справедливо отмечено, только с принятием в конце 1990-х гг. федеральных законов «О судебных приставах»⁶ и «Об исполнительном производстве»⁷ исполнительное производство стало рассматриваться как самостоятельная сфера правоприменения, в связи с чем органы принудительного исполнения начали выступать не как часть судебной власти, а как самостоятельная структура [6, с. 4], относящаяся к сфере исполнительной власти.

В 2007 г. был принят новый Федеральный закон «Об исполнительном производстве»⁸, который, однако, принципиально не изменил правовое положение службы судебных приставов в государственном механизме, установленное в 1997 г. На сегодняшний день Федеральная служба судебных приставов (далее – ФССП России), будучи самостоятельным федеральным органом исполнительной власти, действующим на основании обозначенных выше федеральных законов и указов Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»⁹ и «Вопросы Федеральной службы судебных приставов»¹⁰, занимает важнейшее место в правоохранительной системе России, обеспечивая безопасные условия осуществления правосудия, а также фактическую реализацию судебных актов по гражданским, административным делам и исполнение зна-

чительной части постановлений судов по делам об административных правонарушениях. Исполнительное производство, реализуемое ФССП России, не только обеспечивает режим законности и исполнение многих норм федерального законодательства, но также играет значительную роль в формировании государственных бюджетов различных уровней. Так, по итогам деятельности ФССП России в 2020 г. в бюджет и внебюджетные фонды было перечислено 273,8 млрд руб., что на 7,3 млрд руб. больше, чем в 2019 г.¹¹

Новый импульс развития организационно-правовых основ системы органов, осуществляющих принудительное исполнение, был получен в связи с принятием Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹² и корректировкой наименования Федерального закона «О судебных приставах». Предложения по принятию федерального закона об органах принудительного исполнения высказывались и ранее в специальной юридической литературе, однако данная идея далеко не сразу получила необходимое нормативное оформление [2, с. 36; 5, с. 257].

Отметим, что еще на этапе обсуждения данного законопроекта были выявлены и обозначены противоречия между новым наименованием Федерального закона – «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» – и его содержанием. Как определено в заключении Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции по проекту фе-

6 См.: О судебных приставах : Федеральный закон от 21.07.1997 N 118-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. N 30, ст. 3590.

7 См.: Об исполнительном производстве : Федеральный закон от 21.07.1997 N 119-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. N 30, ст. 3591 (документ утратил силу).

8 См.: Об исполнительном производстве : Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ (в ред. от 30.12.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 2007. N 41, ст. 4849.

9 См.: О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти : Указ Президента РФ от 09.03.2004 N 314 // Собрание законодательства РФ. 2004. N 11, ст. 945.

10 См.: Вопросы Федеральной службы судебных приставов : Указ Президента РФ от 13.10.2004 N 1316 // Собрание законодательства РФ. 2004. N 42, ст. 4111.

11 Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2020 году. URL: <https://fssp.gov.ru/2718866/> (дата обращения: 15.09.2021).

12 См.: О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 01.10.2019 N 328-ФЗ (в ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 2019. N 40, ст. 5488.

дерального закона N 745075-7 «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в числе органов принудительного исполнения, указанных в наименовании и содержании законопроекта, были названы федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по обеспечению установленного порядка деятельности судов, исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц, правоприменительные функции и функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности, его территориальные органы и их подразделения. Сложно не согласиться с авторами данного заключения в том, что соответствующее наименование указанного федерального органа исполнительной власти сопряжено с функцией по исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц, которая установлена Федеральным законом «Об исполнительном производстве». Однако наряду с выполнением указанной функции ФССП России также реализует функцию по обеспечению установленного порядка деятельности судов, которая не учитывается в условном наименовании законопроекта¹³. Следует отметить, что рассматриваемое подразделение ФССП России занимается также и другими направлениями деятельности, которые связаны не только с обеспечением безопасности судей, присяжных заседателей и иных участников судебного процесса, осуществлением приводов лиц, уклоняющихся от добровольной явки в суд, но и обеспечением охраны зданий и помещений органов судебной власти. Так, по итогам 2020 г. судебные приставы по обеспечению установленного порядка деятельности судов осуществляли охрану 3031 здания (помещения) федеральных судов и 2906 зданий судебных участков

мировых судей. В круглосуточном режиме обеспечены охраной 64 здания федеральных судов¹⁴.

Как показывает анализ статистических данных, Федеральная служба судебных приставов занимается обеспечением безопасности в зданиях судов преимущественно в рабочее время, что не в полной мере способствует надлежащей охране судебных зданий и помещений. Также на качестве осуществления охраны указанных зданий и помещений негативно сказывается недостаток штатной численности приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов. В связи с этим в настоящее время значительное количество судов и управлений Судебного департамента в субъектах Федерации в нерабочее время пользуются преимущественно услугами физической охраны ФГУП «Охрана» Росгвардии. При этом идея создания ведомственной охраны для обеспечения безопасности судов, органов судейского сообщества, а также органов и учреждений Судебного департамента, получившая законодательное оформление в 2017 г.¹⁵, так и не нашла реального воплощения в связи с недостаточностью финансирования. Согласно позиции Судебного департамента при Верховном Суде РФ обеспечение охраны зданий судов силами Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации в наибольшей мере соответствует высокому профессиональному уровню, необходимому для надлежащего обеспечения безопасности деятельности судов¹⁶.

Важно отметить, что к числу задач Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации относятся участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности; охрана важных государственных объектов, охрана особо важных и режимных объектов, объек-

13 См.: Заключение Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции по проекту федерального закона N 745075-7 «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

14 Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2020 году.

15 См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29.07.2017 N 238-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. N 31 (ч. 1), ст. 4787.

16 Отчет об итогах деятельности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2020 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=195> (дата обращения: 10.09.2021).

тов, подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии; обеспечение безопасности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и иных лиц. Выполнение указанных задач обеспечивается возможностью реализации широкого перечня мер административного принуждения, а также полномочиями по применению физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники. Данные задачи и полномочия вполне позволяют обеспечить охрану, безопасность и установленный порядок деятельности судов. С учетом изложенного считаем целесообразным рассмотреть вопрос о передаче функции по обеспечению порядка в судах из ФССП России в Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации. Задачи по обеспечению установленного порядка деятельности судов вполне согласуются с основным предназначением войск национальной гвардии Российской Федерации – обеспечение государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина (ст. 1 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации») ¹⁷. Элиминация подразделений судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов из состава ФССП России и передача их полномочий Росгвардии позволит осуществить более надежную защиту органов правосудия от возможных неправомерных посягательств и обеспечить постоянную охрану помещений и зданий судов не только в рабочее, но и в нерабочее время силами одной федеральной службы, что, в свою очередь, позволит оптимизировать управленческую деятельность в рассматриваемой сфере. В случае ревизии соответствующих норм действующего законодательства, а также в связи с указанными организационными преобразованиями наименования Федеральных законов «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» и «О службе в органах принудительного исполнения Рос-

сийской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» будут в полной мере соответствовать их содержанию. Проблемы финансового и кадрового обеспечения Росгвардии в связи с возможной передачей указанных полномочий можно было бы разрешить путем перераспределения финансовых средств и кадрового потенциала подразделений судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов.

В противовес сказанному институт судебных приставов-исполнителей в наибольшей степени соответствует содержанию понятия «органы принудительного исполнения», которое используется в рассмотренных выше федеральных законах. Прав В.А. Гуреев, утверждая, что принуждение сопровождает все стадии процесса исполнения судебного акта, начиная с момента возбуждения исполнительного производства и далее. Административное принуждение усматривается в процедурах проверки финансовых документов, вхождении в жилые и нежилые помещения, розыске должника, его имущества, розыске ребенка, аресте имущества, взыскании исполнительского сбора и расходов по исполнительному производству, оценке и реализации имущества должника, распределении взысканных денежных средств и т.д. [4, с. 19]

Несмотря на имеющийся у приставов-исполнителей достаточно широкий арсенал мер административного принуждения, на сегодняшний день приходится констатировать, что деятельность судебных приставов-исполнителей вряд ли можно признать эффективной. Как определено в Методике сбора исходной информации и расчета целевых индикаторов и показателей федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы», работу судебных приставов-исполнителей можно считать эффективной в том случае, если исполнительных производств оканчивается и прекращается больше, чем возбуждается (возобновляется), что отражает также реальную работу по

17 См.: О войсках национальной гвардии Российской Федерации : Федеральный закон от 03.07.2016 N 226-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2016. N 27 (ч. 1), ст. 4159.

снижению остатка исполнительных производств¹⁸.

Недостаточная эффективность деятельности судебных приставов-исполнителей, несоответствие выполненной ими работы установленным критериям объясняются в том числе чрезвычайно высоким уровнем их загруженности. По официальным данным в 2020 г. в среднем у одного судебного пристава-исполнителя на исполнении находилось 4,6 тыс. исполнительных производств, что в 17,2 раза превышает установленную норму нагрузки судебного пристава-исполнителя¹⁹. При этом штатная численность ФССП России в последние годы колеблется незначительно, заметного роста числа сотрудников ФССП России не наблюдается. Так, в 2016 г. предельная штатная численность работников центрального аппарата ФССП России была установлена в количестве 640 единиц; работников территориальных органов ФССП России – в количестве 73919 единиц²⁰. В 2021 г. – 690 единиц и 73869 единиц соответственно²¹.

При этом есть основания утверждать, что одним увеличением штатной численности существующую проблему полностью не разрешить. Также необходимо учесть наличие недостатка финансирования деятельности ФССП России, обусловленного в том числе существующим экономическим кризисом и необходимостью государственной поддержки ряда отраслей экономики и социальной сферы. На наш взгляд, требуется целый комплекс мер, осуществление которых позволит снизить трудоемкость работ по реализации принудительного исполнения судебных ак-

тов, оптимизировать штатную численность сотрудников службы и обеспечить эффективность деятельности приставов-исполнителей и других сотрудников Федеральной службы судебных приставов. Отдельные меры уже установлены законодательно, но еще требуют фактического воплощения и совершенствования, другие организационно-правовые меры еще находятся на стадии обсуждения или еще не стали предметом научной дискуссии в силу недостаточной теоретической проработки.

В числе мер, уже обеспеченных законодательно, следует указать:

– принятие Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», согласно которому в Федеральной службе судебных приставов наряду с должностями государственной гражданской службы вводится значительное число должностей государственной службы иных видов, по которым сотрудникам присваиваются специальные звания. Это предусматривает более высокий уровень социальной защиты сотрудников, повышение престижа и привлекательности профессии судебного пристава. Поступление на государственную службу высококвалифицированных кадров, на наш взгляд, позволит повысить результативность деятельности органов принудительного исполнения;

– законодательное регулирование деятельности юридических лиц, занимающихся возвратом просроченной задолженности, и осуществление контроля (надзора) за со-

18 См.: Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы : федеральная целевая программа : утв. постановлением Правительства РФ от 27.12.2012 N 1406 (в ред. от 14.09.2021), приложение N 2 // Собрание законодательства РФ. 2013. N 1, ст. 13.

19 Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2020 году.

20 См.: О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. N 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» и в Положение, утвержденное этим Указом, в Указ Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. N 1316 «Вопросы Федеральной службы судебных приставов» и в Положение, утвержденное этим Указом : Указ Президента РФ от 15.12.2016 N 670 // Собрание законодательства РФ. 2016. N 51, ст. 7357.

21 См.: Об установлении предельной штатной численности работников органов принудительного исполнения Российской Федерации : Указ Президента РФ от 18.11.2019 N 555 (в ред. от 17.05.2021) // Собрание законодательства РФ. 2019. N 47, ст. 6648.

ответствующей деятельностью со стороны Федеральной службы судебных приставов²². Отметим, что в указанной области наряду с подразделениями ФССП России длительное время работал рожденный без участия государства и практически без государственного юридически оформленного воздействия на него механизм коллекторских услуг по взысканию долгов, которым активно пользовались многие кредитные, микрофинансовые организации и частные лица.

Отсутствие адекватной правовой основы и государственного контроля (надзора) за их деятельностью порождало множество грубейших нарушений прав граждан, вплоть до совершения коллекторами уголовно наказуемых деяний. Можно констатировать, что завершение формирования юридической основы функционирования негосударственных механизмов взыскания долгов позволило в определенной мере снизить потенциальную нагрузку на государственную систему принудительного исполнения. Появился реальный опыт интеграции элементов частного исполнения в государственную систему принудительного исполнения. Функционируют коллекторские организации и институт частного сыска, позволяющий разыскивать имущество должника или самого должника без привлечения органов государственной власти. Однако эти элементы частного исполнения не позволяют в полной мере обеспечить как повышение результативности функционирования системы принудительного исполнения в целом при сохранении текущего уровня финансирования, так и экономию бюджетных средств при сохранении аналогичных показателей результативности. Коллекторы

занимаются возвратом долгов без судебного решения, то есть на досудебной стадии. Поэтому их деятельность непосредственно не снижает нагрузку на органы ФССП России.

В ряду мер, еще не получивших законодательного оформления, требуется отметить следующие перспективные направления развития деятельности по исполнению судебных решений.

В связи с многократным превышением нормативов нагрузки на судебных приставов-исполнителей стоит поддержать высказанные ранее предложения по передаче отдельных категорий дел исполнительного производства в частную систему исполнения. Так, по мнению директора Федеральной службы судебных приставов – главного судебного пристава Российской Федерации Д.В. Аристова, передаче частным исполнителям могут подлежать споры, которые рассматриваются в третейских судах, так как стороны уже пришли к соглашению о рассмотрении спора вне государственной системы. Также физическому лицу целесообразно предоставить возможность выбора системы взыскания, обращенного к юридическому лицу, – через ФССП России или через частного исполнителя²³. Аналогичной позиции придерживается и Торгово-промышленная палата, которая в 2019 г. представила свой вариант законопроекта «О частных судебных исполнителях»²⁴.

Для внедрения рассматриваемого института частных приставов-исполнителей в юридическую практику, на наш взгляд, необходимо принятие ряда следующих правовых и организационных решений («дорожная карта»):

22 См.: О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»: Федеральный закон от 03.07.2016 N 230-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2016. N 27 (ч. 1), ст. 4163; Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за деятельностью юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, включенных в государственный реестр юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности: постановление Правительства РФ от 25.06.2021 N 1004 // Собрание законодательства РФ. 2021. N 27 (ч. 2), ст. 5391.

23 Вопрос введения института частных взыскателей остается актуальным. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3764802?id=1> (дата обращения: 15.09.2021).

24 На заседании Совета ТПП РФ прошло обсуждение проекта федерального закона «О негосударственных судебных исполнителях». URL: <https://news.tpprf.ru/ru/all/2373039/> (дата обращения: 18.09.2021).

1) принятие федерального закона с условным названием «О частных приставах-исполнителях» или, как вариант, «О негосударственном исполнительном производстве» с его поэтапным введением в действие, представляющем возможность внесения многочисленных изменений в ряд федеральных законов («Об исполнительном производстве», в ГПК РФ, в ТК РФ и др.), внесение изменений в Положение о Министерстве юстиции РФ, в Положение о Федеральной службе судебных приставов, принятие ряда ведомственных нормативных правовых актов Минюста России, а также постановлений Правительства РФ, регламентирующих социальную защиту, нормативы по оплате труда частных приставов и другие вопросы;

2) в законодательстве о частных приставах важно исходить из баланса, при котором государственные полномочия лишь частично перейдут в этот сектор. Считаем необходимым включение в законодательство следующих элементов новой системы:

а) исключение компетенции частных приставов на совершение исполнительных действий в отношении субъектов публичной власти;

б) возможность (хотя бы на первых порах работы института) альтернативного решения вопроса истцом о принудительном исполнении судебного акта частным приставом или органом ФССП России;

в) осуществление контроля (надзора) за их деятельностью со стороны ФССП России и (или) Минюста России и возможность апелляции как необходимых элементов предупреждения рисков злоупотребления и сохранения защищенности граждан от произвола компаний, которые могут «погнаться за прибылью»;

3) в названном законе или в других законодательных и подзаконных актах целесообразно предусмотреть нормы, позволяющие:

а) сформировать профессиональные объединения частных судебных приставов по типу федеральных и региональных нотариальных палат, адвокатских палат или по типу иных саморегулируемых организаций для осуществления мер профессионального руководства, обмена опытом, дисциплинарно-

го и иного управленческого воздействия на индивидуальных работников сообщества, а также необходимых мер по первоначальному обучению, повышению квалификации частных приставов.

Полагаем, что в сфере принудительного исполнения первоначальное профессиональное обучение лиц, уже имеющих высшее юридическое образование, также необходимо. Это обусловлено не только тем, что само принудительное исполнение – чрезвычайно сложный правовой институт, но его реализация, в отличие от деятельности нотариуса или адвоката, всегда осуществляется в сфере конфликта интересов, психологического противостояния сторон. Разрешение противоречий, конфликта интересов на практике в условиях высоких негативных эмоциональных нагрузок потенциально несет угрозу противоправных проявлений сторон конфликта. Поэтому представляется оправданным включение в перечень требований к кандидатам на должности частных приставов не только наличия высшего юридического образования (бакалавриата), но и стажа работы по специальности, по крайней мере, не менее 3-х лет;

б) предусмотреть прием квалификационного экзамена с участием представителей профессионального объединения частных судебных приставов, Министерства юстиции или (и) ФССП России;

4) принять необходимые для правовой защиты частных судебных приставов нормы об административной ответственности за противодействие их законной деятельности, а также и норму об уголовной ответственности за совершение насильственных действий в отношении частного судебного пристава при совершении им предусмотренных законом действий.

Очевидно, что в период постпандемического экономического кризиса сокращение государственных расходов становится неизбежным. На наш взгляд, учитывая сложную экономическую ситуацию в стране, развитие института органов принудительного исполнения возможно только при осуществлении комплекса правотворческих и организационных мер, связанных не только с перераспре-

делением определенных полномочий по обеспечению безопасности в судах между ФССП России и Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации, передачей части властных полномочий в сфере исполнительного производства негосударственным структурам, но и путем оптимизации внутреннего государственного управления, сокращения избыточных, параллельных функций отдельных звеньев исполнительной системы, сокращением аппарата и деbüroкратизации управления. Как представляется,

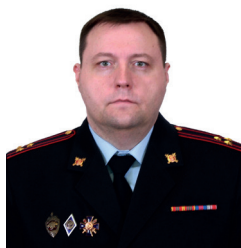
имеющиеся в сфере принудительного исполнения резервы позволят обеспечить сокращение расходов и оптимизировать управление, повысить роль Федеральной службы судебных приставов в укреплении российской государственности, обеспечении правосудия, защите прав и законных интересов личности и коммерческих организаций, а также будут способствовать обеспечению экономических интересов российского государства и общества.

Библиографический список

1. Большакова, В.М. Сравнительно-правовой анализ института судебных приставов в Российской империи и Российской Федерации / В.М. Большакова // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – № 8-1.
2. Головин, В.В. О содержании деятельности и правовом статусе Федеральной службы судебных приставов России / В.В. Головин // Полицейское право. – 2005. – № 4.
3. Гольцман, Е.В. Историография сравнительно-правового исследования института судебных приставов в России / Е.В. Гольцман // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2020. – № 1.
4. Гуреев, В.А. Административно-исполнительная деятельность Федеральной службы судебных приставов – новая правовая категория / В.А. Гуреев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 5.
5. Чурилов, А.В. О путях совершенствования организационной деятельности главных судебных приставов Российской Федерации / А.В. Чурилов // Роль органов юстиции в правовом государстве. – М., 2002.
6. Ювченко, С.В. Становление органов принудительного исполнения судебных актов и актов иных органов в Российской Федерации в 1991-2008 гг.: историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Ювченко. – Курск, 2015.

УДК 342.5

Андрей Викторович БЕЗРУКОВ,
главный научный сотрудник отдела по исследованию стратегических проблем управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России (г. Москва),
доктор юридических наук, доцент
abezrukov@bk.ru

Александр Николаевич МЕЩЕРЯКОВ,
начальник кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
12.00.02@mail.ru

О ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОМ ПОДХОДЕ К ПОНИМАНИЮ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

ON THE REPRESENTATIVE APPROACH TO UNDERSTANDING THE UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC POWER AND ITS IMPLEMENTATION IN RUSSIAN LEGISLATION

В статье проанализированы доктринальные источники, положения Конституции РФ, федерально-го законодательства, регламентирующие концептуальные основы системы публичной власти в России. Рассмотрен механизм осуществления публичной власти, переосмыслена конституционно-правовая природа и проведен критический анализ имеющихся современных подходов к концепции единой системы публичной власти. Показана востребованность и развивается идея представительного подхода к пониманию единства публичной власти в Российской Федерации.

The article analyzes doctrinal sources, provisions of the Constitution of the Russian Federation, federal legislation regulating the conceptual foundations of the system of public power in Russia. The mechanism of the exercise of public power is considered, the constitutional and legal nature is rethought and a critical analysis of existing modern approaches to the concept of a unified system of public power is carried out.

The relevance is shown and the idea of a representative approach to understanding the unity of public power in the Russian Federation is being developed.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, конституционная реформа, публичная власть, единая система публичной власти, представительный подход, органы публичной власти, реализация российского законодательства.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, constitutional reform, public authority, public power, unified system of public power, representative approach, public authorities, implementation of Russian legislation.

Конституционная реформа, инициированная поправками 2020 года, актуализировала ряд проблем гносеологического характера, одной из которых видится возникшее разночтение в понимании категорий пу-

бличной власти и системы публичной власти в науке конституционного права.

С учетом того, что, будучи включенными в текст Конституции Российской Федерации, данные понятия из научной доктрины пере-

шли в сферу нормативно установленных, от единого и правильного их восприятия зависит качество правоприменительной деятельности, обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Поскольку на сегодняшний день в конституционно-правовой науке сформировался ряд подходов к пониманию исследуемых явлений, целью настоящей работы является их критическое осмысление, выявление сущностного наполнения и детальный анализ представительного подхода к пониманию единой системы публичной власти в рамках ее современной конституционно-правовой концепции.

Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»¹ в конституционный текст были внесены ряд понятий, которые отражают принципиально новые подходы к пониманию природы публичной власти и системы публичной власти. При кажущейся незначительности изменений их совокупность настолько меняет понимание власти и ее организации, что всю значимость и глубину реформ только предстоит исследовать.

Законом о поправках к Конституции 2020 г. в ее текст были включены новые понятия: «организация публичной власти» (п. «г» ст. 71); «единая система публичной власти» (ч. 2 ст. 80, ч. 3 ст. 132); «органы публичной власти» (п. е5 ст. 83); «осуществление публичной власти» (ч. 3 ст. 131). Системообразующим для всех перечисленных понятий является дефиниция публичной власти. Рассмотрим предметно эти категории.

В лексическом значении власть понимается как право и возможность распоряжаться кем-нибудь или чем-нибудь, подчинять своей воле; политическое господство, государственное управление и его органы, а также лица, облеченные правительственными, административными полномочиями [10, с. 86].

Государство и власть – это неразрывные понятия. Власть является одним из основных признаков государства, которое по сути яв-

ляется организацией власти на ограниченной территории. Власть в этом случае становится государственной.

А.В. Малько рассматривает государственную власть как разновидность власти социальной и понимает под ней публично-политическое отношение господства и подчинения между субъектами, опирающееся на государственное принуждение [7, с. 49]. Из всех известных видов власти автор в основном оперирует понятиями власти социальной и власти политической, неразрывно связывая с последней власть государственную. Данная триада власти – социальной, политической, государственной – долгое время доминировала в исследованиях, посвященных вопросам управления коллективом, обществом, установления иерархии, порядка взаимоотношений его субъектов, форм, методов и оснований подобного управления.

Публичная власть для отечественной государственно-правовой науки является понятием относительно новым и малоисследованным (в сравнении с властью государственной или политической). До конституционной реформы 2020 г. она рассматривалась преимущественно в качестве связующего понятия между органами государственной власти и органами местного самоуправления. И именно эта модель, основы которой были заложены в решениях Конституционного Суда РФ и развиты в трудах отечественных ученых-конституционалистов, лежит в основе конституционных изменений [подр.: 8, с. 129-130].

Даже государственно-правовой терминологический словарь в отношении понятия публичной власти отсылает нас к статьям о народовласти и политической власти [2, с. 548]. При этом понятие публичной власти предлагается в его самом широком понимании как власти народа, реализуемой в трех формах: власти государственной, власти общественной и смешанной общественно-государственной форме в виде власти местного самоуправления [2, с. 445-446]. При раскрытии дефиниции политической власти отмечается, что ее также называют публичной властью, исходя из того, что она осуществляется

1 Собрание законодательства РФ. 2020. N 11. Ст. 1416.

в обществе и адресована широким массам членов общества (т.е. публично) [10, с. 490].

После поправок 2020 г. конституционное закрепление получили понятия организации, системы, осуществления, а также органов публичной власти. Дефиниция публичной власти из научной в нормативную и прикладную сферы не последовала. Равно как мы не встретим в законе понятия государственной, муниципальной, политической, корпоративной, общественной, надгосударственной, общинной и любой другой власти.

Собственно, что есть власть без ее носителя. Если некому подчиняться, то и отсутствует и власть. Именно поэтому от установления субъектов – носителей публичной власти согласно обновленному конституционному тексту зависит современное понимание публичной власти, а с ним ее организации, системы и осуществления. Методологически подобное ее познание осуществляется от субъекта, данной властью наделенного и уполномоченного на ее осуществление. Многонациональный народ является единственным источником публичной власти, и этот факт не подлежит никакому сомнению, но вот перечень субъектов, уполномоченных на ее осуществление, – носителей публичной власти – требует предметного изучения.

Для этого нужно лучше понимать цель, которую законодатель преследовал при включении соответствующих положений в конституционный текст. То ли она заключается в создании универсальной формулы – условной суммы двух конституционно обособленных переменных: государственной и муниципальной власти, особой конструкции, которая, не нарушая основ конституционного строя, позволяет в качестве воображаемой надстройки объединить эти два уровня в понятие единой системы публичной власти. То ли новые конституционные положения о публичной власти предполагают концептуальное изменение устоявшихся подходов, возникновение новых субъектов – носителей публичной власти, ранее российской Конституции не известных.

Отсюда можно рассматривать как минимум два подхода к пониманию системы публичной власти. Один – представительный или ограничительный, который предполагает понимание системы публичной власти как системы субъектов, ее осуществляющих, второй – комплексный или расширительный, рассматривающий публичную власть во всех ее проявлениях в непосредственных и представительных формах.

Непосредственными формами А.А. Югов называет институты публичной власти – способы осуществления народовластия, когда участники общественной жизни сами определяют правила совместной жизни, это референдум, выборы, общероссийское голосование. К представительным формам он относит органы публичной власти [17, с. 4-5].

Представительный подход к пониманию публичной власти реализован в ч. 3 ст. 132 Конституции РФ, согласно которой органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации. Как было отмечено, в данном случае публичная власть используется в качестве интегративного понятия, соединяя два конституционно независимых уровня власти в единую систему. Такое решение по прошествии практически 30 лет формальной независимости органов местного самоуправления от органов государственной власти, попытки создания идеальной модели местного самоуправления, которая в итоге себя не оправдала [подр.: 5, с. 88], видится вполне закономерным. Кроме того, конституционная формула «входят в единую систему публичной власти» предполагает возможность наличия в ней и иных элементов, иначе был бы использован термин «образуют».

Дальнейшее развитие законодательства пока основывается на представительном подходе к пониманию публичной власти и ее системы. Такое ограничительное ее определение закреплено в ст. 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. N 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»²

2 Собрание законодательства РФ. 2020. N 50 (ч. III). Ст. 8039.

(далее – закон о Государственном Совете). Под единой системой публичной власти в ней понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности.

Согласно закону данные органы образуют единую систему публичной власти не безусловно, а только в том случае, когда осуществляют организационно-правовое, функциональное и финансово-бюджетное взаимодействие, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, а также свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства.

Разумеется, такое уточнение можно было бы в закон не включать, поскольку перечисленные условия являют собой нормальное функционирование указанных органов. Основной конституционной целью их деятельности является обеспечение прав и свобод человека и гражданина и, значит, подобное уточнение какой-либо правоприменительной нагрузки не несет, но в идейном плане дополнительно указывает на связь субъектов, публичную власть осуществляющих с народом, ее делегировавшим.

Еще одно закрепленное в законе условие, при котором указанные органы образуют единую систему публичной власти, – их деятельность и взаимодействие должны осуществляться в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования. Данное уточнение также не привносит никаких новых положений и, по сути, дублирует положения Конституции РФ, в частности ч. 2 ст. 80.

Таким образом, основная смысловая нагрузка ст. 2 закона о Государственном Совете заключается в нормативном определении единой системы публичной власти как совокупности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и органов

местного самоуправления. Это закрытый перечень, не допускающий вхождение в единую систему публичной власти иных органов или институтов, что полностью соответствует представительному подходу к пониманию публичной власти.

Как отметил в заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» высший орган конституционного контроля, принцип единой системы публичной власти хотя и не нашел буквального закрепления в главе 1 Конституции РФ, вместе с тем имплицитно следует из ряда конституционных положений во взаимосвязи с установлением общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления³.

Среди указанных Конституционным Судом РФ конституционных положений основным, на наш взгляд, является положение о единственном источнике власти – многонациональном народе Российской Федерации, являющемся носителем суверенитета, который распространяется на всю территорию России, и осуществляющем свою власть непосредственно и через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Таким образом, единство системы публичной власти обосновывается ее единым источником. Происходя от народа, публичная власть может осуществляться через различные органы или иные публичные институты, но, как разные рукава одной реки или ветви одного дерева, она всегда будет единой – исходящей из одного начала.

И несмотря на то, как соотносятся данные институты (органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной

3 Собрание законодательства РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

власти, общественные объединения отделены от государства), способ осуществления власти народа – публичной власти, форма, при помощи которой она осуществляется, не может подменить ее сущность, как и форма сосуда не может изменить свойства воды.

Единство публичной власти на основе представительного подхода к ее пониманию выражается в том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления. Это, несомненно, предполагает согласованное действие различных уровней публичной власти как единого целого во благо граждан.

Конституционный Суд РФ видит в единстве системы публичной власти прежде всего функциональное единство, которое, в свою очередь, не исключает организационного взаимодействия⁴. Представительные институты, имея один источник власти – многонациональный народ, единые цели – признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, на основе функционального единства образуют единую систему публичной власти в Российской Федерации. В этом состоит сущность представительного подхода к ее пониманию.

Но все ли исследователи соглашаются с подобным представительным подходом. Вероятно, нет.

Справедливый вопрос задает А.Н. Чертков: «Можно ли поставить знак равенства между публичной властью и системой ее органов?», на который предлагает единственно возможный ответ: «Очевидно, что нельзя, поскольку народ осуществляет власть не только через представителей в лице органов публичной власти, но и непосредственно» [9, с. 48].

К сожалению, мы отмечаем, что в законодательстве продолжает планомерно развиваться теория, согласно которой носителями публичной власти признаются только государственные органы (включая органы государственной власти) и органы местного самоуправления. К этому выводу неизбежно

приводит буквальное толкование положений Конституции РФ и закона о Государственном совете.

Данную тенденцию очень хорошо описывает С.А. Авакьян: «Во-первых, государственная власть с момента своего зарождения сразу превратилась во власть государственных органов; во-вторых, она допускает лишь малую толику участия народа в осуществлении публичной власти». И действительно, продолжающаяся конституционная реформа доказывает неизменность следования подобной установке. Ее сущностное наполнение заключается в том, что, сформировав органы публичной власти, народ тем самым наделяет их дальнейшим правом на ее осуществление. Далее единая система публичной власти функционирует уже без его непосредственного участия.

Следование названному подходу очевидно и в решениях Конституционного Суда РФ. Проведя анализ его правовых позиций, Д.Г. Шустров отмечает, что в них выделяются только такие уровни публичной власти, как государственная власть, которая в силу федеративной природы государства подразделяется на государственную власть Российской Федерации и государственную власть субъектов Российской Федерации, а также муниципальную власть [11, с. 358].

Вместе с тем многими исследователями справедливо отмечается, что публичная власть есть особая власть, не совпадающая по объему с властью государственной [18, с. 12]. И не только за счет власти, осуществляемой органами местного самоуправления. Наряду с перечисленными двумя компонентами публичной власти в юридической науке выделяют и третий – власть общественную.

С.А. Авакьян называет это организационными формами публичной власти: 1) государственная власть; 2) общественная власть; 3) власть местного самоуправления [11, с. 59]. Как он справедливо отмечает, представление о публичной власти как широком явлении, основа которого – принадлежность всей полноты власти народу и ее осуществление в трех названных формах для науки кон-

4 Собрание законодательства РФ. 2020. N 12. Ст. 1855.

ституционного права является устойчивым [3, с. 7].

К форме общественной публичной власти относят и территориальные публичные коллективы, такие как территориальная автономия или общинное публично-правовое образование коренного малочисленного народа [14 с. 12] или их подвижные родовые общины [12, с. 15-16]. Данный вид публичной власти еще именуется общинно-родовым [12, с. 26].

Наряду с тремя перечисленными некоторые исследователи к названным компонентам публичной власти добавляют еще и надгосударственную или международно-правовую публичную власть [15, с. 5-8].

Как отмечает В.Е. Чиркин, к объединениям, обладающим публичной властью, относится прежде всего мировое сообщество государств. От его имени такую власть осуществляют органы ООН, и главным образом Совет Безопасности. Иногда публичную власть могут применять международные региональные организации, их органы. По своей природе это производная от государственной публичная политическая власть международного характера [13, с. 11-12]. Таким образом, в юридической науке наряду с органами публичной государственной власти, органами публичной муниципальной власти, органами публичной общественной власти выделяются и органы публичной международно-правовой власти [16, с. 4].

С явлением международно-правовой власти не соглашается А.Н. Чертков, поскольку человечество не представляет территориального публичного коллектива. По его мнению, справедливо говорить лишь о наднациональном уровне правового регулирования, но не о публичной власти [9, с. 51]. Представляется, что в отношении единой системы публичной власти сегодня с таким тезисом следует согласиться.

Мы не отрицаем наличия публичной власти у наднациональных организаций и их органов, но и говорить о возможном их вхождении в единую национальную систему публичной власти пока преждевременно. Они реализуют публичную власть вне национальной правовой системы и не наделены ею

народом непосредственно. Публичная власть для таких организаций имеет производный характер, поскольку они формируются наделенными властью своего народа государственными органами отдельных государств.

В итоге получается, что и в отношении представительного подхода к пониманию единой системы публичной власти нет однозначности. Из всех известных носителей публичной власти только два не подвергаются никакому сомнению. В.В. Комарова называет их двумя разновидностями единой публичной власти народа в Российской Федерации – государственная власть и муниципальная власть, для которых вынесение на конституционный уровень термина «публичная власть» означает создание механизмов единства публичной власти как закрепление достигнутого и желание дополнительной защиты, имеющейся для норм Конституции России [6, с. 26]. Поэтому справедливо говорить о двух основных составляющих публичной власти – государственной власти и муниципальной власти [подр.: 4, с. 24].

На данную модель указывает Конституция РФ, она же закреплена в законе о Государственном Совете. Но, возвращаясь к формулировке ч. 3 ст. 132 Конституции РФ о вхождении в единую систему публичной власти органов государственной власти и органов местного самоуправления, нельзя забывать про третий элемент единой системы публичной власти – общественные объединения, включая, например, политические партии. Они также являются субъектом, носителем публичной власти

Думается, что дальнейшее развитие представительного подхода к пониманию единой системы публичной власти в Российской Федерации должно осуществляться по пути поиска и научного обоснования участия третьего элемента – общественной власти – в ее единой системе.

Да, ч. 2 ст. 3 Конституции РФ прямо не предусматривает такой возможности: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». Но ведь и органы публичной власти здесь не по-

именованы. Тогда как Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. N 437-ФЗ «О федеральной территории "Сириус"»⁵ устанавливает систему органов публичной власти федеральной территории «Сириус», которые и не органы государственной власти, и не органы местного самоуправления, а именно органы публичной власти федеральной территории.

В п. 1 ст. 67 Конституции РФ сказано об организации публичной власти на федеральных территориях, упоминание об органах публичной власти федеральной территории в конституционном тексте не обнаружим. Такой формат закреплен уже в федеральном законе.

Так и с общественными объединениями. Их участие в единой системе публичной власти может быть закреплено в федеральном законе. Их право быть частью данной системы косвенно заложено в основах конституционного строя. Согласно ч. 2 ст. 15 Конституции РФ органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы. Объединения граждан в данном случае находятся в одном перечне с органами государственной власти и органами местного самоуправления. Поэтому нормативное их исключение из понятия и самой системы публичной власти видится необоснованным.

Таким образом, реализованный в российском законодательстве представительный подход к пониманию единой системы публичной власти лишь отчасти соответствует доктринальным представлениям о публичной власти в ее представительном понимании, он не в полной мере отвечает идеям, заложенным в Конституции РФ. Исключение общественных объединений из числа субъектов, участвующих в реализации публичной власти, и из институтов, входящих в единую систему публичной власти, не отвечает

принципам демократического государства. Участие таких формирований в осуществлении публичной власти наряду с органами государственной власти, органами публичной власти и органами местного самоуправления может осуществляться на основе принципов, обосновывающих по мнению Конституционного Суда РФ, единство публичной власти, в форме участия общественных объединений в деятельности по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, созданию условий для социально-экономического развития государства.

Для этого возможно также законодательно предусмотреть участие общественных объединений в работе Государственного Совета Российской Федерации. Они там есть и сейчас, например, председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Российского союза промышленников и предпринимателей, но в качестве иных членов, включенных в его состав по решению Президента РФ, тогда как такое участие можно бы предусмотреть в законе о Государственном совете. В этом случае их участие в качестве представителей одного из элементов публичной власти – общественных объединений стало бы обязательным, а не по приглашению (усмотрению).

Таким образом, в современных условиях реализованный в отечественном законодательстве представительный подход к пониманию единой системы публичной власти полностью соответствует удачно замеченной С.А. Авакьяном тенденции: «У народа есть только одна возможность – избирать некоторые из органов публичной власти, иных путей влияния на власть или же участия в ней реально нет» [1, с. 29]. Конституция Российской Федерации (в ред. 2020 г.) такие возможности предоставляет, однако их практическая реализация, видимо, в перспективе. Остается надеяться, что в обозримой.

5 Собрание законодательства РФ. 2020. N 52 (ч. I). Ст. 8583.

Библиографический список

1. Авакьян, С.А. Конституционализм и публичная власть: концепции и перспективы / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – N 11. – С. 27-30.
2. Авакьян, С.А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь / С.А. Авакьян. – М.: Юстицинформ, 2015. – 640 с.
3. Авакьян, С.А. Структура публичной власти в России: проблемы формирования и развития / С.А. Авакьян // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – N 4. – С. 7-13.
4. Безруков, А.В. Государственная и муниципальная власть в системе единой публичной власти России / А.В. Безруков // Государственная власть и местное самоуправление. – 2015. – N 6. – С. 23-28.
5. Кожевников, О.А. Участие высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в муниципальных правоотношениях / О.А. Кожевников, А.Н. Мещеряков // Правоприменение. – 2020. – Т. 4. – N 3. – С. 86-102.
6. Комарова, В.В. Конституционная реформа 2020 г. в России (некоторые аспекты) / В.В. Комарова // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – N 8. – С. 22-31.
7. Матузов, Н.И. Теория государства и права : учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2001. – 512 с.
8. Мещеряков, А.Н. Формирование концепции единой системы публичной власти в отечественном конституционном праве / А.Н. Мещеряков, А.В. Безруков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – N 4. – С. 124-130.
9. Народовластие как конституционная ценность: правовое регулирование и гарантии реализации / отв. ред. В.А. Виноградов, А.А. Ларичев. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 229 с.
10. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. / С.И. Ожегов, Н.Ю, Шведова. – М.: ООО «А темп», 2006. – 944 с.
11. Современные проблемы организации публичной власти : монография / отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Юстицинформ, 2014. – 596 с.
12. Чиркин, В.Е. Народовластие и система органов публичной власти / В.Е. Чиркин // Российское государствоведение. – 2014. – N 2. – С. 13-27.
13. Чиркин, В.Е. О публичной власти (постановка проблемы) / В.Е. Чиркин // Государство и право. – 2003. – N 10. – С. 8-15.
14. Чиркин, В.Е. Публичная власть в современном обществе / В.Е. Чиркин // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – N 4. – С. 12-15.
15. Югов, А.А. Единство и дифференциация публичной власти: система разделения властей / А.А. Югов // Российская юстиция. – 2017. – N 9. – С. 5-8.
16. Югов, А.А. Органы публичной власти в свете конституционной реформы – 2020: понятие и основные признаки / А.А. Югов // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – N 6. – С. 3-9.
17. Югов, А.А. Органы публичной власти по законодательству России : электронная монография / А.А. Югов. – Казань: Бук, 2021. – 122 с.
18. Югов, А.А. Правовые основы публичной власти в Российской Федерации / А.А. Югов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. акад., 1999. – 121 с.

УДК 343.2/7

Юрий Анатольевич ОГАРЬ,

преподаватель кафедры конституционного
и международного права Санкт-Петербургского
университета МВД России

yuriyogar@yandex.ru

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И НАЧАЛО УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS AND INITIATION OF CRIMINAL PROSECUTION: PROBLEMS OF CORRELATION

В статье исследуются проблемы соотношения возбуждения уголовного дела и начала уголовного преследования, их понятие, сущность и значение, цели и основания их разграничения, предпосылки к их интеграции. Автор предлагает сосредоточить внимание на вопросе необходимости не столько стадии возбуждения уголовного дела, сколько осуществления процессуальной деятельности до начала уголовного преследования, то есть до появления в деле стороны защиты.

The article examines the problems of the correlation between the initiation of criminal proceedings and the initiation of criminal prosecution, their concept, essence and meaning, goals and grounds for their differentiation, prerequisites for their integration. The author suggests to focus on the issue of the need not so much for the stage of initiation of a criminal case, as for the implementation of procedural activities before the start of criminal prosecution, that is, before the appearance of the defense in the case.

Ключевые слова: уголовный процесс, возбуждение уголовного дела, начало уголовного преследования.

Keywords: criminal proceedings, initiation of criminal proceedings, initiation of prosecution.

Институты уголовного дела и уголовного преследования в уголовном процессе занимают особое место и обособленно подвергаются тщательному анализу со стороны ученых и практиков в области уголовно-процессуального права. Именно с моментом возбуждения уголовного дела в настоящее время законодатель связывает начало процессуальной деятельности по доказыванию, уголовному преследованию, с этого момента орган дознания, следователь получает возможность проведения всего спектра предусмотренных законом процессуальных действий, применения мер процессуального принуждения в порядке, установленном действующим уголовно-процессуальным за-

коном. Формирование понятий «уголовное дело» и «уголовное преследование» происходило на фоне формирования начальной стадии уголовного судопроизводства. Соотношение данных понятий в разные периоды исторического развития уголовно-процессуального права существенным образом менялось от признания тождественности данных понятий до исключения из употребления понятия уголовного преследования в уголовно-процессуальном законе. Представляется, что причины таких изменений следует искать в тех целях, которые законодатель ставил перед уголовным судопроизводством на различных исторических этапах.

Составители Устава уголовного судопроизводства 1864 г. в пояснительной записке к нему определили цель уголовного процесса как обнаружение материальной истины и наказание действительно виновного в совершении преступления или проступка [5, с. 43].

Исходя из этого, принятие Устава уголовного судопроизводства действительно представляется большим достижением в деле построения уголовного процесса не как карающего государственного органа, а как достаточно «деликатного» инструмента, позволяющего государству в лице уполномоченных органов восстановить социальную справедливость. В качестве недостатка можно выделить тот факт, что составители никаким образом не указали на необходимость восстановления нарушенного права потерпевшего от преступления лица, ограничившись лишь необходимостью установления действительных обстоятельств совершенного деяния и действительной виновности лица в совершенном преступлении, однако данный пробел требует рассмотрения в рамках отдельного исследования.

УПК РСФСР 1922 г., УПК РСФСР 1923 г., равно как и Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных республик 1924 г., вовсе не содержат положений о целях и задачах уголовного судопроизводства.

Статья 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. формулирует следующие задачи и цели: «Задачами советского уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, прав и свобод граждан, воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции СССР и

советских законов, уважения правил социалистического общежития».

Статья 2 УПК РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) формулирует цели и задачи совершенно аналогично.

Такой формулировкой целей и задач уголовного судопроизводства законодатель характеризует уголовное преследование как единственную основополагающую форму уголовно-процессуальной деятельности, поскольку уголовное судопроизводство без осуществления уголовного преследования теряет какой-либо смысл. При таком подходе вполне закономерно выглядит естественное формирование отдельной самостоятельной стадии уголовного процесса, в ходе которой необходимо предварительно установить наличие события и состава преступления. Установление данных фактов и является основанием для начала следующего этапа уголовно-процессуальной деятельности, основной задачей которого является установление лица, совершившего преступление, и доказательство того, что данное преступление совершило именно оно. До подтверждения факта преступления пускать в ход всю мощь государственного аппарата по реализации норм уголовно-процессуального права просто нецелесообразно.

В ч. 1 ст. 6 УПК РФ назначение уголовного судопроизводства сформулировано как «защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод». Такая двуединая цель уже предполагает, что уголовное судопроизводство осуществляется не только и не столько для изобличения виновного лица, для назначения справедливого наказания, но и прямо в противоположных целях – для непривлечения невиновного лица к уголовной ответственности. При такой постановке цели уголовное преследование хотя и остается в высшей степени важной формой уголовного судопроизводства, однако уже не единственной.

Таким образом принятие решение о возбуждении уголовного дела не может однозначно гарантировать наличие преступления.

В связи с этим вполне закономерно выглядит возросшее внимание ученых и правоприменителей к целесообразности такого процессуального решения, как возбуждение уголовного дела в современном его понимании, а равно к присутствию самой стадии возбуждения уголовного дела в структуре уголовного процесса. Одними учеными ставится под сомнение необходимость ее наличия, другие выступают за ее сохранение в уголовном процессе, ряд ученых полагают, что данная стадия уголовного процесса должна быть сохранена, но изменению подлежат порядок и пределы осуществления процессуальной деятельности в ее рамках [7, с. 36]. Вопрос соотношения понятий возбуждения уголовного дела и начала уголовного преследования при современной модели построения уголовного процесса также требует дополнительного осмысления.

Вопросы, связанные с институтом уголовного преследования, все прочнее занимают место в научных дискуссиях. Актуальность рассматриваемых институтов уголовно-процессуального права обусловлена изменением в конце прошлого века государственной правовой концепции, закрепленной Конституцией РФ, признанием примата прав человека и гражданина перед интересами государства и общества, что неизбежно повлекло необходимость приведения норм отраслевого законодательства в соответствие с новыми конституционными нормами и принципами.

Для уяснения сущности возбуждения уголовного дела следовало бы разобраться с тем, что понимается под уголовным делом. Нормативно закрепленного понятия уголовного дела в законодательстве мы не находим, вместе с тем большинство авторов понимают под уголовным делом уголовно-процессуальную деятельность. В качестве примера можно привести понятие, предложенное В.И. Никандровым, который под уголовным делом понимает «процессуальную деятельность лица, осуществляющего производство по конкретному факту действительно имевшего место или предполагаемого преступления» [4, с. 3]. В законодательстве и правоприменительной документации часто можно

встретить такие формулировки, как «производство по уголовному делу», «уголовное дело приостановить производством».

Таким образом, уголовное дело по своей сути есть не что иное, как уголовное судопроизводство, уголовный процесс, включая и стадию возбуждения уголовного дела. При таком значении уголовного дела современная стадия возбуждения уголовного дела выглядит несколько нелогично, поскольку при получении сообщения о преступлении уполномоченное должностное лицо в любом случае обязано провести соответствующую проверку в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, и принять по ее результатам решение, также предусмотренное уголовно-процессуальным законом. Если предположить, что к уголовному делу относится только деятельность после установления события преступления и необходимых признаков состава преступления, то становится не понятно, к чему отнести деятельность уполномоченных лиц с момента получения сообщения о преступлении до момента возбуждения уголовного дела.

В науке уголовно-процессуального права термин «возбуждение уголовного дела» имеет несколько значений:

– юридический акт – процессуальное решение уполномоченного должностного лица, вынесенное в форме постановления и констатирующее, что в ходе проверки сообщения о преступлении (надлежащего повода) были получены сведения, в достаточной мере подтверждающие наличие признаков конкретного преступления;

– процессуальный институт, представляющий собой совокупность уголовно-процессуальных норм, регулирующих порядок осуществления деятельности соответствующих субъектов по принятию, проверке и разрешению сообщений о преступлениях;

– стадия уголовного процесса – начальный этап уголовного процесса, имеющий специфические задачи, средства, круг участников, сроки, процессуальные решения;

– «регламентированная законом деятельность уполномоченных органов и должностных лиц, направленная на прием, регистра-

цию, проверку и разрешение поступивших сообщений о преступлениях» [6, с. 5].

Возбуждение уголовного дела характеризуется наличием цели, совокупности средств, участников, временным ограничением, необходимостью принятия итогового процессуального решения.

Ключевым признаком стадии возбуждения уголовного дела представляется ее цель. Учитывая двуединую цель уголовного судопроизводства, цель стадии возбуждения уголовного дела можно представить как установление достаточных данных, указывающих на признаки преступления либо на отсутствие таких признаков. Однако не является секретом, что принятие решения о возбуждении уголовного дела не является гарантией того, что действительно в исследуемом деянии имеет место событие преступления и содержатся необходимые признаки состава преступления, равно как и решение об отказе в возбуждении уголовного дела не гарантирует их отсутствия в исследуемом деянии. Таким образом, наличие данной стадии в структуре уголовного судопроизводства не гарантирует достижения цели, ради которой эта стадия существует. А тот факт, что закон предоставляет возможность при наличии необходимых оснований прекратить уголовное дело на любой стадии (кроме стадии исполнения приговора и надзорного производства), сводит целесообразность данной стадии к минимуму.

Принятию процессуального решения о возбуждении уголовного дела предшествует уголовно-процессуальная деятельность, основной задачей которой является установление события преступления и признаков состава преступления. В ходе осуществления данной деятельности исследуются и оцениваются сведения на предмет их достаточности. Постановление о возбуждении уголовного дела является своего рода итогом проведенной деятельности, в ходе которой было установлено событие преступления и наличие необходимых признаков состава преступления.

Стадия возбуждения уголовного дела имеет довольно строгие временные ограничения. Часть 1 ст. 144 УПК РФ обязывает должностное лицо, проводящее проверку

сообщения о преступлении, не позднее трех суток с момента получения сообщения принять по нему решение. При необходимости данный срок может быть продлен руководителем следственного органа или начальником органа дознания до 10 суток, и для проведения мероприятий, прямо предусмотренных законом, начальник следственного органа или прокурор могут продлить этот срок до 30 суток. Дальнейшее продление срока проверки сообщения о преступлении не предусмотрено. Нередко по объективным и субъективным причинам в установленный законом срок достаточные данные, указывающие на признаки преступления либо на их отсутствие, получить не удается. Порядок процессуальных действий на этот случай действующий уголовно-процессуальный закон не предусмотрел, поэтому на практике лицу, производящему проверку сообщения о преступлении, остается два пути решения данной коллизии: принять решение о возбуждении уголовного дела и продолжать проверку в рамках предварительного расследования; принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела, заведомо рассчитывая, что данное решение будет отменено в порядке ведомственного либо прокурорского надзора. Правомерность обоих вариантов решения при указанных обстоятельствах вызывает сильные сомнения.

Участников процесса на данной стадии можно условно разделить на следующие группы: субъекты проведения проверки – обязательные участники: орган дознания, дознаватель, следователь, начальник органа дознания, руководитель следственного органа; как субъекты контрольно-надзорной деятельности: суд, прокурор (прокурор – обязательный участник, суд – при наличии ходатайств, жалоб, заявлений от других участников процесса); иные участники (участие данных лиц на данной стадии уголовного процесса зависит от обстоятельств каждого конкретного дела): защитник, эксперт, специалист, переводчик, понятой, заявитель, свидетель.

При этом следует сразу оговориться, что до возбуждения уголовного дела процессуальный статус таких участников, как заявитель

или свидетель, имеет крайне неопределенный характер, и выделяются они в большей степени в связи с необходимостью их выделения, чем в соответствии с положениями законодательства. Так, понятие и процессуальный статус заявителя законодатель не раскрывает, основанием для его нахождения в составе участников уголовного процесса на стадии возбуждения уголовного дела объясняется упоминанием о нем в ст. 144 УПК РФ как о лице, подавшем заявление о преступлении, и обязанности лица, проводившего проверки сообщения о преступлении, уведомить заявителя о решении принятом по результатам такой проверки. Что же касается свидетеля, то в соответствии с ч. 1 ст. 56 УПК РФ «свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний, за исключением случаев, предусмотренных частью третьей настоящей статьи». Соответственно, после возбуждения уголовного дела такое лицо получает статус свидетеля со всеми вытекающими из данного статуса правами и обязанностями; до возбуждения уголовного дела то же лицо, располагающее теми же сведениями, статуса свидетеля не имеет. Именно поэтому объяснения, полученные от таких лиц на стадии возбуждения уголовного дела, часто не признаются доказательствами по уголовному делу, хотя на основании содержащихся в них сведений лицо, производящее проверку сообщения о преступлении, принимает решение о достаточности данных, указывающих на признаки преступления.

К процессуальным средствам стадии возбуждения уголовного дела относится совокупность предусмотренных уголовно-процессуальным законом действий, осуществляя которые участники данной стадии процесса получают данные, свидетельствующие в той или иной степени о наличии или отсутствии признаков преступления в исследуемом деянии. Перечень таких процессуальных действий довольно ограничен (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), что должно препятствовать нарушениям прав, свобод и законных интересов граждан.

В условиях действия современной конституционно-правовой модели, когда человек и его права и свободы объявлены высшей ценностью, большинство изложенных тезисов теряют актуальность. Представляется, что ущерб охране прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, интересам общества и государства наносят не сами по себе своевременные или несвоевременные, обоснованные или необоснованные решения о возбуждении уголовного дела либо отказе в его возбуждении. Ущерб причиняется тем правовым воздействием, которое осуществляет или не осуществляет соответствующий участник уголовного процесса. Процессуальной деятельностью становится не потому, что принято решение о возбуждении уголовного дела, а потому, что эта деятельность осуществляется на основаниях и в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, независимо от решения о возбуждении уголовного дела.

Под уголовным преследованием УПК РФ понимает «процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления» (п. 55 ст. 5 УПК РФ).

Кроме того, уголовное преследование в науке уголовно-процессуального права также имеет несколько значений:

- уголовное преследование как самостоятельная функция уголовного судопроизводства [2, с. 7];
- уголовное преследование как процессуальный институт [11, с. 7];
- уголовное преследование как цель уголовного судопроизводства [10, с. 12];
- уголовное преследование как начальная стадия обвинения [8, с. 27].

Уголовное преследование также характеризуется наличием специфической цели, совокупности процессуальных средств, участников, необходимостью принятия итогового процессуального решения, однако не имеет временного ограничения.

Целью уголовного преследования является изобличение лица, совершившего преступление. Исходя из значения слова

«изобличать», к преступному деянию представляется обоснованным применять его в значении «доказывать, обнаруживать доказательство совершения лицом преступного деяния». В связи с этим деятельность по изобличению подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления можно охарактеризовать как деятельность по доказыванию совершения подозреваемым, обвиняемым преступления.

К субъектам уголовного преследования законодатель относит участников уголовного судопроизводства, выступающих на стороне обвинения. Вместе с тем объем полномочий по осуществлению уголовного преследования у каждого субъекта существенно отличается. Кроме того, если прокурор, следователь, дознаватель, орган дознания обязаны осуществлять уголовное преследование (ч. 2 ст. 21 УПК РФ), то потерпевший (представитель потерпевшего) вправе содействовать осуществлению уголовного преследования, а процессуальные возможности гражданского истца (представителя гражданского истца) по осуществлению уголовного преследования законом не предусмотрены вовсе. Представляется, что, относя всех участников со стороны обвинения к субъектам уголовного преследования, законодатель имел в виду возможность реализации ими обвинительной функции, которая также называется функцией уголовного преследования. В таком случае имеет место пример не вполне удачного употребления одного термина в разных значениях.

Следует обратить внимание на то, что и проверку сообщения о преступлении, и уголовное преследование осуществляют следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, орган дознания. Между тем, как уже ранее было указано, целью стадии возбуждения уголовного дела является установление достаточных данных, указывающих на признаки преступления либо на их отсутствие. Уголовное преследование же реализует функцию сугубо обвинительную. Реализация одним и тем же лицом двух и более функций не может не отражаться на объек-

тивности уголовно-процессуальной деятельности.

Хотелось бы также обратить внимание, что уголовное преследование осуществляется по факту совершения одного конкретного преступления и в отношении конкретного лица. При подозрении, что одно и то же лицо совершило несколько преступлений, уголовное преследование осуществляется индивидуально по каждому отдельному преступлению. В то же время при совершении одного преступления несколькими лицами уголовное преследование осуществляется в отношении каждого из них индивидуально при том, что уголовное дело возбуждается одно по каждому факту преступления, независимо от того, сколько лиц подозревается в его совершении.

Отдельного разговора заслуживает и момент начала уголовного преследования. Если о моменте возбуждения уголовного дела сигнализирует вынесение уполномоченным лицом постановления о возбуждении уголовного дела на основании полученных в ходе проверки достаточных данных, указывающих на признаки преступления, то момент начала уголовного преследования законодателем никак прямо не обозначен. Данный факт в очередной раз свидетельствует о том, что ранее понятия уголовного дела и уголовного преследования считались тождественными.

Так, М.А. Чельцов связывал возбуждение уголовного преследования с началом уголовного процесса: «Фактическим началом процесса и является возбуждение уголовного преследования. Понимая под ним процессуальное решение в виде постановления соответствующего государственного органа, в котором устанавливается наличие в том или ином событии признаков уголовного преступления и принимается решение о его начале. В этот начальный момент объектом уголовного преследования не обязательно должно являться индивидуально определенное лицо (оно может быть неизвестно), а всякий предполагаемый совершитель преступления» [10, с. 348].

В настоящее время отсутствие процессуального решения о начале уголовного пре-

следования представляется не вполне логичным. Законодатель допускает возможность прекращения уголовного преследования (ст. 25.1, 27, 28, 28.1 УПК РФ) без необходимости прекращения уголовного дела при этом, однако прекращение уголовного дела одновременно влечет за собой и прекращение уголовного преследования (ч. 3 ст. 24 УПК РФ), исключая таким образом возможность осуществления уголовного преследования при отсутствии возбужденного уголовного дела. Получается, что при прекращении уголовного преследования в отношении всех имевшихся подозреваемых производство по уголовному делу осуществляется без осуществления уголовного преследования. При установлении лица, подозреваемого в совершении преступления, у правоприменителя отсутствует возможность обозначить, что в отношении данного лица начато уголовное преследование; кроме того, как задержать его в порядке, установленном ст. 91 УПК РФ либо избрать в отношении него меру пресечения? При отсутствии для этого оснований по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, у правоприменителя остается только один выход – предъявить такому лицу обвинение, минуя стадию подозреваемого, что, в свою очередь, ограничивает возможность такого лица на реализацию своего права на защиту. При производстве предварительного расследования в форме дознания такой проблемы нет, так как предусмотрена возможность уведомить такое лицо о подозрении.

По мнению К.С. Агабекова, «началом уголовного преследования является момент осуществления следственных и иных процессуальных действий и принятия процессуальных решений участниками досудебного производства со стороны обвинения, содержание которых дает основание лицу полагать, что в отношении него осуществляется проверка на причастность его к совершению преступления. Данный факт признается вне зависимости от наличия у этого лица определенного процессуального статуса и в любой стадии реализации уголовно-процессуальных отношений» [1, с. 18]. Согласиться с данным

мнением не позволяет тот факт, что этот критерий носит субъективный характер и не всегда может соответствовать действительному положению дел.

По мнению автора, началу уголовного преследования должна предшествовать регламентированная уголовно-процессуальным законом деятельность, позволяющая сформировать у субъекта этой деятельности достаточные данные, чтобы подозревать лицо в совершении преступления. Наличие таких данных и должно являться основанием начала уголовного преследования, о чем лицо должно быть надлежащим образом уведомлено. Поскольку такое лицо подвергается определенному процессуальному воздействию в связи с подозрением его в причастности к совершению преступления (применение мер принуждения, доставление в орган дознания, ограничение свободы) до принятия решения о возбуждении уголовного дела, то и возможность официального уведомления такого лица, должна быть предусмотрена независимо от возбуждения уголовного дела.

Подводя итог, следует отметить, что с закреплением в уголовно-процессуальном законе возможности возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, а не только по факту совершения преступления, наметилась тенденция к размытию границ между понятиями «возбуждение уголовного дела» и «начало уголовного преследования», которая усиливается с расширением перечня следственных действий, допускаемых до возбуждения уголовного дела. Вместе с тем в современных условиях, когда человек и его права объявлены высшей ценностью, реализация назначения уголовного судопроизводства требует большего внимания к процедуре уголовного преследования как началу обвинительной деятельности государства в отношении конкретного человека. Принятие решения о возбуждении уголовного дела по результатам уже проведенной уголовно-процессуальной деятельности представляется не вполне целесообразным. В большей степени отвечающим требованиям реализации принципа состязательности уголовного процесса в современных условиях представляется мо-

мент начала уголовного преследования, который приобретает более принципиальное значение в качестве основания применения всего арсенала процессуальных действий,

предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством для достижения цели уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Агабеков, К.С. О начале уголовного преследования в условиях охранительного правосудия / К.С. Агабеков // Мировой судья. – 2019. – N 1. – С. 14-18.
2. Ильин, С.И. Уголовное преследование в досудебном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 24 с.
3. Мазюк, Р.В. Возникновение, становление и развитие понятия «уголовное преследование» в российском уголовном судопроизводстве : учебное пособие / Р.В. Мазюк. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. – 79 с.
4. Никандров, В.И. Возбуждение уголовного дела : лекция / В.И. Никандров. – М.: ВЮЗИ, 1990. – 22 с.
5. Печников, Г.А. Устав уголовного судопроизводства 1864 года – коренной переход от формальной к объективной (материальной) истине и актуальные проблемы истины в современном УПК РФ / Г.А. Печников, Н.А. Соловьева, В.М. Шинкарук // Legal Concept. – 2015. – N 1. – С. 42-48. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustav-ugolovnogo-sudoproizvodstva-1864-goda-korennoy-perehod-ot-formalnoy-k-obektivnoy-materialnoy-istine-i-aktualnye-problemy-istine-y> (дата обращения: 10.03.2021).
6. Румянцева, М.О. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы : монография / М.О. Румянцева. – М.: Юстицинформ, 2019. – 148 с.
7. Стельмах, В.Ю. Правовая сущность стадии возбуждения уголовного дела / В.Ю. Стельмах // Общество и право. – 2020. – N 3 (73). – С. 33-37. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-suschnost-stadii-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela> (дата обращения: 14.03.2021).
8. Таджиев, Х.С. Прокурорский надзор и ведомственный контроль за расследованием преступлений / Х.С. Таджиев. – Ташкент, 1985. – 183 с.
9. Уголовный процесс : учебник / под ред. А.С. Кобликова. – М.: Издательская группа Норма-Инфра, 2012. – 384 с.
10. Чельцов, М.А. Уголовный процесс / М.А. Чельцов. – М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. – 624 с.
11. Шишкина, Е.В. Институт уголовного преследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Шишкина. – Волгоград, 2008. – 18 с.

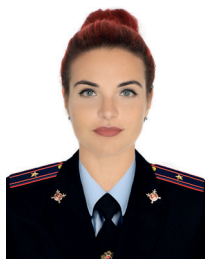

УДК 343

**Марина Александровна
ГАЛИМОВА,**

начальник научно-исследовательского
и редакционно-издательского отдела,
доцент кафедры уголовного процесса
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук
marina_bestujeva@mail.ru

**Алина Олеговна
АСТАХОВА,**

преподаватель кафедры
уголовного права, криминологии
и уголовно-исполнительного
права Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
кандидат юридических наук
ao_astakhova@mail.ru

**Арби Русланович
АКИЕВ,**

начальник кафедры криминалистики
Санкт-Петербургского
университета МВД России,
кандидат юридических наук
melhi530@mail.ru

**АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР ЗА ЛИЦАМИ,
ОСВОБОДИВШИМИСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ:
ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ**

**ADMINISTRATIVE SUPERVISION OF PERSONS RELEASED
FROM PLACES OF DETENTION: LEGAL REGULATION AND PROBLEMS
OF IMPLEMENTATION**

В статье по результатам проведенного исследования проблемных моментов реализации административного надзора дана характеристика этому институту как превентивному, социально и исторически обусловленному, представлен процесс становления нормативной регламентации этого института с постановкой акцентов на отдельных моментах его правовой основы. Также рассматриваются актуальные вопросы привлечения к уголовной ответственности поднадзорных лиц за нарушение правил и неисполнение требований административного надзора.

In the article according to the results of research of problematic moments of implementation of administrative supervision this institution is characterized as the preventive, socially and historically relevant one: the process of development of the normative regulations of this institution with the accents on some moments of its legal basis is presented. Some urgent questions of prosecuting of supervised persons for noncompliance with established restrictions and improper implementation of requirements of administrative supervision are studied.

Ключевые слова: административный надзор, административные ограничения, административные обязанности, поднадзорное лицо, уклонение от административного надзора, регламентация административного надзора.

Keywords: administrative supervision, administrative restrictions, administrative duties, supervised person, evasion of administrative supervision, regulation of administrative supervision.

В советской правовой системе длительное время функционировал институт административного надзора органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы¹. Эффективность его действия как превентивного элемента права обуславливалась различными средствами, в числе которых гарантом его реализации выступали меры ответственности за нарушение правил и требований административного надзора². На рубеже XX-XXI веков этот институт был упразднен в силу различных причин как объективного, так и субъективного характера³. Юридическая общественность в большинстве своем негативно восприняла данный факт [2-4]. По мнению исследователей, «рост общей преступности в стране ... произошел в том числе в связи с отменой ответственности за нарушение правил административного надзора и соответствующим отмиранием указанного института» [5, с. 16-17].

Резкий рост преступности, особенно ее рецидивной составляющей, обусловил необходимость адекватного реагирования на это явление. Создание государственной системы профилактики преступлений привело к «реанимированию» института административного надзора⁴, который правоприменитель доста-

точно активно включил в арсенал средств реагирования на криминальные угрозы. Так, уже к концу 2011 г. административный надзор был установлен в отношении 11542 человек, по итогам 2012 г. количество поднадзорных лиц выросло в 3 раза – 35569 человек, в 2020 г. этот показатель вырос на порядок (по отношению к 2011 г.) – 116120 человек⁵.

Вместе с тем с момента начала действия обновленного института административного надзора внимание законодателя к нему не ослабевает – за десятилетний период существования приняты 8 федеральных законов, имеющих концептуальное значение как для самого Закона об административном надзоре, так и для правовой регламентации мер ответственности за нарушение его правил и требований

Например, Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. N 432-ФЗ включил в перечень лиц, подпадающих под действие административного надзора, отдельную категорию освободившихся из мест лишения свободы; увеличил сроки действия такой меры контроля для этой категории, а также дополнил полномочия органов внутренних дел, непосредственно реализующих контроль за

1 Нормативной основой его служило Положение об административном надзоре органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26.07.1966 N 5364-VI.

2 В целях обеспечения правомерного поведения поднадзорных лиц были предусмотрены определенные правовые средства воздействия: за неисполнение обязанностей административного надзора наступала административная ответственность (ст. 167 КоАП РСФСР), а ст. 198.2 УК РСФСР устанавливала уголовную ответственность как за неисполнение установленных обязанностей, так и за нарушение административных ограничений.

3 Фактически институт административного надзора органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, перестал действовать в 1993 г., когда был отменен один из элементов правовой основы обеспечения правомерного поведения поднадзорных лиц (ст. 198.2 УК РСФСР), а формально этот институт утратил силу в 2009 г.

4 Нормативной основой обновленного превентивного института послужили Федеральный закон от 06.04.2011 N 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – Закон об административном надзоре) и Федеральный закон от 06.04.2011 N 66-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

5 Здесь и далее статистические данные представлены по материалам официальной отчетности ГИАЦ МВД России.

действиями поднадзорных лиц⁶. С 9 июня 2017 г. еще в большей степени расширена область деятельности института административного надзора⁷. С 10 августа 2017 г. в эту сферу включены повторные преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ⁸.

Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. N 514-ФЗ не только изменил название статьи 314.1 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за нарушение правил и требований административного надзора, но и расширил сферу этой ответственности⁹. Федеральный закон от 18 июля 2017 г. N 159-ФЗ¹⁰ еще в большей мере увеличил спектр применения уголовной ответственности при обеспечении правомерного поведения поднадзорного лица. Соответству-

ющие изменения были внесены и в ст. 19.24 КоАП РФ, устанавливающую административную ответственность за несоблюдение лицом ограничений, определенных Законом об административном надзоре, и невыполнение обязанностей, установленных судом.

В реализации надзорных полномочий непосредственно участвуют органы внутренних дел. При этом задача контроля за поднадзорными лицами возлагается не только лишь на специализированные подразделения. Так или иначе функции по осуществлению административного надзора в разной степени осуществляют представители практически всех подразделений территориальных органов внутренних дел.

Порядок осуществления органами внутренних дел административного надзора

6 Статья 3 Закона об административном надзоре дополнена ч. 2.1, определяющей, что административный надзор устанавливается судом в отношении лица, совершившего в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, независимо от наличия оснований, предусмотренных ч. 3 этой же статьи; ч. 1 ст. 5 дополнена п. 3, в соответствии с которым срок действия административного надзора в отношении лиц, указанных в ч. 2.1 ст. 3, распространяется на срок действия принудительных мер медицинского характера; органам внутренних дел, обеспечивающих контроль за поведением поднадзорных лиц, вменено в обязанность уведомление потерпевшего и (или) его представителя о прекращении административного надзора. См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве : Федеральный закон от 28.12.2013 N 432-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. N 52 (часть I). Ст. 6997.

7 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : Федеральный закон от 28.05.2017 N 102-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. N 22. Ст. 3071.

8 О внесении изменений в статью 173.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьи 3 и 5 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» : Федеральный закон от 29.07.2017 N 252-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. N 31 (часть I). Ст. 4801.

9 С 01.01.2015 статья называется «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений». Помимо редакционного изменения названия законодатель расширил сферу действия статьи, добавив ч. 2, устанавливающую уголовную ответственность за неоднократное несоблюдение лицом административных ограничений или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, сопряженное с совершением административного правонарушения против порядка управления (за исключением административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.24 КоАП РФ), либо административного правонарушения, посягающего на общественный порядок и общественную безопасность, либо административного правонарушения, посягающего на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность. См.: Федеральный закон от 31.12.2014 N 514-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. N 1. Ст. 67.

10 О внесении изменений в статью 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 18.07.2017 N 159-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. N 30. Ст. 4439.

утвержден приказом МВД России¹¹. Казалось бы, такой многосоставной подход и наделение полномочиями по осуществлению надзора сотрудников различных служб и подразделений должны способствовать эффективности применения рассматриваемого института на практике. Однако зачастую наблюдается обратный эффект.

Несмотря на достаточно подробную регламентацию полномочий отдельных подразделений и должностных лиц, в ходе непосредственной реализации административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, очень часто возникают проблемы различного плана. В связи с чем авторами настоящей статьи по заявке практических органов было проведено исследование на тему «Актуальные проблемы осуществления контроля за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, осуществляемого территориальными органами МВД России», результатом которого стала разработка методических рекомендаций, направленных на формирование единообразной практики применения административного надзора и мер ответственности за нарушение поднадзорным лицом его правил и требований.

Заказчиками перед исполнителями были поставлены вопросы, в числе которых:

– порядок действия сотрудников, осуществляющих административный надзор, при выявлении на обслуживаемой территории поднадзорных лиц, освободившихся из мест лишения свободы и не прибывших без уважительных причин в определенный админи-

страцией исправительного учреждения срок к избранному ими месту жительства (пребывания), а равно лиц, самовольно оставивших место жительства (пребывания, фактического нахождения), состоящих под административным надзором в другом территориальном органе внутренних дел;

– порядок оформления разрешений на выезд за пределы территории обслуживания ОВД поднадзорным лицам;

– порядок получения органами внутренних дел из медицинских организаций сведений о факте нахождения поднадзорного лица в лечебном учреждении и др.

Однако наибольшие сложности в процессе реализации надзорных полномочий вызывают моменты, касающиеся применения мер ответственности за нарушение правил и требований административного надзора (как административной – ст. 19.24 КоАП РФ, так и уголовной – ст. 314.1 УК РФ), порядок привлечения поднадзорного лица к ответственности и документирование обстоятельств, подтверждающих факт совершения правонарушения либо преступления.

Рассмотрим отдельные моменты реализации уголовной ответственности за несоблюдение поднадзорными лицами правил административного надзора (ст. 314.1 УК РФ)¹². Отметим, что в первый пятилетний период действия административного надзора удельный вес лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 314.1 УК РФ, составлял в среднем 3% от общего количества поднадзорных лиц, начиная с 2016 г.

11 О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : приказ МВД России от 08.07.2011 N 818 (далее – Порядок). Интересно отметить, что в течение действия административного надзора в Порядок его осуществления с устоявшейся периодичностью (один раз в один-два года) систематически вносились изменения: приказы МВД России от 30.06.2012 N 657, от 25.06.2014 N 534, от 29.03.2017 N 166, от 23.03.2018 N 154, от 17.03.2020 N 164, от 09.02.2021 N 54. В 2021 г. были перераспределены полномочия относительно общего контроля и непосредственной организации административного надзора среди руководства территориального органа внутренних дел. На сегодняшний момент начальник территориального органа осуществляет общий контроль и несет персональную ответственность за соблюдение порядка осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы (п. 5.1 Порядка); непосредственная организация мероприятий по осуществлению административного надзора возлагается на заместителя начальника территориального органа МВД России, ответственного за деятельность подразделения по административному надзору (п. 6 Порядка).

12 Под «нарушением правил административного надзора» в уголовно-правовом смысле следует понимать неисполнение лицом, в отношении которого установлен надзор, обязанности прибыть к «избранному месту жительства (пребывания) в определенный срок, а равно самовольное оставление такого места жительства (пребывания), совершенные в целях уклонения от административного надзора» (ч. 1 ст. 314.1 УК РФ); а также «неоднократное несоблюдение поднадзорным лицом установленных ограничений, сопряженное с совершением данным лицом административного правонарушения определенной категории» (ч. 2 ст. 314.1 УК РФ). См. подр. [1, с. 22-29].

этот показатель увеличился в 2 раза и приобрел устойчивую положительную динамику: 2016 г. – 7,0%, 2017 г. – 7,6%, 2018 г. – 8,7%, 2019 г. – 9,2%, 2020 г. – 9,4%. На сегодняшний день практически каждый десятый из числа лиц, в отношении которых судом установлен административный надзор, привлекается к уголовной ответственности за нарушение правил этого надзора.

Вместе с тем достаточно громоздкая конструкция ст. 314.1 УК РФ, использование в ее тексте специальных терминов, требующих теоретического разъяснения и практического усвоения, приводят не только к затруднениям в процессе привлечения к уголовной ответственности в рассматриваемой сфере, но и к принятию необоснованных правоприменительных решений, что в конечном итоге ведет к снижению превентивного потенциала рассматриваемого института.

В процессе применения реализация отдельных составов ст. 314.1 УК РФ имеет место практически в равных долях. Удельный вес лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, от общего количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 314.1 УК РФ, составил в 2016 г. – 49,1%, в 2017 г. – 50,2%, в 2018 г. – 48,5%, в 2019 г. – 48,8%, в 2020 г. – 50,2%.

Относительно ч. 1 ст. 314.1 УК РФ целесообразно акцентировать внимание на двух моментах. Во-первых, требует четкого уяснения содержание понятий «неприбытие лица, в отношении которого установлен административный надзор, к избранному им месту жительства (пребывания)» и «самовольное оставление поднадзорным лицом места жительства (пребывания, фактического нахождения)».

По смыслу ч. 1 ст. 314.1 УК РФ и с учетом положений ч. 5 и 6 ст. 173.1 УИК РФ, ст. 4, п. 1 и 2 ст. 11 Закона об административном надзоре неприбытием поднадзорного лица к избранному им месту жительства (пребывания) в определенный администрацией учреждения исполнения наказаний срок следует считать неисполнение обязанностей, указанных в предписании, – прибыть к избранному

им месту жительства или пребывания в определенный срок и явиться для постановки на учет в орган внутренних дел в течение трех рабочих дней со дня прибытия.

Исключает возможность привлечения лица к уголовной ответственности в этом случае наличие у поднадзорного лица уважительных причин (конкретных обстоятельств), которые препятствуют исполнению указанных в предписании обязанностей. При этом такие обстоятельства должны носить преимущественно объективный характер и не должны быть вызваны действиями самого поднадзорного лица (например, временное отсутствие транспортного сообщения, чрезвычайная ситуация природного либо техногенного характера и пр.).

Самовольным оставлением поднадзорным лицом места жительства (пребывания, фактического нахождения) следует понимать его непроживание (непребывание, ненахождение) по месту жительства (пребывания, фактического нахождения) и (или) его выезд за установленные судом пределы территории без разрешения органа внутренних дел.

Необходимо отметить, что законодатель четко определил в п. 4 ч. 1 ст. 4 Закона об административном надзоре ограничение в виде «запрещения выезда за установленные судом пределы территории», тем самым не предусматривая каких-либо условий и исключений. В то же время суды наделены только правом устанавливать ограничение на выезд и определять границы территории, которые нельзя покидать поднадзорному лицу, с учетом соотношения государственных, общественных интересов, а также частных интересов поднадзорного лица. При этом пределы территории не должны чрезмерно ограничивать его права, закрепленные в Конституции Российской Федерации, на труд, образование, медицинскую помощь и т.д., и в то же время быть слишком протяженными, такими как субъект Российской Федерации или несколько муниципальных образований, что фактически исключает контроль за поведением поднадзорного лица.

Нередки случаи, когда судьи в судебном заседании в ходе принятия решения об уста-

новлении ограничения на передвижение «неверно» разъясняют административному ответчику механизм его исполнения, говоря о том, что тот носит только контролирующий, а не запрещающий характер – предоставив в полицию документы, подтверждающие свою трудовую деятельность за пределами определяемой территории, поднадзорный может беспрепятственно получить соответствующее разрешение и тем самым реализовать свое право на труд.

Такое «расширительное» толкование обуславливает определенные трудности для сотрудников, осуществляющих административный надзор, поскольку возникают сложности в обоснованности выдачи маршрутного листа для выезда, связанного с осуществлением трудовой деятельности, а также проблемные ситуации по этому поводу с поднадзорными лицами. Кроме того, оно противоречит смыслу Закона об административном надзоре.

Во-вторых, серьезные трудности при реализации ч. 1 ст. 314.1 УК РФ вызывает установление и доказывание (документирование) такого элемента субъективной стороны, как *цель уклонения от административного надзора*.

В соответствии с правовой позицией Верховного Суда РФ «на наличие такой цели могут указывать фактические обстоятельства, свидетельствующие в каждом конкретном случае о намерении соответствующего лица препятствовать осуществлению контроля либо избежать контроля со стороны органов внутренних дел за соблюдением установленных ему судом административных ограничений, а также за выполнением обусловленных этими ограничениями обязанностей, перечисленных в ч. 1 ст. 11 Закона об административном надзоре. При этом, если лицо, в отношении которого установлен административный надзор, в определенный срок не прибыло к месту жительства или пребывания либо поднадзорное лицо временно его оставило без разрешения органа внутренних дел, например в связи с необходимостью на-

вестить тяжелобольного близкого родственника, получить неотложную медицинскую помощь, которая не оказывается в населенном пункте, где он проживает, и т.п., не имея намерения избежать контроля со стороны органов внутренних дел, такое деяние не является уголовно наказуемым»¹³.

Таким образом, на наличие цели уклониться от административного надзора указывают такие действия (бездействия) поднадзорного лица, которые свидетельствуют о его стремлении (намерении) избежать контроля со стороны органов внутренних дел. О наличии такой цели могут свидетельствовать, например: пребывание в ином месте и совершение там правонарушения (преступления), неоднократная смена места жительства, а также то, что, находясь в ином месте, лицо не предпринимало мер для выполнения административных обязанностей.

Так, В. был осужден по ч. 1 ст. 314.1 УК РФ за уклонение от административного надзора. О наличии цели уклонения, по мнению суда, свидетельствовали следующие действия В. При освобождении из мест лишения свободы В. было выдано предписание (прибыть не позднее 5 марта к избранному им месту жительства в г. Н. и явиться для постановки на учет в отдел полиции в течение трех рабочих дней со дня прибытия), он был предупрежден об уголовной ответственности за уклонение от административного надзора. Несмотря на это, В., находясь в г. Н., на учет не встал, 18 марта 2013 г. выехал в г. М, где его неоднократно доставляли в отдел полиции и уведомляли о необходимости постановки на административный учет, вручали обязательства о явке в отдел полиции (в г. Н). Но в г. Н он не ездил, на учет не встал, так как «не было желания»¹⁴.

В другом случае в обоснование выводов о мотивированности квалификации деяния суд указал, что «П., достоверно зная об установлении в отношении его решением суда административного надзора и возложенных на него обязанностях, самовольно покинул ме-

13 О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 314.1 УК РФ : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 N 21, п. 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. N 7.

14 Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 14.01.2014 N 31-АПУ13-17 // СПС Консультант-Плюс.

сто своего жительства и, отсутствуя в нем 7, 8 и 9 июня 2018 г., скрывался от сотрудников полиции»¹⁵. При этом суд учел то обстоятельство, что в период уклонения от административного надзора Л. совершил преступление, предусмотренное п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

У правоприменителя возникает вопрос: если лицо получило в органе внутренних дел разрешение на пребывание вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства (пребывания), и (или) на краткосрочный выезд за установленные судом пределы территории в связи с исключительными личными обстоятельствами, однако не прибыло к месту временного пребывания или прибыло и проживает там, но не встало на учет в органе внутренних дел по этому месту пребывания, место жительства (пребывания) по какому адресу следует считать самовольно оставленным?

По нашему мнению, самовольно оставленным следует считать место по адресу, по которому поднадзорное лицо в установленном порядке получило разрешение на пребывание (краткосрочный выезд), но в целях уклонения от административного надзора не прибыло и не встало на учет в органе внутренних дел по месту пребывания. Подобный вывод подтверждается судебной практикой¹⁶.

Наибольшие сложности у правоприменителя вызывает ч. 2 ст. 314.1 УК РФ. Отсутствие единства в понимании и оценке таких признаков объективной стороны деяния, как неоднократность и сопряженность, различные подходы к их процессуальному оформлению приводят к постановлению кардинально различных судебных решений. Произвольное толкование признака сопряженности приводит к тому, что в некоторых случаях под объективной стороной рассматриваемого состава преступления фактически понимается произвольный набор административных пра-

вонарушений, предусмотренных ст. 19.24 КоАП РФ и главами 6, 19 и 20 КоАП РФ¹⁷.

Неоднократность по смыслу ч. 2 ст. 314.1 УК РФ предполагает совершение лицом в течение года двух и более деяний, состоящих в нарушении установленных судом административных ограничений, за которые лицо было привлечено к административной ответственности и наказанию, при условии, что временной промежуток между первым и третьим (не менее чем третьим) фактами неисполнения установленных ограничений не может быть более одного года [1, с. 117].

В примечании к ст. 314.1 УК РФ указано, что под неоднократным несоблюдением ограничений понимается несоблюдение лицом конкретных ограничений при условии, что это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние. Необходимым условием в данном случае является наступление административной ответственности по ч. 1, 3 ст. 19.24 КоАП РФ два раза в течение одного года. Важно, что временной промежуток со дня вступления в силу постановления об административном правонарушении, предусмотренном ст. 19.24 КоАП РФ, и его исполнения до момента совершения третьего факта несоблюдения поднадзорным лицом одного или нескольких установленных ограничений, за которое лицо привлекается к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, не может составлять более одного года.

При этом несоблюдение административных ограничений, совершенное в третий (не менее чем в третий) раз, будет признаваться уголовно наказуемым лишь в случае его сопряженности с совершением определенного административного правонарушения (исчерпывающий перечень которых указан в тексте ч. 2 ст. 314.1 УК РФ). То есть третье несоблюдение административных ограничений

¹⁵ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.11.2019 N 41-АПУ19-18 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁶ Обобщение судебной практики рассмотрения судами Тульской области уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 314.1 УК РФ, за 2016 год. URL: <http://obsud.tula.sudrf.ru/>.

¹⁷ Апелляционные постановления Свердловского областного суда от 09.10.2015 по делу N 22-8583/2015, Магаданского областного суда от 03.11.2015 по делу N 22-567/2015, Московского городского суда от 03.09.2015 по делу N 10-12057/2015, Свердловского областного суда от 20.11.2015 по делу N 22-9659/2015, Кировского областного суда от 31.03.2016 по делу N 22-608. URL: rospravosudie.com.

само по себе повлечет только административную ответственность, равно как и последующие, если они не были сопряжены с совершением административного правонарушения из указанного перечня.

Устанавливая признак *сопряженности*, необходимо учитывать характер взаимодействия факта несоблюдения административных ограничений и факта совершения иного административного правонарушения, их связь – несоблюдение административного ограничения должно сопровождаться совершением административного правонарушения.

Следует акцентировать внимание, что не соответствует смыслу закона установление, согласно которому признак неоднократности присутствует лишь тогда, когда имеют место *три случая* привлечения к административной ответственности по ст. 19.24 КоАП РФ, и каждый из них сопряжен (должен быть сопряжен) с совершением административного правонарушения (главы 6, 19 (за исключением ст. 19.24), 20 КоАП РФ, а также ч. 7 ст. 11.5, ст. 11.9, 12.8, 12.26 КоАП РФ)¹⁸. Такое требование нельзя признать законным и обоснованным, поскольку не является (по смыслу закона) *обязательным условием* привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ наличие *не менее трех фактов* неисполнения требований административного надзора, каждый из которых сопряжен с совершением другого административного правонарушения.

Еще один проблемный аспект оценки признаков объективной стороны деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, касается возможности привлечения поднадзорного лица к административной ответственности по ст. 19.24 КоАП РФ, если это последнее несоблюдение административного ограничения (ограничений) непосредственно сопряжено с совершением правонарушений, предусмотренных главами 6, 19 (за исключением

ст. 19.24) или 20 КоАП РФ, и может служить основанием привлечения к уголовной ответственности.

На практике имеют место случаи привлечения поднадзорного лица к административной ответственности за нарушение административных ограничений, которое было сопряжено с совершением иного правонарушения (из предусмотренного законом перечня) и послужило основанием для привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ¹⁹.

Однако такая ситуация в корне противоречит принципу недопустимости повторного привлечения к ответственности (ст. 50 Конституции РФ), в основе которого лежит принцип международного права «*non bis in idem*» («не дважды за одно и то же»).

Исходя из смысла Конституции РФ (ст. 50) и положений отраслевого законодательства (ч. 1 и 2 ст. 6 УК РФ, ч. 5 ст. 4.1, п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ) привлечение к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ за неоднократное несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничений, сопряженное с совершением данным лицом иного административного правонарушения (из установленного законом перечня), исключает привлечение этого лица к административной ответственности по ст. 19.24 КоАП РФ (ч. 1 и 3) за это же деяние. В случае привлечения лица к уголовной ответственности по данному факту административное производство по нему подлежит прекращению. Либо, если уже имело место исполнение административного наказания, производство по уголовному делу (по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ) подлежит прекращению²⁰. В большинстве своем судебная практика идет именно по этому пути.

Подводя итог, следует отметить, что определенные проблемы никоим образом не умаляют социальной ценности института ад-

¹⁸ Апелляционное постановление Алтайского краевого суда от 04.02.2016. URL: rospravosudie.com.

¹⁹ Приговор Троицкого районного суда Челябинской области от 18.06.2015 по делу N 1-100/15; апелляционное постановление Верховного Суда Республики Татарстан от 01.06.2016 по делу N 22-4511/2016. URL: rospravosudie.com.

²⁰ Апелляционное постановление Магаданского областного суда от 16.01.2017 по делу N 22-51/2017. URL: rospravosudie.com.

министративного надзора, который, являясь комплексной мерой, направлен на повышение эффективности профилактической деятельности в отношении ранее судимых лиц, предупреждение рецидивной преступности. Само существование института административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, – это не итог субъективной воли или внезапного решения законодателя; это логичное и обоснованное обстоятельство, так как сам институт адми-

нистративного надзора является институтом, обусловленным многими правовыми и социальными реалиями. Надлежащему функционированию института административного надзора и реализации его превентивного потенциала, безусловно, будет способствовать надлежащее применение норм об ответственности за нарушение правил такого надзора и поступательная работа, связанная с устранением проблемных моментов.

Библиографический список

1. Астахова, А.О. Уголовная ответственность за уклонение от административного надзора: проблемы применения и пути решения : монография / А.О. Астахова. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2018. – 195 с.
2. Бекетов, О.И. Персонифицированный полицейский надзор: становление, развитие, современное состояние : монография / О.И. Бекетов, А.Д. Майле ; под науч. ред. О.И. Бекетова. – Омск: Омская академия МВД России, 2010. – 131 с.
3. Вишнякова, Н.В. Проблема двойной ответственности при применении ч. 2 ст. 314.1 УК РФ / Н.В. Вишнякова // Уголовное право. – 2017. – N 1. – С. 42-51.
4. Горобцов, В.И. Проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.И. Горобцов. – Екатеринбург, 1995. – 30 с.
5. Миронов, Р.Г. Меры законодательного противодействия рецидивной преступности / Р.Г. Миронов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2008. – N 1. – С. 35-38.

УДК 343.9

Елена Викторовна ХРИСТИНИНА,

доцент кафедры государственного и муниципального
управления и таможенного дела Омского
государственного технического университета,
кандидат юридических наук

elena.nikitina83@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

ON THE ISSUE OF CRIMINAL JUSTICE RESPONSE TO CYBERCRIME

В статье обосновывается существование в уголовном праве понятия «киберпреступность», проводится соотношение понятий «киберпреступление» и «компьютерное преступление», сформулировано авторское понятие данных явлений, на основе анализа специальной юридической литературы приводится авторская классификация киберпреступлений.

The article considers the existence in Criminal law the concept of «cyber-crime», the correlation of the concepts of «cybercrime» and «computer crime» is carried out, the author's concept of these phenomena is formulated, based on the analysis of special legal literature the author's classification of cybercrimes is given.

Ключевые слова: киберпреступление, информационное преступление, кибертехнологии, киберпространство, сеть «Интернет», компьютерная информация, информационно-телекоммуникационные технологии, уголовная ответственность.

Keywords: *cybercrime, information crime, cybertechnology, cyberspace, Internet, computer information, information and telecommunications technologies, criminal liability.*

Сегодня с учетом развития кибернетики, представляющей составную часть научно-технического прогресса, в любой области деятельности человека используются современные кибертехнологии. Значимость информационных технологий подтверждается принятием на государственном уровне Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы¹.

Появился особый вид преступлений – киберпреступления, которые имеют трансграничный характер. В настоящий период

констатируется рост компьютерных преступлений. Так, в 2020 г. зарегистрированы 510,4 тысячи преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 73,4% больше показателя 2019 г. За 9 месяцев 2021 г. зарегистрированы почти 403 тысячи указанных деяний, рост к аналогичному показателю 2019 г. составляет 11%. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес составил 25% в 2020 г., 26,5% за 9 месяцев 2021 г.²

1 О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы : Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 // Российская газета. 2017. 10 мая.

2 Официальный сайт МВД: состояние преступности. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 17.11.2021).

Используя возможности кибертехнологий, особенно в сети Интернет, доступность, небольшую стоимость информационных технологий, преступники получили разнообразные способы извлечения незаконной прибыли.

Однако в статьях Уголовного кодекса РФ нет понятия «киберпреступление», так как статьи уголовного закона содержат составы информационных преступлений, где отражаются вопросы преступного использования информационных технологий или средств компьютерной техники. Поэтому сфера киберпреступности остается нерегулируемой российским законодательством, хотя она имеет важное значение в осуществлении уголовной политики государства. Следовательно, в уголовном законе киберпреступления отождествляются с компьютерными преступлениями, где используются информационные технологии или средства компьютерной техники, что является сомнительным, так как правовая природа киберпреступности тесно взаимосвязана с наукой кибернетикой.

Различие понятий «киберпреступление» и «информационное преступление» можно провести по объекту и предмету преступного посягательства. Объектом компьютерных преступлений выступают общественные отношения, возникающие по обеспечению целостности и доступности электронной информации, а также сохранности компьютерных средств, необходимых для ее обработки. Предмет компьютерных преступлений представлен средствами хранения, обработки или передачи компьютерной информации. Объект и предмет киберпреступлений значительно шире, так как преступления могут совершаться с применением не только компьютерных средств, но и других технических устройств, причем предметом преступного посягательства может выступать виртуальная информация, находящиеся в сети Интернет.

Понятие «компьютерное преступление», используемое законодателем, обусловлено целесообразностью его употребления в криминалистических целях, например при организации расследования преступления, когда изучается личность преступника и способ совершения преступления.

В УК РФ закреплена глава 28, содержащая составы преступлений, устанавливающие уголовную ответственность за совершение противоправных деяний в отношении компьютерной информации. Таким образом, сфера уголовно-правового регулирования главы 28 состоит в обеспечении безопасности компьютерной информации и компьютерных систем.

Но в УК РФ есть составы преступлений, где компьютерная информация может быть средством совершения преступления, они расположены в других главах УК РФ. Такими преступлениями, совершаемыми в сети Интернет, могут быть мошенничество в сфере компьютерной информации, незаконные организация и проведение азартных игр, совершение незаконных финансовых операций, незаконный сбыт наркотиков с использованием средств Интернета, распространение порнографических материалов и ряд других составов. Поэтому назрела необходимость видоизменить главу 28 УК РФ, включив понятие «киберпреступление» и добавив дополнительные составы.

Российская уголовная доктрина в категорию информационной преступности включает разнообразные преступные деяния, посягающие на информацию и информационную среду. Е.В. Пискунова относит к компьютерным преступлениям такие общественно опасные и противоправные деяния, как преступления с применением информации, информационных технологий в качестве средств совершения; неправомерный доступ и распространение охраняемых законом информационных сведений, неправомерное сокрытие информации, неправомерное использование информации [1, с. 249]. Вышеуказанная классификация преступлений лишь частично определяет разновидности киберпреступности, которая возникает в киберпространстве с применением кибернетических технологий.

Важно указать, что в ходе применения термина «киберпреступность» с точки зрения рассмотрения лишь компьютерных преступлений возникает искажение этого понятия, так как оно не охватывает ряд важнейших

составов преступления. К примеру, в число киберпреступлений надлежит включить противоправные деяния, совершаемые с использованием мобильных устройств, в виде распространения детской порнографии или совершения мошеннических действий, связанных с оплатой услуг сотовой связи и прочие деяния. Следовательно, термин «киберпреступность» может быть рассмотрен с широкой точки зрения и охватывать различные преступные деяния, совершенные не только в информационно-телекоммуникационной сфере, где информация, информационные ресурсы, компьютерная техника могут являться предметом преступления, но и преступления, совершаемые в глобальной системе Интернет, где информация становится средством или орудием совершения преступного деяния.

В целом киберпреступления – это умышленные преступления, выражающиеся в виде незаконных действий (бездействий), совершенные с использованием кибертехнологий в виртуальной среде (киберпространство) с применением телекоммуникационных способов и средств, в том числе сети Интернет, которые выступают преступными орудиями или предметами противоправных посягательств.

Под киберпространством понимаются информационно-телекоммуникационные сети, компьютерные локальные сети, глобальная сеть Интернет. Киберпространство является доступным для каждого информационного пользователя, что позволяет преступнику, находясь на территории одного государства, совершить преступление в отношении иностранных граждан, тем самым преступление имеет транснациональный характер.

Кибертехнологии – технические средства (персональные компьютеры, ноутбуки, смартфоны) и сама информация и ее носители.

Следует обратиться к международному опыту применения термина «киберпреступность», который был впервые представлен

еще в 1986 г. в Париже группой экспертов Организации экономического сотрудничества и развития, где киберпреступление определялось как любое незаконное, неэтичное или неразрешенное поведение, затрагивающее автоматизированную обработку и (или) передачу данных³.

Уже позже, на X Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Вене 10-17 апреля 2000 г., было четко сформулировано понятие киберпреступности, которое означало «любое преступление, которое может совершаться с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети или против компьютерной системы или сети»⁴.

Таким образом, киберпреступления на основании представленного понятия можно рассмотреть в узком и широком смысле.

Киберпреступление в узком понимании – это любое противоправное деяние, которое совершается путем проведения электронных операций, целью которого выступает получение доступа к компьютерным системам и информационным данным.

Киберпреступление в широком понимании – это любое преступление, совершаемое в компьютерной системе или глобальной сети, состоящее из незаконного хранения, распространения электронной информации.

Следует отметить, что в определение киберпреступности включается также противоправное вмешательство в компьютерные средства, программы и сети, несанкционированная модификация компьютерных сведений, другие противоправные действия, совершенные с использованием компьютеров, компьютерных сетей и программ.

Важным международным документом по борьбе с киберпреступностью выступает Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 1857

3 OECD, Computer – Relates Crime: Analysis of Legal Policy. Paris, 1986.

4 Справочный документ для семинара-практикума по использованию компьютерной сети «Десятый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями» // Десятый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями : сборник документов. М., 2002.

(далее – Будапештская конвенция)⁵, где применяется термин *cybercrime* (киберпреступление) и *cyberspace* (киберпространство).

На основании Европейской конвенции киберпреступления – это правонарушения, которые направлены против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных систем, сетей и компьютерных данных, а также неправомерное их применение.

Кроме представленных определений Советом Европы был выделен перечень киберпреступлений против конфиденциальности, целостности и допустимости компьютерных данных и систем: незаконный доступ (ст. 2), незаконный перехват (ст. 3), вмешательство в данные (ст. 4), вмешательство в систему (ст. 5)⁶.

Разделение киберпреступлений на виды возможно проводить по предмету, цели и способу совершения преступления:

1) преступления, совершенные в информационно-телекоммуникационной сфере. Предметом преступления является информация, информационные ресурсы, компьютеры. Цель совершения преступления – завладение, изменение или уничтожение информации, находящейся в компьютере, или неправомерное подключение к сети. Способ совершения преступления: незаконное изъятие информации или ее копирование;

2) киберпреступления, совершаемые в киберпространстве с использованием кибертехнологий. Предметом преступления являются денежные средства, информация, оружие, наркотики и прочее. Цель совершения преступления может быть разнообразной в зависимости от совершаемого деяния (например, мошеннические действия, совершаемые с использованием мобильных устройств, имеют целью хищение денежных средств путем обмана или злоупотребления доверием). Способ совершения преступления: использование определенных средств или орудий (допустим, мошенничество в области интернет-продаж и покупок).

Отличительным признаком киберпреступлений является высокотехнологичный характер, состоящий в применении современных кибертехнологий, информационно-коммуникационных сетей, компьютерной техники, которые выступают в качестве средств и орудий совершения данных преступных деяний.

В настоящее время отмечается сложность в расследовании киберпреступлений, так как большая часть из них имеет латентный характер, что объясняется разными причинами: нежелание потерпевшего обращаться с заявлением в правоохранительные органы, сложность выявления и доказывания вины киберпреступников, тесная связь преступника с организованными преступными группами. Это объясняется и сложностью установления личности преступника, обладающего необходимыми знаниями, навыками в сфере компьютерных технологий и тщательно маскирующего электронные следы преступления.

Кроме того, с развитием различных кибертехнологий, увеличением пользователей в системе Интернет, развитием средств мобильной связи, систем электронного документооборота появляются новейшие способы совершения киберпреступлений. Следовательно, киберпреступления могут происходить в различных сферах: экономической, политической и социальной. Большая часть киберпреступлений совершаются в экономической сфере, например мошенничество с использованием интернет-банкинга (технология банковского обслуживания, при которой предоставляется доступ к счетам и банковским операциям («сбербанк-онлайн»)) или банковский фишинг (разновидность интернет-мошенничества с целью завладения доступа к конфиденциальной информацией пользователя: логинам и паролям, осуществляется посредством массовых рассылок электронных писем от имени различных популярных организаций).

Большую общественную опасность представляет киберпреступность в политической

5 Convention on Cybercrime. URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/libe/dv/7_conv_budapest_7_conv_budapest_en.pdf (дата обращения: 23.06.2021).

6 Преступления, связанные с использованием компьютерной сети / X конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // A/CONF. 187/10.

сфере, когда хакеры, спецслужбы иностранных государств, экстремистские и террористические организации осуществляют кибератаки на сайты органов государственной власти, кибершпионаж в отношении сведений, составляющих государственную тайну, распространение информации экстремистского содержания, вербовку граждан в террористические организации.

Эксперты международной компании Group-IB, специализирующейся на предотвращении кибератак, создали новую парадигму информационной безопасности, куда включили самые распространение киберпреступления:

– хакерские действия, нацеленные на обеспечение долгого присутствия в сетях объектов критической инфраструктуры с целью саботажа и шпионажа за организациями из различных секторов;

– хакерские действия, нацеленные на хищение денежных средств со счетов финансовых организаций;

– мошенничество с банковскими картами физических лиц;

– хакерские действия, нацеленные на хищение криптовалюты с криптобирж;

– хакерские атаки, нацеленные на поиск уязвимости в практической реализации криптосистемы и уязвимости микропроцессоров разных вендоров (side-channel атаки)⁷.

Ряд перечисленных деяний не нашли отражения в УК РФ. Таким образом, существует необходимость совершенствования уголовно-правового регулирования в части включения в УК РФ понятия киберпреступления, а также введения новых составов киберпреступлений, возникающих при использовании преступниками новых кибертехнологий (компьютерный подлог, компьютерный саботаж, несанкционированный перехват данных, хищение криптовалюты).

⁷ Официальный сайт международной компании Group-IB. URL: <https://www.group-ib.ru/media/hi-tech-crime-trends-2018/> (дата обращения: 23.06.2021).

Библиографический список

1. Пискунова, Е.В. Информационная преступность: уголовно-правовые и криминологические аспекты / Е.В. Пискунова // Государство и право в новой информационной реальности : сборник научных трудов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. правоведения; Рос. гос. ун-т правосудия. – М., 2018. – С. 249-250.

УДК 343.102

Дмитрий Николаевич ЛУЗЬКО,

доцент кафедры оперативно-разыскной техники
и специальных средств в ОВД Восточно-Сибирского
института МВД России (г. Иркутск)

luzko_dima@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНОГО ВНЕДРЕНИЯ

SOME LEGAL AND TACTICAL ASPECTS OF CONDUCTING OPERATIONAL IMPLEMENTATION

В статье исследован ряд правовых и тактических аспектов при осуществлении оперативного внедрения, возникающие проблемы при его организации и проведении в современных условиях. Проведен сравнительный анализ некоторых законодательных норм в сфере оперативно-розыскной деятельности и уголовного права, предложены меры по их совершенствованию. Рассмотрена возможность причинения вынужденного вреда при осуществлении указанного оперативно-розыскного мероприятия, аргументирована необходимость конкретизации его допустимых пределов.

A number of legal and tactical aspects in carrying out operational implementation, the problems arising during its organization and conducting in modern conditions are investigated in the article. A comparative analysis of some legislative norms in the field of operational-search activity and criminal law is carried out, the measures for their improvement are suggested. The possibility of causing forced harm during the implementation of the specified operational-search activity is considered, the need to specify its permissible limits is argued.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативное внедрение, имитация преступного поведения, причинение вынужденного вреда, правовая защита, нормы права.

Keywords: : operational-search activity, operational implementation, imitation of criminal behavior, causing forced harm, legal protection, norms of law.

Современная преступность, обладая высокой степенью латентности, меняет свои не только количественные, но и качественные характеристики. При этом лица, совершающие преступления, зачастую осведомленные о средствах и методах, применяемых правоохранительными органами для борьбы с криминальными проявлениями, оказывают им целенаправленное противодействие, принимая меры к сокрытию следов преступлений и защите от разоблачения.

Одним из первостепенных и активных средств государственного противоборства с

преступностью выступает оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД), специфика которой предопределяет добывание информации преимущественно негласными методами с использованием содействия частных лиц, в том числе на конфиденциальной основе, и нередко сопряжена с ограничениями конституционных прав и свобод граждан. Согласно оперативно-розыскному законодательству содержательной основой ОРД выступают оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ), в регламентированный перечень которых входит и оперативное внедрение.

Эффективность данного мероприятия в противодействии преступным проявлениям, особенно организованного характера, неоспорима, вместе с тем в практической плоскости сталкивается с рядом проблем как тактического, так и правового характера.

Подтверждением сказанному являются результаты опроса сотрудников оперативных подразделений, 80% которых не проводили указанное ОРМ по причине его сложной реализации: при выполнении рассматриваемого ОРМ требуется тщательное планирование, задействование комплекса негласных сил, средств и методов ОРД, а также наличествуют недостаточная правовая и социальная защита внедряемого лица, опасения по поводу неправомерного совершения преступления в ходе проведения мероприятия.

Прежде чем перейти к рассмотрению проблемных вопросов, необходимо проанализировать само понятие оперативного внедрения.

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ не закрепил в своих положениях детерминированной дефиниции данного ОРМ, при этом оперативно-розыскная наука изобилует множеством авторских подходов лиц, изучающих указанный вопрос.

Так, А.Ю. Шумилов рассматривал оперативное внедрение в «качестве приобретения оперативно-розыскным органом конфиденциального источника информации (как правило, в лице своего сотрудника или агента) внутри преступного сообщества, организованной преступной группы или иного объекта оперативного интереса» [7, с. 246].

С точки зрения С.И. Захарцева, оперативное внедрение – это «ОРМ, которое заключается в легендированном вводе оперативных сотрудников и лиц, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, в криминальную среду или объекты оперативной заинтересованности» [4, с. 134].

По мнению Н.Д. Абдуллаевой, «оперативное внедрение – это оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в легендиро-

ванном вводе и продвижении сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел или лиц, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, в криминальную среду и объекты для разведывательно-поискового сбора информации, необходимой для оптимального решения задач борьбы с тяжкими и особо тяжкими преступлениями в конкретных условиях сложившейся оперативной обстановки, когда решение этих задач с использованием других оперативно-розыскных мероприятий невозможно» [1, с. 8].

Синтезируя мнения исследователей, мы приходим к выводу, что сущность данного мероприятия состоит не только в проникновении в криминальную среду (здесь и далее мы подразумеваем внедрение в преступные группы, организации, сообщества, на объекты оперативной заинтересованности), осуществление разведывательной по сути работы, но и закрепление в ней лица, обладающего определенными социально значимыми свойствами, что позволяет не только своевременно получать достоверную оперативную информацию, но и оказывать воздействие на происходящие в данной среде процессы.

Исходя из вышесказанного и согласно правоприменительной практике можно выделить два вида оперативного внедрения, каждый из которых имеет специфические особенности и требует отдельного подхода.

1. Внедрение в криминальную среду извне сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел или лиц, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе.

В данном случае проводится комплекс мер, связанных с подготовкой лица, подлежащего внедрению, сложность которого обусловливается тем, что, находясь в криминальной среде, оно должно в большей степени имитировать преступное поведение, совершить перевоплощение, вжиться в роль преступника, сконцентрировать максимум своих

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (далее – ФЗ «Об ОРД»).

способностей, профессиональных, морально-волевых качеств, которые требуются для выполнения поставленной задачи.

Необходимо отметить, что рассматриваемое мероприятие подлежит предварительному ведомственному санкционированию руководителем органа, осуществляющего ОРД. В утвержденном им постановлении обосновываются необходимость, тактика проведения оперативного внедрения, прорабатывается легенда, сценарий реализации роли внедряемого лица, перечень целей и задач, подлежащих решению по итогам проведения. К отдельному аспекту относятся меры по зашифровке и защите внедряемого с учетом конспирации, а также сведения, регламентирующие допустимость и правомерность действий [6, с. 68].

2. Вторым видом оперативного внедрения является приобретение оперативно-розыскным органом конфиденциального источника информации из числа лиц, уже находящихся в криминальной среде.

Он включает в себя комплекс мероприятий, направленных на привлечение к содействию интересующего лица для выполнения определенных задач разведывательного характера, требует определенных знаний и навыков как от оперативного сотрудника, так и от привлекаемого к содействию лица.

В этом случае одним из «камней преткновения», возникающих перед оперативным подразделением, является поиск источника и его мотивирование на выполнение поставленных задач. При подборе необходимого кандидата оперативные сотрудники осуществляют сбор и обработку значительного объема информации, изучают образ жизни фигуранта, положительные и отрицательные стороны его характера, профессиональные и преступные навыки, возможные подходы к разрабатываемым, профессиональную «полезность», устанавливают наличие компрометирующих его материалов и т.д. Привлечение к содействию предполагает обоюдный интерес обеих сторон, и нередко методами оперативных сотрудников выступают предложения о назначении более мягкого наказания

за совершение преступлений, игнорирование отдельных мелких проступков и т.д.

Не будем в своем исследовании заострять внимание на приобретении источника информации, так как данный процесс является сложным и многоаспектным и требует отдельного изучения.

Помимо названных выше проблемных вопросов существует правовая неопределенность, поскольку рассматриваемое мероприятие отличает повышенный риск не только для жизни, здоровья, имущества внедряемого лица, но и вероятность неправомерного привлечения к уголовной ответственности за вынужденное совершение противоправных действий при осуществлении оперативного внедрения.

Как мы отмечали ранее, при проникновении в преступный сегмент внедренному лицу необходимо поддерживать близкий контакт с фигурантами разработки, действовать в рамках разработанного плана и легенды, производить имитированные преступные действия [2, с. 80]. Но зачастую одной лишь имитации противоправного поведения оказывается недостаточно, и обстоятельства требуют от субъекта ОРД в целях конспирации его деятельности и легендированности мероприятия вынуждено совершать деяния, подпадающие под категорию преступных.

Вопрос допустимых правомерных действий является дискуссионным, так как на законодательном уровне до сих пор не разработан механизм юридической защиты лиц, внедренных в криминальную среду, а имеющиеся правовые нормы в большей степени носят декларативный характер.

Дело в том, что в оперативно-розыскном законе существует ряд положений, которые должны обеспечивать защиту как лица, внедряемого в криминальную среду (ч. 4 ст. 16), так и лица из числа участников преступной сферы, оказывающего содействие на конфиденциальной основе (ч. 4 ст. 18).

Для детализации этой проблемы рассмотрим данные нормы подробнее. Так, ч. 4 ст. 16 ФЗ «Об ОРД» предусматривает, что «при защите жизни и здоровья граждан, их

конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга».

Иными словами, при определенных обстоятельствах оперативно-розыскной закон допускает совершение оперативными сотрудниками и лицами, оказывающими содействие органам, осуществляющим ОРД, действий, являющихся объективно противоправными, при этом делая оговорку о правомерности выполнения долга. В то же время в законе не конкретизируются ни допустимые пределы возможного причинения вреда, ни обстоятельства, при которых он может быть причинен.

Например, будет ли считаться вред допустимым при соучастии в преступном деянии с целью обеспечения конспирации и нерасшифровки своей легенды для дальнейшего документирования и пресечения деятельности разрабатываемых лиц либо совершение преступления внедренным лицом, когда его жизни и здоровью угрожает опасность? Вопрос остается открытым.

По аналогии рассмотрим нормативные предписания, предусмотренные ч. 4 ст. 18 ФЗ «Об ОРД», которые предоставляют возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД, при наличии определенных признаков (оснований):

- лицо является членом преступной группы;
- совершило противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий;
- лицо привлечено к сотрудничеству с органом, осуществляющим ОРД;
- активно способствовало раскрытию преступлений;
- возместило нанесенный ущерб или иным образом загладило причиненный вред.

Анализируя законодательную норму, мы можем наблюдать ее юридическую ограниченность в отношении как рассматриваемого субъекта, так и совершаемых им действий. Субъект рассматриваемых правоотношений должен быть участником преступной группы, что уже сужает рамки правового сегмента, при этом он должен быть привлечен к сотрудничеству, что в рамках оперативно-розыскного законодательства подразумевает подписание определенного договора о содействии (контракта) и предполагает, что зачастую инициатором взаимодействия является оперативно-розыскной орган. На наш взгляд, по своему смыслу норма права близка к деятельному раскаянию и характеризует поведение лица как уже совершившего противоправное деяние, но в силу определенных обстоятельств раскаявшегося в содеянном.

В то же время при детальном изучении ст. 75 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием» следует отметить, что данное правовое предписание может быть применено только при следующих условиях:

- к лицу, впервые совершившему преступление небольшой или средней тяжести, а иной категории – только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями УК РФ;
- лицо добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию этого преступления;
- возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный этим преступлением, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным.

При этом использование данной нормы возможно, видимо, только в консолидированной совокупности всех условий.

Применительно к ч. 4 ст. 18 ФЗ «Об ОРД» аналогичные положения в законе отсутствуют, за исключением возмещения ущерба и заглаживания причиненного вреда, границы которого не определены. Не конкретизировано, каким образом и в каком размере лицо, которое приняло решение сотрудничать с оперативно-розыскным органом, будет его возмещать, учитывая то, что оно находится в

составе преступной группы, а при совершении преступных деяний разграничить ответственность среди участников группы бывает достаточно сложно.

Таким образом, мы считаем, что предписания, изложенные в ч. 4 ст. 18 ФЗ «Об ОРД», не согласованы с рассмотренной выше нормой уголовного закона.

В любом случае перечисленные оперативно-розыскные нормы так и останутся в разряде дискуссионных, пока не будут коррелироваться с уголовно-правовым законодательством. Это подтверждает и Н.С. Железняк, отмечая, что «реализация положений оперативно-розыскного законодательства невозможна без конкретизации в уголовном законе» [3, с. 10].

В связи с этим взаимодействие между нормами указанных отраслей права представляется абсолютно необходимым. Это возможно осуществить путем включения в перечень обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяний, действий лиц, внедренных в криминогенную среду, хотя по формальным признакам и содержащих состав уголовно наказуемого деяния, но фактически направленных на успешное предотвращение более тяжких последствий в рамках оперативной разработки. При этом каждый случай вынужденного причинения вреда в ходе оперативного внедрения должен быть рассмотрен индивидуально с учетом конкретных обстоятельств его совершения, неукоснительным соблюдением принципов конспирации и защиты сведений о внедренных лицах. В этом смысле нельзя не согласиться с мне-

нием В.В. Николюка, который указывает, что «предоставление иммунитета от уголовного преследования внедряемым сотрудникам положит конец порочной практике «вывода» указанных лиц из расследования незаконными, договорными способами, граничащими с фальсификацией доказательств» [5, с. 171].

В завершение исследования, в ходе которого мы рассмотрели некоторые проблемы, возникающие при проведении ОРМ «Оперативное внедрение», представляется возможным сделать следующие выводы:

1) существует необходимость законодательного закрепления понятия «оперативного внедрения», являющегося одним из ключевых и содержательных составляющих ОРД, определения условий его реализации;

2) назрела потребность в разработке алгоритма либо частной методики имитации преступного поведения при осуществлении оперативного внедрения, в рамках которых следует рассмотреть тактические приемы, направленные на проникновение, пребывание и вывод из криминальной среды субъекта ОРД;

3) следует закрепить разумное соотношение норм оперативно-розыскного и уголовного закона, выражающееся в наделении сотрудников органов, осуществляющих ОРД, а также лиц, оказывающих им содействие, исключительным правом причинения вынужденного вреда правоохраняемым интересам, при этом действующих в целях предотвращения более тяжких последствий, а также в конкретизации допустимых пределов причинения такого вреда.

Библиографический список

1. Абдуллаева, Н.Д. Оперативное внедрение в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел : дис. канд. юрид. наук / Н.Д. Абдуллаева. – Иркутск, 2007. – 213 с.
2. Воронин, М.Ю. Правовая защита лиц, участвующих в оперативном внедрении / М.Ю. Воронин // Человек: преступление и наказание. – 2015. – № 4. – С. 79-82.
3. Железняк, Н.С. О некоторых аспектах социальной защиты лиц при имитации ими преступной деятельности / Н.С. Железняк // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2015. – № 4 (21). – С. 7-14.

4. Захарцев, С.И. Оперативно-розыскные мероприятия: общие положения / С.И. Захарцев. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 259 с.
5. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» : научно-практический комментарий / под ред. В.В. Николюка. – М., 2003. – 200 с.
6. Шкабин, Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативного внедрения : монография / Г.С. Шкабин. – М.: ИД «Юриспруденция», 2018. – 272 с.
7. Шумилов, А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности : учебник для вузов / А.Ю. Шумилов. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2007. – 375 с.

УДК 343.102

Дмитрий Михайлович КУДРА,

преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности
и специальной техники в ОВД Восточно-Сибирского института
МВД России (г. Иркутск)

k1977d@mail.ru

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ПО РОЗЫСКУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ
И САМОВОЛЬНО УШЕДШИХ ИЗ СЕМЬИ
ИЛИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ**

**SOME ISSUES OF INFORMATION SUPPORT ACTIVITY OF OPERATIONAL
UNITS ON THE SEARCH FOR MINORS MISSING AND ARBITRARILY LEFT
THE FAMILY OR SPECIALIZED STATE INSTITUTION**

В статье рассматриваются вопросы информационного обеспечения розыска несовершеннолетних, пропавших без вести и самовольно ушедших из семей или специализированных государственных учреждений. Автор, акцентируя внимание на проблемах получения оперативно значимой информации о разыскиваемых лицах сотрудниками оперативных подразделений, приходит к выводу, что указанная деятельность должна быть направлена на обеспечение первоначальной розыскной информацией о разыскиваемом, а следовательно, от эффективности ее получения, обработки, сохранения и оперативного доступа к ней, зависит результат – установление местонахождения пропавшего несовершеннолетнего. Предложены меры по оптимизации обеспечения розыскных аппаратов органов внутренних дел актуальной информацией о разыскиваемых лицах.

The article considers the issues of information support for the search for minors missing and arbitrarily left their families or specialized state institutions. Focusing on the problems of obtaining promptly relevant information about the wanted persons by the officers of operational units the author comes to the conclusion that these activities should be aimed at providing the initial search information about the wanted person, and, consequently, the result – the location of a missing minor depends on the effectiveness of receiving, processing, retaining this information and prompt accessing to it. Measures to optimize the providing the search apparatus of the internal affairs bodies with up-to-date information about the wanted persons are suggested.

Ключевые слова: розыск, без вести пропавший, самовольно ушедший несовершеннолетний, оперативно-розыскная деятельность, информационное обеспечение деятельности оперативных подразделений.

Keywords: search, a missing person, a minor left home arbitrarily, operational-search activity, information support of the activities of operational units.

Проблемы розыска пропавших без вести или самовольно ушедших несовершеннолетних постоянно находятся под пристальным вниманием общественности и правоохранительных органов. В последние

годы законодателем были разработаны и введены в действие алгоритмы реагирования на заявления (сообщения) о розыске лиц, пропавших без вести, а также взаимодействия государственных органов и общественных

объединений в ходе розыска пропавших, в том числе несовершеннолетних. Однако поиск мер эффективного реагирования на безвестное исчезновение несовершеннолетних не теряет актуальности и в настоящее время, так как система закрепленных в действующих нормативных правовых актах критериев оценки обстоятельств исчезновения граждан, правил реагирования правоохранительных органов на сообщения о пропаже людей, включая способы и формы информационного обеспечения розыскной деятельности, требуют совершенствования, о чем свидетельствуют данные статистики. В частности, ежегодно в розыске официально находятся до 8 тысяч несовершеннолетних, каждый седьмой из них остается в числе разыскиваемых¹.

Складывающаяся современная оперативная обстановка по линии розыскной деятельности оперативных подразделений предопределяет необходимость перестройки некоторых правил работы информационных подразделений органов внутренних дел (далее – ОВД) с учетом потребности правоохранительных органов в совершенствовании имеющихся на вооружении технических и иных средств, а также поиска и внедрения в практику новых, более прогрессивных организационных форм использования сил, средств и методов оперативных подразделений при осуществлении розыска [12, с. 70].

Одним из важнейших направлений такой перестройки является повышение уровня информационного обеспечения деятельности ОВД, в том числе оперативных подразделений [5, с. 120]. Эффективная организация и осуществление розыска без вести пропавших и самовольно ушедших несовершеннолетних невозможны без всестороннего и качественного обеспечения оперативных подразделений сведениями о разыскиваемом лице, позволяющими провести глубокий и всесторонний анализ оперативной обстановки, объективно ее оценить, принять на этой основе обоснованные решения, изучить и обоб-

щить передовой опыт, внедрить его в практику других подразделений, усовершенствовать методы розыскной работы [13, с. 185].

Результативность розыскного процесса напрямую зависит от возникающей у ее субъектов потребности в расширении предметного представления о непосредственном объекте розыска, а также в целенаправленном информационном воздействии на него согласно основным целям и задачам этого процесса. Эта потребность упирается в проблемы определения и использования адекватной по содержанию оперативно-розыскной информации и ее источников. Необходимость в получении оперативных сведений о разыскиваемом обуславливает принятие эффективных организационных мер по обеспечению информацией субъектов розыскной деятельности.

Наличие оперативно значимой информации об объекте розыска еще на первоначальном этапе является ключевым фактором, влияющим на результативность розыска несовершеннолетних, пропавших без вести и самовольно ушедших.

В Российской Федерации информационное обеспечение деятельности оперативно-розыскных органов представляет собой комплекс мер по формированию, ведению, использованию и совершенствованию информационных систем, который ориентирован на обеспечение сотрудников оперативных подразделений значимыми сведениями в виде систематизированной информации, необходимой им для осуществления возложенных на них задач [11, с. 139]. Решающее значение в достижении поставленной цели – установление местонахождения разыскиваемого – отведено получаемой в этом процессе информации. В данном случае нам импонирует мнение Е.В. Бурякова, согласно которому «одним из обязательных направлений розыскной работы является установление информации о разыскиваемом лице: чем она разнообразнее, тем больше вероятность обнаружить этого человека» [2, с. 30]. Информация

1 Сводные отчеты по России о розыскной и идентификационной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации за 2016-2020 гг.. М.: ГИАЦ МВД России, 2021.

здесь выступает как важнейший долгосрочный ресурс, обеспечивающий розыскную деятельность в целом [7, с. 38; 10, с. 176].

Осуществление розыска несовершеннолетних, пропавших без вести и самовольно ушедших из семьи или специализированного государственного учреждения, регулируется различными ведомственными (межведомственными) нормативными правовыми актами. Одним из ключевых является Положение об организации и осуществлении розыска и идентификации лиц (далее – Положение)².

Несомненно, значительная роль в информационном обеспечении розыскной деятельности оперативных подразделений ОВД, связанной с предоставлением сведений об объекте розыска, отведена информационным системам ИЦ по субъектам Российской Федерации, ГИАЦ МВД России, БРНС, экспертно-криминалистическим учетам, а также информации, содержащейся на различных интернет-ресурсах МВД России (сайтах). Однако в действующих ведомственных (межведомственных) нормативных правовых актах уделено недостаточно внимания сбору, накоплению и систематизации оперативно-розыскной информации, получаемой сотрудниками оперативных подразделений в результате проведения ОРМ по розыску несовершеннолетних, пропавших без вести или самовольно ушедших, позволяющей использовать ее в розыском процессе, а также ее источников.

Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России, ежегодно подразделениями ОВД разыскиваются около 45000 несовершеннолетних, самовольно ушедших и пропавших без вести³, при этом значительная доля из них ранее попадали в поле зрения правоохранительных органов, в том числе в связи с уходами. Соответственно, информация о личности многих разыскиваемых несовершеннолетних уже имелась в ОВД и содержалась в различных источниках: материалах

проверок сообщений об исчезновении, розыскных делах, местных учетах оперативных и иных подразделений ОВД, служебных документах, отражающих результаты проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), комплексных операций и др.

Стоит отметить, что в информационные подразделения ОВД поступают сведения о фактах пропажи несовершеннолетних и самовольных уходах в виде секретных и иных документов оперативных подразделений (включая материалы розыскных дел), сообщений других служб ОВД, копий постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлениям (сообщениям) о розыске лиц, не достигших совершеннолетнего возраста и др. Вместе с тем ни один из указанных источников не содержит в полном объеме всей поисковой информации, которая собирается сотрудниками ОВД в ходе проведения оперативно-розыскных и иных мероприятий по розыску несовершеннолетних.

Для уяснения указанной проблемы необходимо рассмотреть содержание некоторых источников получения сведений о разыскиваемых несовершеннолетних.

Как правило, формирование массива оперативно-розыскной информации осуществляется из источников, определенных ведомственными нормативными правовыми актами.

Например, вносимые в базу данных оперативно-розыскной информации копии постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по фактам безвестного исчезновения несовершеннолетних содержат только краткую фабулу обстоятельств исчезновения или ухода ребенка, данные об опрошенных лицах, располагавших сведениями о разыскиваемом, краткую информацию о результатах проведенных поисковых и розыскных мероприятий, результатах опроса разыскиваемого. При этом в них отсутствуют сведения: о возможных местах нахождения

2 Приказ МВД России, Минюста России, Минздрава России, МЧС России, Министерства обороны России, Следственного комитета России от 01.03.2018 N 117дсп/40дсп/88н/82дсп/114дсп/17дсп.

3 Сборник по России о результатах работы территориальных органов МВД России по предупреждению и пресечению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних за 2016-2020 гг.. М.: ГИАЦ МВД России, 2021.

разыскиваемого в период розыска, которые сообщались опрашиваемыми лицами, используемых им средствах связи, пользовании социальными сетями, о наличии банковских карт, о мероприятиях, проведенных по поиску несовершеннолетнего и их результатах, выявленных в ходе розыска родственных и иных связей, местах и обстоятельствах обнаружения пропавшего и т.д. В то же время информация, накопленная в самих материалах предварительной проверки сообщений о безвестном исчезновении, вообще не поступает в подразделения оперативно-розыскной информации, фактически оставаясь в документах, содержащихся в территориальном органе, что ограничивает оперативный доступ к находящимся в них сведениям.

Необходимо подчеркнуть, что определенные в Положении предписания в случае установления местонахождения пропавшего несовершеннолетнего в сроки проведения проверки по заявлению (сообщению) о его безвестном исчезновении или самовольном уходе предусматривают «списание материала проверки в специальное номенклатурное дело территориального органа МВД России» в соответствии требованиями, закрепленными в приказе МВД России от 29 августа 2014 г. N 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях». Соответственно, сведения, содержащиеся в указанных материалах о разыскиваемом лице, в том числе полученные в ходе проведения поисковых и розыскных мероприятий, остаются в территориальном органе. Обязательный порядок их внесения в систему оперативно-розыскной информации ничем не регламентирован, вопрос представления информации, содержащейся в этом источнике, в базу оперативных данных отнесен на усмотрение руководителя оперативно-розыскного органа. В то же время концентрация подробной поисковой ин-

формации в источнике оперативных данных о результатах розыска несовершеннолетних способствовала бы проведению качественно-анализа фактов пропажи и самовольных уходов несовершеннолетних, получению характеризующих сведений о личности пропавшего, местах его возможного нахождения, что способствовало бы принятию незамедлительных эффективных мер реагирования на заявления и сообщения о безвестном исчезновении несовершеннолетних.

Следует принять во внимание, что, согласно статистическим данным, местонахождение более 90% разыскиваемых несовершеннолетних удается установить еще в сроки проведения доследственной проверки (например, в 2019 г. в ОВД поступили 44356 сообщений о розыске несовершеннолетних (2020 г. – 42155), установлено местонахождение 41258 разыскиваемых без заведения розыскного дела (2020 г. – 39780), при этом 11584 несовершеннолетних в течение рассматриваемого периода совершили повторные уходы (2020 г. – 10989))⁴. Поэтому наличие оперативной информации о их личности и фактах исчезновения, имевших место ранее расширило бы количество источников получения сведений о разыскиваемом лице и возможности оперативного реагирования ОВД на безвестное исчезновение несовершеннолетних. Могло бы способствовать их розыску в короткое время в случае повторных исчезновений несовершеннолетнего, что весьма распространено среди лиц, воспитывающихся в неблагополучных семьях и содержащихся в специализированных государственных учреждениях. Более того, информация должна быть полной, актуальной, достоверной, охватывать весь спектр интересующих проблем (вопросов) и постоянно пополняться [6, с. 139].

Решение вышеуказанных проблем нам видится в нормативной регламентации правил фиксирования на материальных носителях полученной в ходе рассмотрения заявлений (сообщений) о розыске несовершеннолетних, пропавших без вести, самовольно ушедших, и

4 Сборник по России о результатах работы территориальных органов МВД России по предупреждению и пресечению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних за 2019 г. М.: ГИАЦ МВД России, 2021.

других категорий разыскиваемых лиц информации, содержащейся в материалах предварительной проверки о розыске и розыскных делах.

Поэтому, на наш взгляд, следует выдвинуть предложение о внесении изменений в ведомственные нормативные правовые акты, касающиеся увеличения источников оперативной информации о личности разыскиваемых полученной в результате розыскной деятельности ОВД, подлежащих внесению в информационные банки данных. Одним из таких источников может стать информационное сообщение, составляемое сотрудником оперативного подразделения, о результатах проведенной проверки по заявлению (сообщению) о розыске и сведениях о личности, полученных в ходе проведения поисковых, оперативно-розыскных и иных мероприятий, для включения его содержания в систему информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности.

Сообщение может включать в себя: обстоятельства исчезновения несовершеннолетнего, сведения о лице, сообщившем об исчезновении, о возможных очевидцах исчезновения, предшествующих исчезновению событиях, данные о пропавшем (ФИО, дата и место рождения), известные адреса регистрации, постоянного (временного) проживания несовершеннолетнего, реквизиты документа, удостоверяющего личность (при наличии), сведения о месте учебы (работы), используемых средствах связи, о наличии страниц социальных сетей, банковских счетов, о предметах и документах, находившихся при разыскиваемом, о возможных местах нахождения на момент исчезновения, а также результаты проведенных поисковых и оперативно-розыскных мероприятиях, сведения о нахождении на учетах (оперативных, ПДН, и др.), связях разыскиваемого (ФИО, адрес, телефон, место учебы (работы), характеристика связи), адресах возможного нахождения и мест посещения, месте обнаружения (установления), краткое изложение обстоятельств и причин исчезновения (самовольного ухода) опрошенного несовершеннолетнего.

Порядок внесения указанных сведений в систему оперативных данных, сроки и форму представления источника оперативно-розыскной информации целесообразно предусмотреть путем внесения соответствующих дополнений в нормы ведомственного приказа

В дополнение к вышеуказанному следует учитывать, что в положениях ст. 10 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» закреплено право оперативных подразделений «создавать и использовать информационные системы». Важной проблемой, стоящей перед практическими работниками, на наш взгляд, является разрозненность и бессистемность источников получения оперативных сведений о личности разыскиваемого несовершеннолетнего [15, с. 270]. Существенную помощь в решении указанного вопроса, а также в выполнении других задач, стоящих перед оперативными подразделениями ОВД, может оказать создание межведомственной информационной системы о разыскиваемых лицах [3, с. 70; 4, с. 101; 9, с. 126; 14, с. 172]. Целью создания системы будет являться повышение эффективности информационного обеспечения деятельности ОВД, а также заинтересованных правоохранительных структур за счет объединения всей совокупности информационных данных об объектах учета, накапливаемых ими в своих подразделениях, и обеспечение возможности регламентированного доступа к этой информации. Информационный обмен между участниками информационного взаимодействия при этом осуществляется на основании требований законодательных, иных нормативных правовых актов, а также заключаемых между ними соглашений [1, с. 16].

Информационная система должна содержать сведения о всех разыскиваемых и устанавливаемых правоохранительными органами лицах, объединяя сведения о их личности в структуру (модель), позволяющую осуществлять регистрацию, учет, накопление, пополнение, архивирование, поиск, сравнение и анализ полученных данных [8, с. 176].

Как уже отмечалось, значительное число безвестно исчезнувших и самовольно ушедших несовершеннолетних ранее разыскивались в связи с уходами либо по иным причинам попадали в поле зрения правоохранительных органов (антиобщественное поведение, совершение правонарушения или преступления и др.). Указанный информационный ресурс предоставит возможность сотрудникам правоохранительных органов, задействованным в проведении или организации поисковых и оперативно-розыскных мероприятий, оперативно получать необходимые сведения о разыскиваемом несовершеннолетнем, эффективно задействовать необходимые силы и средства подразделений ОВД с целью установления местонахождения лица, не достигшего совершеннолетнего возраста.

Система может содержать следующую информацию: фотографии разыскиваемого несовершеннолетнего, словесный портрет, адреса мест постоянного или временного пребывания, сведения о связях несовершеннолетнего, включая криминальные, обстоятельства постановки на учет (категория учета), склонностях (к совершению правонарушений, преступлений, употреблению спиртных напитков, наркотиков и т.д.), наличии заболеваний (хронических, психических, физических недостатков), результатах проведенных мероприятий на месте происшествия, изъятых образцах ДНК для сравнительного исследования и полученных результатах, информационно-поисковую или опознавательную карты на разыскиваемого, сведения о используемых средствах связи, банковских счетах, результаты ранее проведенных меро-

приятий (установленные связи, места возможного пребывания, места обнаружения разыскиваемого), решения, принятые по итогам рассмотрения заявлений о розыске несовершеннолетнего (заведение розыскного дела, возбуждение уголовного дела, приобщение материала проверки к номенклатурному делу ОВД), данные о постановке на криминалистические учеты (дактилоскопический, геномный) и др.

Для реализации данного предложения в ОВД целесообразно разработать и принять межведомственный приказ, закрепляющий инструкцию о формировании информационно-аналитической системы «РОЗЫСК».

Подводя итог вышеуказанному, хотелось бы обратить внимание, что приведенный перечень существующих проблем информационного обеспечения розыскной деятельности оперативных подразделений ОВД, возникающих в процессе розыска без вести пропавших и самовольно ушедших несовершеннолетних, не является исчерпывающим. В сложившейся ситуации выход видится в комплексной корректировке положений ведомственных и межведомственных нормативных правовых актов, направленной на расширение источников получения розыскной информации, подлежащих внесению в информационные банки данных оперативно-розыскной информации, разработку и внедрение в практическую деятельность инновационных информационных систем, обеспечивающих необходимой оперативной информацией оперативно-розыскные органы о личности разыскиваемых лиц еще на первоначальном этапе их розыска.

Библиографический список

1. Букейханов, П.Е. Информационно-аналитическое обеспечение розыскной работы криминальной милиции горрайорганов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. – 18 с.
2. Буряков, Е.В. Информационные технологии в розыскной деятельности / Е.В. Буряков // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2018. – № 3. – С. 29-32.
3. Игуменов, А.С. О некоторых вопросах информационно-аналитического обеспечения розыска без вести пропавших и установления личности неопознанных трупов / А.С. Игуменов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2016. – № 1(71). – С. 67-71.

4. Игуменов, А.С. Отдельные вопросы информационно-аналитического обеспечения розыска лиц, пропавших без вести (по материалам МВД по Республике Башкортостан) / А.С. Игуменов // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2018. – N 5. – С. 97-102.

5. Лепехин, Д.И. К вопросу об информационно-аналитическом обеспечении розыска несовершеннолетних, пропавших без вести / Д.И. Лепехин // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – N 1(37). – С. 119-123.

6. Любавин, Н.С. Понятие и содержание информационно-аналитической деятельности в правоохранительных органах Российской Федерации / Н.С. Любавин, А.Н. Паремусов // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – N 11. – С. 137-142.

7. Осипенко, А.Л. Перспективы использования информационно-аналитических технологий в оперативно-розыскной деятельности / А.Л. Осипенко // Общество и право. – 2018. – N 4(66). – С. 80-87.

8. Парфенов, А.В. Некоторые особенности информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по раскрытию убийств, связанных с безвестным исчезновением граждан / А.В. Парфенов // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – N 7. – С. 173-176.

9. Рясов, А.В. Информационное обеспечение розыскной работы органов внутренних дел / А.В. Рясов, А.И. Мешерин // Вестник СевКавГТИ. – 2016. – N 2(25). – С. 124-126.

10. Саркисян, Г.Г. Информационное обеспечение деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел / Г.Г. Саркисян // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – N 2 (46). – С. 165-170.

11. Саркисян, Г.Г. Особенности информационно-аналитического обеспечения уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности государственных органов Российской Федерации и стран – участниц ОБСЕ / Г.Г. Саркисян // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – N 1. – С. 139-142.

12. Сидорякин, Р.В. Информационно-аналитическое обеспечение организации розыска лиц, пропавших без вести / Р.В. Сидорякин // Актуальные вопросы управления в социально-экономических системах : сборник научных трудов Всероссийского научного семинара, Москва, 15 марта 2018 года. – М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – С. 69-72.

13. Филатова, В.А. Особенности розыскной работы в отношении лиц без вести пропавших / В.А. Филатова // Обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов : сборник научных трудов / под общ. ред. Г.Н. Сусловой. – Тверь: Тверской государственный университет, 2018. – С. 184-188.

14. Христенко, А.А. Проблемы повышения эффективности Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России в сфере оперативно-розыскной деятельности / А.А. Христенко // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – N 10. – С. 165-172.

15. Яковец, Е.Н. Меры по совершенствованию информационно-аналитического обеспечения деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность / Е.Н. Яковец // Эпомен. – 2020. – N 47. – С. 267-284.

УДК 343.85

Евгений Николаевич ВОЛЫНКИН,

доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), кандидат юридических наук, доцент
volynkinen@yandex.ru

О СОДЕЙСТВИИ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

ON PUBLIC ASSISTANCE IN COMBATING JUVENILE DELINQUENCY

В статье рассматриваются некоторые аспекты правового регулирования участия общественности в борьбе с преступностью несовершеннолетних, акцентируется внимание на проблемных вопросах правоприменения, отрицательно влияющих на оперативно-розыскные отношения с участвующими либо содействующими субъектами в противодействии преступности несовершеннолетних.

The article considers some aspects of the legal regulating public participation in the fight against juvenile delinquency, focuses attention on the problematic issues of law enforcement that negatively affect operational-search relations with participating or assisting entities in countering juvenile delinquency.

Ключевые слова: участие общественности, содействие граждан, преступность несовершеннолетних, внештатные сотрудники полиции.

Keywords: public participation, citizen assistance, juvenile delinquency, non-staff police officers.

Преступность несовершеннолетних была и остается острой проблемой российского общества. В решении задач борьбы с правонарушениями несовершеннолетних оперативные подразделения используют различные силы, средства и методы, находящиеся на вооружении органов внутренних дел (далее – ОВД), особое место среди которых занимает содействие общественности и отдельных граждан, оказываемое как на гласной, так и конфиденциальной основе.

Положения ст. 10 гл. 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции) позволяют полиции устанавливать взаимодействие с общественными объединениями, организациями и гражданами для решения задач, поставленных перед полицией. Участие граждан в охране общественного порядка и общественной безопасности может происходить в раз-

личных формах содействия или сотрудничества с полицией.

Пункт 34 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции предоставляет ей право привлекать граждан (с их согласия) к внештатному сотрудничеству, устанавливая негласное сотрудничество с гражданами, пожелавшими конфиденциально оказывать содействие полиции на безвозмездной или возмездной основе, объявлять о назначении вознаграждения за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших, выплачивать его гражданам, привлекать для консультаций в установленном порядке специалистов государственных и муниципальных органов, организаций с сохранением за ними заработной платы (денежного содержания) по основному месту работы (службы), поощрять граждан, оказавших помощь полиции в выполнении иных обязанностей, возложенных на нее.

Нормы Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) достаточно полно регулируют содержание и порядок возникновения, изменения и прекращения отношений субъекта, правомочного осуществлять ОРД, с гражданами, изъявившими желание оказывать как на гласной, так и на конфиденциальной основе помощь ОВД в борьбе с преступностью, в том числе и несовершеннолетним.

Общее нормативное предписание уполномочивающего характера содержит ч. 5 ст. 6 Закона об ОРД, в которой должностным лицам органов, осуществляющих ОРД, разрешается использовать помощь иных лиц и специалистов, а также отдельных граждан с их согласия на гласной и конфиденциальной основе, а в ст. 17 официально закреплена возможность реализации гражданами их конституционных прав на защиту от противоправных посягательств путем оказания органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), содействия в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) в предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений, в том числе и совершенных несовершеннолетними.

Виды содействия граждан предметно регламентированы в Наставлении об основах организации и тактики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. В нем определены две основных формы содействия граждан: гласная и конфиденциальная (негласная). Разница между ними заключается в содержании и степени открытости.

В специальной литературе дается круг субъектов отношений, возникающих в ОРД. Исходя из этого круга, представляется возможным определить отдельных субъектов оперативно-розыскных отношений, участвующих либо содействующих в борьбе с преступностью несовершеннолетними:

а) органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;

б) народные дружины, общественные объединения правоохранительной направленности, внештатные сотрудники полиции;

в) лица, оказывающие конфиденциальное содействие;

г) должностные лица, граждане (в том числе лица, представляющие оперативный интерес).

Исходя из большого круга субъектов отношений, участвующих либо содействующих в борьбе с преступностью несовершеннолетними, в данном исследовании мы остановимся на рассмотрении лишь отдельных аспектов участия общественности в рассматриваемой сфере.

С нашей точки зрения, многообразие направлений и форм участия вышеуказанных субъектов в борьбе с подростковой преступностью настоятельно требует, с одной стороны, уточнения понятия такого участия (содействия), с другой – конкретизации пределов участия и уточнения перечня основных направлений и форм содействия в борьбе с преступностью несовершеннолетних. В Федеральном законе от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» такие положения по-прежнему не закреплены [подр.: 2, с. 20].

Принимаемые общегосударственные комплексные программы по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в ряде регионов работают не на должном уровне, отсутствует четкое представление о конечной цели, о поэтапном движении к ней, о характере текущих, среднесрочных и перспективных задач в сфере борьбы с преступностью несовершеннолетними. В первую очередь это связано с подходами к отбору контингента, на который ориентированы соответствующие профилактические мероприятия как общегосударственного, так и регионального и местного уровней.

Во многих образовательных организациях имеется практика «умалчивания» о совершенных несовершеннолетними правонарушениях. Выявляя факты совершения учащимися мелких хищений, умышленного повреждения

имущества, причинения побоев, администрация ограничивается собственными воспитательными мерами¹. В результате, как совершенно справедливо отмечается практиками, несовершеннолетние правонарушители своевременно не ставятся на учет в подразделениях по делам несовершеннолетних, комиссии по делам и защите их прав, комплексные меры профилактики в их отношении не применяются, что приводит к совершению ими более тяжких противоправных деяний [3, с. 62].

В настоящее время отсутствует организованная эффективная работа с трудными подростками, системность в работе общественных и образовательных организаций в данной сфере, наряду с этим пристального внимания требуют вопросы, связанные с семейным насилием и жестоким обращением с ребенком.

На молодежных площадках нередко ведется работа лишь с узкой категорией детей, проявивших свой талант, способности, тогда как остается без внимания значительная часть подростков, которые в силу социально-экономических и иных обстоятельств не имеют возможности проявить себя².

Необходимым условием повышения эффективности указанной деятельности, на наш взгляд, является перевод всей работы на качественно новый уровень, придание ей характера системности и комплексности.

Исторический опыт борьбы с безнадзорностью и преступностью несовершеннолетних убедительно свидетельствует, что достижение положительных результатов в этой работе возможно лишь при четком взаимодействии всех субъектов, участвующих в профилактике подростковой преступности, и только при поддержке и активном участии общественности. Поэтому важнейшим условием эффективности работы по предупреж-

дению и пресечению правонарушений со стороны подростков является организация взаимодействия органов внутренних дел и общественных формирований, участвующих в охране общественного порядка. Согласно ст. 5 Федерального закона от 19 мая 1995 г. N 82-ФЗ «Об общественных объединениях» они создаются в следующих организационно-правовых формах: общественные организации, общественные движения, общественные фонды, общественные учреждения, органы общественной самодеятельности.

Основные государственные гарантии, статус общественных объединений, порядок их создания, деятельности, реорганизации или ликвидации регулируются и другими федеральными законами: от 2 апреля 2014 г. N 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка»; от 28 июня 1995 г. N 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений»; от 11 августа 1995 г. N 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»; постановлением Правительства РФ от 24 июля 2000 г. N 551 «О военно-патриотических молодежных и детских объединениях» и другими актами. Перечисленные нормативные документы, на наш взгляд, можно отнести к правовым источникам, регулирующим отношения, возникающие при решении частных задач в борьбе с преступностью несовершеннолетних.

Деятельность ряда общественных объединений непосредственно связана с профилактикой правонарушений среди несовершеннолетних, охраной правопорядка. Так, гражданам, общественным объединениям (организациям) предоставляется право на содействие ОВД, а также отдельные лица с их согласия могут привлекаться к внештатному сотрудничеству с полицией³. Организациям, осуществляющим частную охранную деятель-

1 О результатах проверки Генеральной прокуратурой РФ исполнения территориальными органами МВД России законодательства, направленного на защиту детей, находящихся в социально опасном положении, а также на предупреждение преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении их : обзор ГУОООП МВД России от 15.10.2016 N 12/5503.

2 Рекомендации Общественной палаты Российской Федерации по итогам круглого стола на тему «Состояние и профилактика преступности среди несовершеннолетних» от 03.05.018 N 60П-2/894. URL: https://twitter.com/gera_bon/status/1040613665496608769 (дата обращения: 26.04.2021).

3 Об участии граждан в охране общественного порядка : Федеральный закон от 02.04.2014 N 44-ФЗ.

ность, предписывается оказание содействия правоохранительным органам в обеспечении правопорядка, а частным детективам – оказание содействия в предупреждении и раскрытии преступлений, предупреждении и пресечении административных правонарушений, в том числе и среди несовершеннолетних⁴.

Задачи и функции, порядок образования и организации работы, обязанности и права, формы и методы работы, организация взаимодействия общественных формирований с государственными органами определяются положениями о соответствующих общественных формированиях⁵.

В последние годы в Российской Федерации образованы и действуют свыше 34 тысяч общественных формирований правоохранительной направленности, насчитывающих более 363 тысяч человек, в том числе почти 46 тысяч человек в 872 казачьих дружинах. В 2020 г. с их участием раскрыты около 40 тысяч преступлений и выявлены свыше 400 тысяч административных правонарушений, в том числе совершенных несовершеннолетними [9]. Совместно с Министерством образования и науки Российской Федерации на местах организована работа 26 координационных центров по профилактике экстремизма в молодежной среде.

Участие граждан в борьбе с преступностью несовершеннолетних на гласной основе имеет существенное значение: эти лица не нуждаются в том, чтобы их деятельность носила конфиденциальный характер, документы (к примеру, акты, фиксирующие определенные эпизоды преступной деятельности вовлеченных⁶), составленные представителями общественной организации, могут быть прямо использованы в уголовном деле в качестве иных документов, лица, участвующие в подготовке и проведении ОРМ, могут быть допрошены по уголовному делу и т.п.

4 О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации : Закон РФ от 11.03.1992 N 2487-1.

5 Напр.: Об утверждении Положения о Московской городской народной дружине : постановление Правительства Москвы от 14.01.2003 N 14-ПП; О мерах по реализации Закона города Москвы от 10.12.2003 N 77 «Об общественных пунктах охраны порядка в городе Москве» : постановление Правительства Москвы от 19.04.2005 N 237-ПП.

6 Словом «вовлеченный», как более емким по значению (См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великого русского языка : в 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1978. С. 217), автор заменяет термины, употребляемые применительно к субъектам преступления, предусмотренного ст. 150, 151 УК РФ.

8 ноября 2019 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опубликовал данные исследования, проведенного по заказу МВД России, согласно которому принять участие в задержании правонарушителя готовы 55% россиян, а поучаствовать в охране общественного порядка – 47%.

Результаты исследования показывают, что на протяжении ряда лет образцом творческого поиска по использованию содействия граждан на гласной основе является Управление МВД России по Калужской области, где осуществляли работу родительские патрули, которые созданы более чем в 300 общеобразовательных школах. Родительские патрули работают во взаимодействии с педагогическими коллективами школ, администрациями сельских поселений, комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, подразделениями по делам несовершеннолетних и участковыми уполномоченными полиции, в том числе и сотрудниками оперативных подразделений [9].

В Белгородской области накоплен положительный опыт работы более 30 общественных организаций по различным направлениям, в том числе и по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [6].

На территории Ивановской области действуют студенческие отряды правопорядка, созданные также в форме общественных объединений правоохранительной направленности, принимающие активное участие в профилактической деятельности среди несовершеннолетних.

Во многих городах (Краснодар, Махачкала, Курск, Воронеж) сформированы молодежные оперативные отряды и студенческие отряды содействия полиции (Комсомольск-на-Амуре). Необходимо отметить также следующие общественные формиро-

вания: добровольные молодежные дружины (г. Новосибирск), отряды правопорядка (Республика Мордовия), отряды содействия полиции (г. Белгород, г. Самара), студенческие отряды правопорядка (Республика Калмыкия, Саратовская область), городские оперативные отряды (Республика Удмуртия), центры молодежных (студенческих) формирований по охране общественного порядка (Республика Татарстан), оперативные студенческие отряды содействия полиции (г. Старый Оскол), добровольные помощники «Волонтер-Иркутск» (г. Иркутск), оперативные отряды содействия правопорядку (г. Челябинск) [4, с. 42].

Указанные общественные формирования активно проводят профилактическую работу с несовершеннолетними, состоящими на учете в ОВД и склонными к противоправному поведению, оказывают содействие оперативным подразделениям в борьбе с преступностью несовершеннолетних.

При взаимодействии с общественностью сотрудники оперативных подразделений исходят прежде всего из складывающейся оперативной обстановки в данном направлении и реальных возможностей общественных формирований в борьбе с преступностью несовершеннолетних. К основным направлениям, в которых целесообразно использовать представителей общественности, можно отнести: обнаружение противоправных замыслов несовершеннолетних, выявление взрослых лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий, выявление преступных групп несовершеннолетних, переориентацию несовершеннолетних на общественно полезные занятия, проведение совместно с сотрудниками оперативных подразделений или по их поручениям индивидуально-воспитательной работы с отдельными несовершеннолетними, состоящими на оперативном учете.

Кроме того, нет запрета на распространение тактической, конфиденциальной информации, ставшей им известной в результате взаимодействия с правоохранительными

органами (например, время рейдов, график проверок и т.д.) [7, с. 39].

Опыт взаимодействия ОВД с общественными объединениями правоохранительной направленности наглядно свидетельствует, что непосредственное участие граждан позволяет оперативным подразделениям оперативно получать достоверную информацию о фактах готовящихся и совершаемых преступлений несовершеннолетних.

Стоит отметить, что практическая деятельность оперативных подразделений по использованию содействия граждан в борьбе с преступностью несовершеннолетних на гласной основе зависит прежде всего от действий самих сотрудников, от того, с каким желанием сотрудник оперативного подразделения осуществляет эту работу, насколько он убежден в ее необходимости, в том, что затраченные на взаимодействие с общественностью время, силы и средства впоследствии сполна окупятся, насколько правильно он оценивает характер и степень такого взаимодействия.

Взаимодействие объединяет усилия ОВД и вышеуказанных субъектов, способно обеспечить комплексное выполнение задач в борьбе с преступностью несовершеннолетних. Предупреждение противоправной деятельности несовершеннолетних будет эффективным при условии сочетания административных, общественных норм воздействия на сознание и поведение подростков с активным наступательным использованием оперативно-розыскных сил и средств.

Одной из постоянных форм участия в предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений среди несовершеннолетних является институт внештатных сотрудников полиции.

При этом ни в коем случае недопустима подмена сотрудников оперативных подразделений внештатными сотрудниками, переложение на них обязанностей, проведения ОРМ⁷. Непосредственно под руководством закрепленного за ним сотрудника оперативного подразделения внештатный сотрудник

7 См.: Об утверждении Инструкции по организации деятельности внештатных сотрудников полиции : приказ МВД России от 10.01.2012 N 8 (п. 6 и п. 7).

может участвовать в подготовке и проведении лишь некоторых ОРМ и в исключительных случаях получения нужной информации, имеющей значение для раскрытия преступлений, но в основном – в профилактическом воздействии на несовершеннолетних, характеризующихся противоправным поведением. При этом сотрудникам целесообразно работать с несовершеннолетними, требующими усиленного контроля (например, ранее судимые, «отрицательные авторитеты» из числа несовершеннолетних и т.п.), а профилактику в отношении менее криминогенных несовершеннолетних проводить силами внештатного сотрудника.

Вместе с тем следует отметить, что основной проблемой в развитии движения общественных формирований, участвующих в охране общественного порядка (в нашем случае в борьбе с преступностью несовершеннолетних), главным препятствием роста их рядов является отсутствие необходимых государственных гарантий их правовой и социальной защиты, что препятствует дальнейшему их развитию, повышению активности участия населения в оказании содействия ОВД [6, с. 30].

Суть одной из проблем заключается в том, что, оказывая содействие ОВД в борьбе с преступностью несовершеннолетних, граждане могут подвергаться опасности со стороны как вовлекателей, так и несовершеннолетних преступников. Причем надо заметить, законопроект, в котором предполагалась дополнить ст. 317 УК РФ наказанием за посягательство на жизнь народного дружинника, внештатного сотрудника полиции был отклонен Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации, и данный вопрос до настоящего времени остается без рассмотрения.

Как видим из буквального толкования ст. 26 Федерального закона «Об участии граждан в охране общественного порядка», указанные полномочия государственных и муниципальных органов, ОВД являются не обязательными для исполнения, а лишь возможными для реализации. Следовательно, экономическая мотивация в данном случае

зависит от финансовых возможностей регионов и муниципалитетов и их заинтересованности в развитии института добровольного участия граждан в обеспечении правопорядка [1, с. 45].

Что же касается выплаты внештатным сотрудникам полиции и народным дружинникам вознаграждений за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших, поощрение внештатных сотрудников полиции за активное содействие ОВД, то она является правом государственных органов, но не обязанностью. Из этого следует, что народные дружинники и внештатные сотрудники полиции не имеют четко гарантированных прав по получению перечисленных в данной статье льгот и компенсаций.

Следует заметить, что согласно указанному закону для других категорий общественности, участвующих в охране общественного порядка, материальное стимулирование, льготы и компенсации не предусмотрены.

Полагаем, что предоставление ежегодного дополнительного отпуска народным дружинникам и внештатным сотрудникам полиции по месту работы, без сохранения заработной платы делает его мало привлекательным для граждан, участвующих в охране общественного порядка на добровольной основе [5]. Кроме того, эта мера в современных условиях не очень действенна, так как в основном приводит к конфликту с работодателем [7, с.41].

Органы местного самоуправления могут предоставлять только народным дружинникам во время исполнения ими обязанностей проездные билеты на все виды общественного транспорта городского, пригородного и местного сообщения (за исключением такси) в пределах территории муниципального образования, а для других категорий общественности такие льготы не предусмотрены.

Помимо этого для членов добровольных народных дружин данный закон устанавливает право применения физической силы, но и здесь последовательно ограничивает это состоянием необходимой обороны и крайней необходимости, избегая состояния задержа-

ния правонарушителя, но они не могут проверить документы у правонарушителей и задержать их до прибытия полиции, поскольку такие действия являются незаконными.

Для остальных категории граждан, участвующих в охране общественного порядка, такие права отсутствуют. Они должны словесно увещевать правонарушителей [7, с. 40].

Право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, гарантировано гражданам Российской Федерации ч. 2 ст. 45 Конституции России. Причем положения ст. 37 УК РФ в равной мере распространяются на всех лиц, находящихся в пределах действия Уголовного кодекса Российской Федерации, независимо от профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, от того, причинен ли лицом вред при защите своих прав или прав других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти⁸.

Соответственно, право на необходимую оборону или действия в условиях крайней необходимости, равно как и право на задержание преступника, по действующему законодательству принадлежит всем без исключения гражданам, а не только народным дружинникам.

Таким образом, запрещая народным дружинникам применять физическую силу для пресечения правонарушений, законодатель сознательно ущемляет их конституционные права. Необоснован и запрет на ношение полученного на законных основаниях оружия самообороны [8, с. 83].

В связи с изложенным можно заключить, что Федеральный закон «Об участии граждан в охране общественного порядка» явился очередным этапом развития правовой основы взаимодействия граждан и правоохрани-

тельных органов и устранил множество разночтений, но не решил всех проблем.

Полагаем, законодателю надо обратить внимание на ряд моментов, которые априори не вписываются в основные положения Федерального закона «Об участии граждан в охране общественного порядка». Необходимость внесения таких изменений назрела, потому что эффективно решать задачи в борьбе с преступностью несовершеннолетних возможно только с широким привлечением общественности.

Для конструктивного решения вышеуказанных задач, по нашему мнению, следует организовать привлечение государственных, общественных органов, представителей общественности и отдельных граждан таким образом, чтобы было обеспечено оптимальное функционирование защитного механизма, который бы в полной мере учитывал пределы компетенции каждого субъекта, осуществляющего деятельность или содействующего в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в современных условиях результативная деятельность по предупреждению преступлений и иных правонарушений несовершеннолетних возможна лишь на государственной основе с разумным привлечением населения и использованием материального стимулирования.

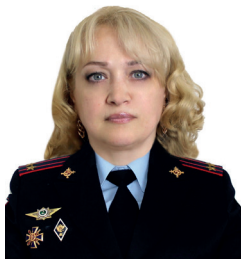
В связи с этим руководителям ОВД необходимо уделять особое внимание расстановке кадров, изучению эффективности и целенаправленности использования содействия общественности и отдельных граждан в борьбе с преступностью несовершеннолетних, а в целом принятию мер по улучшению работы в данном направлении деятельности.

⁸ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19.

Библиографический список

1. Апарина, И.В. Участие граждан в охране общественного порядка: обеспечение и реализация / И.В. Апарина // Право и практика. – 2015. – N 1. – С. 40-46.
2. Волынкин, Е.Н. Правовые и организационно-тактические аспекты содействия граждан подразделениям уголовного розыска в борьбе с преступностью несовершеннолетних : монография / Е.Н. Волынкин. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2004. – 147 с.
3. Гамзина, А.В. Новые пути решения проблемы роста правонарушений, совершаемых несовершеннолетними / А.В. Гамзина // Административно-правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: проблемы и пути их решения : сборник трудов межвузовской научно-практической конференции. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. – С. 62-63.
4. Громадская, Н.В. Взаимодействие институтов гражданского общества с органами внутренних дел / Н.В. Громадская // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXI международной научно-практической конференции. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. – С. 41-46.
5. Данелян, Р.Н. Проблемные вопросы законодательного регулирования деятельности членов общественных объединений по охране общественного порядка в Российской Федерации / Р.Н. Данелян // Концепт. – 2015. – Т. 13. – С. 4569. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/85914.htm> (дата обращения: 26.04.2021).
6. Елисеев, А.В. Актуальные вопросы участия граждан в охране общественного порядка / А.В. Елисеев, С.И. Агафонов // Вестник экономической безопасности – 2016. – N 3. – С. 27-31.
7. Пеструилов, А.С. Проблемы и положительный опыт законодательного регулирования участия граждан в охране общественного порядка / А.С. Пеструилов, А.А. Жуйков // Научный вестник. – 2016. – N 1 (60) – С. 38-42.
8. Третьяков, В.И. Законодательные инициативы Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в сфере участия граждан в охране общественного порядка / В.И. Третьяков // Криминологический журнал. – 2013. – N 4. – С. 81-85.
9. Фалаев, М. Казакам предложат охранять общественный порядок на платной основе / М. Фалаев // Российская газета. Федеральный выпуск N 224(8278). – URL: <https://rg.ru/gazeta/rg/2020/10/06.html> (дата обращения 26.04.2021).

**Ольга Валериевна
МАЛЫГИНА,**

доцент кафедры оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел Всероссийского института повышения квалификации МВД России (г. Москва), кандидат психологических наук
olia.vod@yandex.ru

**Григорий Анатольевич
РУКАВИШНИКОВ,**

старший преподаватель кафедры оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел Всероссийского института повышения квалификации МВД России (г. Москва), кандидат юридических наук
grukavishnikov2@mvd.ru

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЕМАХ УСТАНОВЛЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КОНТАКТА С ИСТОЧНИКАМИ ОПЕРАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ

TO THE QUESTION ABOUT SOME PSYCHOLOGICAL TECHNIQUES OF ESTABLISHING CONTACT BETWEEN THE OFFICERS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AND SOURCES OF OPERATIONAL INFORMATION

В статье рассматриваются некоторые психологические приемы установления контактов оперативных сотрудников с лицами, предоставляющими оперативно значимую информацию, в том числе на условиях анонимности. Отмечаются различия в общении в ходе телефонного контакта и при непосредственной встрече. Указываются барьеры, возникающие в процессе общения, влияющие на его результативность. С учетом содержания взаимодействия с лицами, оказывающими анонимное содействие, выделяются организационно-тактические и психологические особенности установления оперативного контакта с названной категорией лиц. Упоминаются психологические приемы, применение которых будет способствовать установлению доверительных отношений с источниками оперативной информации и эффективному общению с ними.

The article considers some psychological techniques for establishing contacts between operatives and persons providing promptly relevant information, including on condition of anonymity. There are differences in communication during telephone contact and during a direct meeting. The barriers arising in the process of communication that affect its effectiveness are indicated. Taking into account the content of interaction with persons providing anonymous assistance, the organizational and tactical and psychological features of establishing operational contact with the named category of persons are distinguished. The psychological techniques the use of which will contribute to the establishment of trust relationship with sources of operational information and effective communication with them are mentioned.

Ключевые слова: анонимное содействие, доверительные отношения, психологические технологии общения, психологические приемы, барьеры общения, оперативная информация.

Keywords: anonymous assistance, trust relationship, psychological communication technologies, psychological techniques, communication barriers, operational information.

Оперативные подразделения органов внутренних дел (далее – ОВД) используют различные каналы для получения сведений, представляющих оперативный интерес. Одним из источников поступления таких сведений являются лица, оказывающие анонимное содействие оперативным подразделениям ОВД.

В оперативно-розыскной теории анонимным источником информации (от греческого «*απόκρυπτος*» – безымянный) признается лицо, скрытно, без личного представления, оказавшее (оказывающее) одностороннее содействие осуществлению оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) [14, с. 180].

Анонимная помощь заключается в передаче оперативным сотрудникам значимой информации, способствующей решению задач по борьбе с преступностью, лицами, не желающими раскрывать свое имя и в дальнейшем участвовать в уголовном процессе. Предоставление ОВД такой информации может происходить различными способами. Условно их можно разделить на контактные (непосредственная встреча, телефон, Интернет и др.) и бесконтактные (почта, тайник и др.).

В настоящей статье рассматривается контактный способ передачи информации, предполагающий непосредственное общение оперативного сотрудника с лицом, оказывающим содействие ОВД на условиях анонимности. Общение, то есть установление и поддержание целенаправленного прямого или опосредованного контакта между людьми, так или иначе связанными друг с другом в психологическом отношении [9, с. 116], с анонимным источником с целью получения оперативно значимой информации, как и всякое общение между людьми, основано на психологических закономерностях установления контакта и развития доверительных отношений [2, с. 27]. Наличие доверия является неотъемлемой частью межличностного общения. Там, где нет доверия, нет и полноценного информационного обмена [7].

Психологические аспекты общения между людьми в ходе непосредственной встречи, в том числе применительно к общению сотрудников оперативных подразделений с лицами,

оказывающими содействие ОВД, достаточно подробно изложены в специальной литературе, в связи с чем мы сосредоточим внимание на рассмотрении вопросов, связанных с общением оперативного сотрудника и анонима в ходе контакта по телефону.

Поскольку анонимное содействие при названных способах оказания информационной помощи по содержанию ближе всего к содействию, оказываемому ОВД лицами на основе оперативного контакта, психологические приемы, используемые при общении оперативным сотрудником, как с анонимом, так и с лицом «на оперативном контакте», во многом схожи. В связи с этим многие положения, касающиеся установления доверительных отношений с лицами, оказывающими содействие ОВД в форме оперативного контакта [11; 18], нами будут использованы применительно к общению с анонимами.

Такое общение имеет особенности как организационно-тактического, так и психологического характера.

Организационно-тактический аспект телефонного контакта характеризуется взаимосвязанными факторами, определяющими его особенности:

а) необходимостью получения максимального количества сведений, которыми лицо располагает, в условиях ограниченного времени контакта;

б) неожиданностью контакта с анонимом, поскольку достоверно не определено ни время, ни место его осуществления, что исключает возможность качественной подготовки к предстоящему диалогу;

в) невозможностью тщательного планирования проведения беседы с анонимом, а также прогнозирования поведения и характера действий собеседника.

г) особенностью проведения предварительной проверки полученной информации с учетом отсутствия характеризующих сведений о лице, ее предоставившем.

Однако необходимо отметить, что на этапе подготовки к возможному общению с анонимом оперативный сотрудник, обладая определенными навыками коммуникативно-го общения, может не только в общих чертах

выстроить прогноз и тактику предстоящей беседы с ним, но и продумать схему постановки вопросов («что мне нужно», «что за человек», «как подавать и принимать информацию», «каково его эмоциональное состояние и реакция на обращение» и т.п.). Это связано с тем, что подобное общение сопровождается дефицитом времени, а также отсутствием конкретного определения задач, решение которых возможно в результате такого общения, и круга лиц, с которым может быть осуществлен такой контакт. Также необходимо отметить, что следствием такого общения является то, что оперативный сотрудник не знает анкетных данных анонима, то есть не имеет реальной возможности осуществить предварительное изучение и проверку предполагаемого собеседника, как того требует «классическая» схема подготовки встречи с лицом, оказывающим содействие ОВД.

Проводя телефонное общение с анонимом, оперативному сотруднику необходимо понять интересы и мотивацию собеседника по общению, так как интересы и мотивы оказания такого содействия могут быть совершенно различными (корысть, месть, карьеризм, патриотизм, чувство долга и т.д.). Понимание мотивов, которыми лицо руководствовалось, предоставляя информацию оперативным сотрудникам, будет определять особенности ее предварительной проверки и последующей реализации, поскольку для оперативных подразделений первоочередное значение имеет важность получаемой информации.

Одной из основных психологических особенностей телефонного общения является так называемый эффект «ограничения коммуникации», который проявляется в следующем:

во-первых, при таком общении используется единственный акустический (слуховой) канал приема-передачи информации, что приводит к значительному сужению ее потока (по сравнению с общением в ходе непосредственной встречи);

во-вторых, при таком контакте (положительный эффект) улучшается вербализация информации (словесное выражение передаваемых сведений), уменьшается чувство тре-

воги, это приводит к тому, что в отсутствие зрительного восприятия собеседника обратившееся лицо, как правило, в определенной степени идеализирует человека «на другом конце провода», представляя его более компетентным, чутким, эмпатийным, зрелым, чем при непосредственном контакте, вследствие чего повышается эффективность взаимодействия [16, с. 23].

Другой особенностью является то, что лицо, приняв решение об оказании содействия ОВД и выбрав для этого анонимный способ передачи информации по телефону, тем не менее опасается нарушения конфиденциальности беседы и возможности наступления неблагоприятных последствий. В связи с этим лица, передающие органам внутренних дел необходимые сведения на условиях анонимности, нередко в ходе разговора ведут себя не совсем адекватно (нервничают, несвязно излагают мысли, путаются и т.п.), при этом стараются быстрее завершить разговор. По указанным причинам объективность получаемой таким способом информации несколько снижается, что впоследствии может привести к определенным сложностям при ее проверке и использовании для решения задач оперативно-розыскной деятельности [8, с. 21].

В целях формирования доверительного общения с анонимом при телефонном контакте оперативному сотруднику необходимо выполнение определенных психологических установок: на понимающее, не оценочное реагирование на мысли, чувства, представления и высказывания собеседника, на положительное восприятие личности собеседника, независимо от его достоинств и недостатков и др. [4]

Для эффективного установления психологического контакта с анонимным источником по телефону и продолжения доверительных отношений целесообразно придерживаться советов специалистов в области психологии и телефонного общения: больше слушать, меньше говорить, «следовать» за высказываниями и эмоциями собеседника, воздерживаться от своих оценок, стремиться реагировать прежде всего на личностно значимую инфор-

мацию, связанную с интересами и потребностями собеседника и др. [5]. Следовательно, оперативные сотрудники должны уметь использовать соответствующую психотехнику эффективного общения, которая реализуется через владение приемами наблюдения, анализа, эффективного слушания. Среди таких приемов, которые являются общими и используются оперативными сотрудниками независимо от способов осуществления контакта с лицами, оказывающими содействие, в том числе в определенной степени с анонимными источниками, можно выделить следующие:

– прием подготовки к общению, который включает определение цели, задач, получение представления о собеседнике, разработка схемы общения;

– приемы эффективного слушания, включающие следующие навыки, такие как демонстрация заинтересованности в собеседнике, отражение эмоциональных состояний говорящего, нахождение точек соприкосновения (демонстрация общности взглядов), накопление согласий на первоначальном этапе общения, эмпирические ответы, обращение к собеседнику за уточнением, так называемое «психологическое поглаживание», перефразирование, подытоживание, «отзеркаливание» и т.д. [13];

– приемы саморегуляции, включающие навыки отключения от внешних факторов, эмоциональную сдержанность, распределение внимания между формальной и процессуальной стороной общения.

Использование приемов психологического воздействия позволяет четко формулировать прямые вопросы, не допускать нарушения дистанции при общении, использовать вопросы-ярлыки и вопросы, не допускающие отрицательного ответа.

Помимо навыков владения приемами психологического воздействия оперативному сотруднику необходимы умения, позволяющие на основе анализа данных психологических признаков личности, полученных в ходе разговора с собеседником, определять тактику дальнейшего общения с учетом его воспитания, социального положения, образованно-

сти, профессиональной принадлежности, национальных традиций и др.

В связи с этим необходимо отметить, что в профессиональном общении требуется учитывать последствия всех сказанных оперативным сотрудником слов и поведения в разных ситуациях общения, думать не только о том, что сказать, но и как сказать. Ошибочно сказанная фраза, тон, слово могут серьезно навредить общению, а порой, учитывая психологическое состояние анонимного источника, повлечь прекращение связи [19].

Оперативный сотрудник должен иметь представление об этикете телефонного общения [подр.: 17], обладать высокой культурой и нравственностью, владеть элементарными знаниями этики, быть сдержанным и коммуникабельным, восприимчивым к потребностям других и учитывать психическое и эмоциональное состояние собеседника, так как от этого нередко зависит результативность диалога с анонимом.

Решение задачи по эффективному общению во многом определяется использованием навыков коммуникации вербального и невербального общения. Следует отметить, что общение является достаточно сложным социально-психологическим процессом взаимопонимания между людьми и осуществляется по основным каналам общения: речевому (вербальному) и неречевому (невербальному). В связи с этим оперативный сотрудник должен быть готов к тому, что его собеседник может принадлежать к различным социальным слоям общества и использовать в разговоре любые даже узкопрофессиональные термины или сленговые выражения. Опыт показывает, что в таких случаях эффективным является применение такого приема психологического воздействия, как «короткие фразы», которые более точны и логичны, удобны для восприятия и понимания на любом, как профессиональном, так и интеллектуально-социальном, уровнях общения.

По мнению специалистов, занимающихся данной проблематикой, в ходе вербального общения (во время задействования слухового канала передачи информации) необходимо использовать такие методы вербальной си-

стемы коммуникации, как «присоединение, подстройку к собеседнику» путем отражения 100% темпа и ритма его дыхания, а также 100% его голоса (темпа, тона, ритма и громкости речи) [1], а также навыки слушания, грамматики и дикции.

Кроме того, чтобы общение состоялось и носило продуктивный характер, оперативный сотрудник должен уметь:

- ясно понимать и осознавать, что собирается сказать;
- удерживать внимание собеседника (анонимного источника информации);
- установить доверительные отношения с лицом, оказывающим содействие ОВД;
- контролировать характер вопросов и ответов с учетом их конфиденциальности;
- выбрать такие слова, чтобы мысль была верна и понятна;
- показать в процессе общения уверенность в собственных силах и профессиональной компетенции;
- показать собеседнику (анонимному источнику), что сможет решить его вопрос и обеспечить его анонимность, как источника информации;
- демонстрировать уважение к собеседнику как к источнику важной информации.

Говоря об эффективном общении, стоит упомянуть его коммуникативную и информационную стороны.

Коммуникативная сторона общения прежде всего характеризует специфику информационного процесса общения, а средствами указанного процесса являются различные знаковые системы, такие как:

- речь, система знаков (жесты, мимика, пантомимика);
- лингвистическая система (паузы, интонации, неречевые элементы);
- система организации пространства и времени общения;
- система зрительного контакта.

Информационная сторона общения – это передача и получение информации при непосредственном контакте с собеседником, где каждый из партнеров по общению стремится повлиять друг на друга вербальными средствами. При этом процесс передачи ин-

формации от одного партнера к другому (или другим) не является односторонним, это всегда обмен информацией, в том числе характеризующей общающихся, где важную роль приобретает так называемый элемент «обратной связи».

Также важной стороной коммуникации является то, что во время акта общения собеседники должны говорить на «одном языке». В связи с этим необходимо отметить основные отличия, выраженные в особенностях общения с анонимным источником информации по телефону и при обычной коммуникации в ходе непосредственной встречи с лицом на «оперативном контакте».

При телефонном общении с анонимным источником информации оперативный сотрудник вынужден устанавливать коммуникацию не визуально, а только по одному акустическому каналу восприятия информации, не видя собеседника, его эмоций и реакций в процессе общения, которые могут напрячь, остановить или сбить человека на другом конце провода. Следует отметить, что при телефонном общении достаточно сложно сразу оценить качество воспринимаемой информации, так как собеседник может заранее подготовить текст и фразы и зачитывать их, не обращая внимание на задаваемые оперативным сотрудником вопросы.

Также при телефонном разговоре оперативный сотрудник не имеет информации о внешнем виде собеседника, о выражении его лица при тех или иных словах, интерьере помещения, где он находится, и других невербальных аспектах, которые могут помочь в определении характера общения. При этом собеседник может использовать такие невербальные стимулы, которыми можно манипулировать при умелом обращении с телефоном как средством коммуникации: момент, выбранный для паузы, молчание, усиление или ослабление шумового фона, интонация, выражающая энтузиазм или согласие, и др.

При непосредственной встрече с анонимным источником информации оперативный сотрудник использует несколько знаковых систем параллельно, как правило, это несколько каналов передачи информации:

акустический, визуальный (невербальный) и вербальный. Именно визуальный канал позволяет оперативному сотруднику видеть внешние данные собеседника, а именно его социальную принадлежность, наличие татуировок, шрамов и других отличительных признаков. При личном общении с анонимным источником оперативный сотрудник сам может назначать место встречи, а также видеть эмоциональное состояние и реакцию собеседника, а значит, может подобрать оптимальную тактику своего поведения, понять, например, мотивы собеседника, его настроенность на беседу, и корректировать диалог, направляя его в нужное русло.

Также необходимо учитывать, что в условиях человеческой коммуникации могут возникать коммуникативные барьеры, то есть некоторые психологические препятствия на пути адекватной передачи информации между партнерами по общению, носящие в основном социальный и психологический характер. Наиболее характерными из них являются фонетическое непонимание, психологический, эмоциональный и стилистический барьеры, социально-культурные различия и др. Например, эмоциональный барьер может возникнуть в том случае, когда один из собеседников использует пренебрежительную или грубую форму общения. Такое поведение способно вызывать эмоциональную вспышку негодования, что не будет способствовать эффективному общению.

Коммуникативный барьер также может возникнуть в тех случаях, когда у человека имеется исключительное эмоциональное состояние, которое проявляется в крайней степени возбужденности, подавленности, истерике и др. В такой ситуации, как правило, у человека отсутствует возможность понимания и осмысления сущности той информации, которую он передает или получает. Наличие данного факта также ведет к созданию условий для возникновения преграды психологического характера.

Психологические барьеры общения наиболее часто выражаются в тревожности, дискомфорте и необоснованном страхе. Говоря о лицах, оказывающих содействие на аноним-

ной основе, следует понимать, что они, как правило, испытывают значительное волнение по поводу конфиденциальности той информации, которую намереваются предоставить на добровольной основе.

Признаки социально-культурной стороны общения также нередко носят невербальный характер. Оперативный сотрудник должен учитывать такие особенности общения, как социальный и культурный уровень собеседника, а использование сленга, жаргона и наличие татуировок зачастую являются специфическими средствами общения в определенной среде. Незнание таких средств общения может стать своеобразным барьером для установления эффективной коммуникации.

Для преодоления указанных и иных барьеров общения оперативным сотрудникам необходимо:

- «заботиться» об эффективности общения;
- учитывать шум, смену освещения, постараться изолировать собеседника от любого постороннего воздействия, управлять вниманием в общении и понимать собеседника;
- знать некоторые способы и приемы преодоления барьеров коммуникации, которые помогут достаточно качественно провести общение с анонимным источником информации.

К таким приемам относятся:

- «имя собственное» (важно произносить имя собеседника; такое внимание помогает человеку самоутвердиться, это расслабляет, вызывает доверие) – при условии, если «источник» сам пожелает назвать свое имя или представится так, как ему будет комфортно;
- «зеркало отношений» (выражается в теплой улыбке, доброжелательном тоне и участливом выражении лица; у собеседника возникает ощущение защищенности);
- «золотые слова» (комплименты создают иллюзию совершенствования, появляется чувство удовлетворенности);
- «терпеливый слушатель» (внимательное выслушивание информации, которую излагает собеседник);

– «личная жизнь» (стоит проявить внимание к внутреннему миру и увлечениям собеседника, после этого человек «открывается», общается активнее).

Некоторые барьеры можно устранить в процессе беседы, а остальные – умело обойти. Важно проявлять терпение, внимательность и участливость, а также помнить о том, что хорошим собеседником считается не тот, кто хорошо говорит, а тот, кто хорошо слушает.

Поскольку наша статья предполагает практическую направленность, и предназначена в большей степени для действующих оперативных сотрудников, мы постарались изложить более развернутое описание психотехник и методов, необходимых в профессиональной деятельности данной категории сотрудников для установления доверительных отношений с анонимными источниками информации в ходе телефонного контакта. Важно учитывать, что реализация указанных рекомендаций в практической деятельности сотрудников оперативных подразделений предполагает знание ими основных приемов и психотехник установления психологического контакта и эффективного общения. Между тем больше половины оперативных сотрудников отмечают, что установлению доверительных отношений с лицами, оказывающими содействие ОВД в борьбе с преступностью, им мешает незнание психологии межличностного общения [11, с. 96]. Это обуславливает необходимость раз-

вития психологической компетентности оперативных сотрудников в сфере межличностного общения [10, с. 19].

Актуальность указанных положений подтверждается тем, что, во-первых, одним из факторов, непосредственно влияющих на степень установления и использования доверительных отношений с гражданами в борьбе с преступностью, является профессиональная подготовка оперативных сотрудников [3, с. 14]; во-вторых, 37% респондентов решающую роль в установлении психологического контакта и доверительных отношений отводят опыту и профессионализму оперативного сотрудника [6, с. 91]. Изложенное подтверждает необходимость повышения уровня профессиональной подготовленности сотрудников оперативных подразделений в части изучения и совершенствования навыков установления и развития доверительных отношений. Использование разработанных психологических технологий общения [подр.: 15] с потенциальными источниками оперативной информации представляет практический интерес с точки зрения возможного дальнейшего продолжения отношений с анонимным источником.

Выполнение предложенных рекомендаций, по нашему мнению, позволит оперативному сотруднику провести беседу с анонимом в доверительной форме и получить необходимые сведения, имеющие значение для решения задач по борьбе с преступностью.

Библиографический список

1. Аврамцев, В.В. Психотехника оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие / В.В. Аврамцев, В.А. Носков. – Н. Новгород, 1996.
2. Аврутин, Ю.Е. Основы психологии оперативно-розыскной деятельности аппаратов уголовного розыска : курс лекций / Ю.Е. Аврутин ; под ред. Г.Г. Надсона. – Л., 1991.
3. Бобровнический, И.Н. Психолого-коммуникативные аспекты получения оперативно-розыскной информации / И.Н. Бобровнический // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы IV международной научно-практической конференции. – Барнаул, 2006.
4. Воронов, А.М. Использование доверительных отношений с гражданами в деятельности органов внутренних дел по предупреждению и раскрытию преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.М. Воронов. – М., 1994.

5. Голубев, А.Л. Учимся формировать доверительные отношения и эффективно общаться в условиях оперативно-розыскной деятельности / А.Л. Голубев // Оперативник (сыщик). – 2007. – N 2.
6. Дьячкова, Ю.Е. Методика установления психологического контакта и доверительных отношений сотрудниками органов внутренних дел с гражданами при выполнении оперативно-служебных задач : учебное пособие / Ю.Е. Дьячкова. – Челябинск, 2006.
7. Иванов, П.И. К вопросу об особенностях организации конфиденциального содействия граждан подразделениям БЭП в аграрном секторе экономики / П.И. Иванов, В.В. Антонов // Вопросы совершенствования оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : сборник научных трудов. – М., 2003.
8. Кошев, А.К. Оперативно-психологические особенности работы оперативного состава таможенных органов с гражданами на доверительной основе / А.К. Кошев, Р.Г. Венглинский, А.А. Крайнов // Поиск : сборник статей по проблемам правоохранительной деятельности. Вып. 3. – М., 2004.
9. Кукарцев, В.Н. Вопросы анонимного содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел / В.Н. Кукарцев, Л.В. Яковлев // Оперативно-розыскная работа : бюллетень МВД России. – 2007. – N 2.
10. Леонтьев, А.А. Общение как объект психологического исследования / А.А. Леонтьев // Методологические проблемы психологии. – М., 1975.
11. Мицкевич, В.В. Установление психологического контакта сотрудниками органов внутренних дел с гражданами при решении оперативно-служебных задач : дис. ... канд. психол. наук / В.В. Мицкевич. – М., 1989.
12. Нетреба, В.А. Психологические аспекты установления и развития оперативного контакта / В.А. Нетреба // Актуальные вопросы развития теории и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : сборник научных трудов. – М., 1999.
13. Новокшенов, В.А. Некоторые особенности становления профессиональных качеств у молодых оперуполномоченных уголовного розыска / В.А. Новокшенов // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел на современном этапе : материалы научно-практической конференции Ч. 1. – Домодедово, 2004.
14. Оперативно-розыскная психология : лекции по курсу. – М., 1993.
15. Столяренко, А.М. Психологические приемы в работе юриста : практическое пособие / А.М. Столяренко. – М., 2001.
16. Хазов, Е.Н. Анонимное содействие граждан в решении задач ОРД (проблемы, суждения, пути решения) / Е.Н. Хазов, А.В. Богданов // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – N 5.
17. Ханнанов, Р.Р. О понятии «психологическая технология» / Р.Р. Ханнанов // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – N 3.
18. Хачатурян, С.Д. Консультирование в деятельности «Телефонов доверия» при правоохранительных органах : учебно-методическое пособие / С.Д. Хачатурян. – Владимир, 2000.
19. Храпков, И.Б. Телефонное общение в бизнесе / И.Б. Храпков. – М., 2004.
20. Чуфаровский, Ю.В. Психология оперативно-розыскной деятельности / Ю.В. Чуфаровский. – М., 2005.
21. Яковец, Е.Н. Правовые, организационные и тактические основы установления оперативных контактов / Е.Н. Яковец // Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел: современные проблемы : труды Академии управления МВД России. – М., 2001.
22. Яковлев, Л.В. Особенности ведения беседы с гражданами, анонимно содействующими оперативным аппаратам органов внутренних дел / Л.В. Яковлев // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : сборник научных статей. – Барнаул, 2005.

**Владимир Александрович
ГУСЕВ,**

заместитель начальника
Омской академии МВД России (по научной работе),
доктор юридических наук, доцент
GusevVA@mail.ru

**Олег Иванович
БЕКЕТОВ,**

начальник кафедры административного права
и административной деятельности органов внутренних
дел Омской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор
ol_beketov@mail.ru

ПРОЯВЛЕНИЯ «ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО» В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ И ПРАКТИКЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

PHENOMENONS OF «EXTRAORDINARY» IN ADMINISTRATIVE LAW AND PUBLIC ADMINISTRATION PRACTICE

Проблематика «чрезвычайного» в политике, административном праве и практике государственного управления внезапно обрела новую актуальность. При этом наибольшую ценность представляет исследование феномена «чрезвычайного» с позиций той части административного законодательства и тех структур исполнительной власти, которые прямо предназначены обеспечивать применение силы в целях защиты от опасности. Делается вывод, что расширение и укрепление областей «чрезвычайного» в административном праве и государственном управлении отражает долговременную абсолютно доминирующую социально-политическую тенденцию, которую следует принимать во внимание при прогнозировании направлений развития государственных и правовых институтов.

The problems of «extraordinary» in politics, administrative law and governance practices suddenly have gained renewed salience. At the same time, the most valuable is the research of phenomenon «extraordinary» from the perspective of that part of administrative legislation and those structures of executive branch which provide use of force in order to defence from danger. The conclusion is made, that the expansion and strengthening of areas of «extraordinary» in administrative law and governance practices reflect long-term absolutely dominant socio-political trend, which should be taken into consideration in projecting areas of development governance and legal institutions.

Ключевые слова: «чрезвычайное» в административном праве, государственное управление, защита от опасности, полиция, правило, управленческая технология.

Keywords: «extraordinary» in administrative law, public administration, defence from danger, police, the rule, management technology.

Лексемы «чрезвычайный», «чрезвычайная», «чрезвычайное» в отличие от многих других, используемых в публично-правовом дискурсе, не заимствованы, а имеют исключительно русскоязычное проис-

хождение. В юридическом словоупотреблении сегодня они характеризуют многообразные, хотя и имеющие общие черты, явления, которые нуждаются в дополнительном углубленном исследовании как с правовой (пре-

жде всего административно-правовой), так и с политической точек зрения. Проблематика «чрезвычайного» в праве, «чрезвычайной ситуации», «чрезвычайного положения», «режима повышенной готовности», других экстраординарных правовых институтов, их места в управленческой парадигме современных государств внезапно обрела новую значимость, хотя, как выяснилось, предварительно получила фундаментальное обоснование в философских источниках [1; 2; 6].

До учреждения и повсеместного введения в нашей стране режима повышенной готовности наиболее распространенным являлся режим чрезвычайной ситуации, устанавливаемый на определенной территории, на которой происходит какое-либо угрожающее событие – авария, опасное природное явление, техногенная катастрофа, распространение заболевания, представляющего высокую опасность для окружающих, стихийное или иное бедствие, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей. При всех особенностях в целом его можно охарактеризовать как «усиленный» режим повседневной деятельности, имеющий целью нормализацию обстановки путем введения совокупности административных ограничений и мобилизации ресурсов. Режим повышенной готовности или чрезвычайной ситуации по российскому законодательству может вводиться органами власти субъекта Российской Федерации для соответствующих органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, а Правительством Российской Федерации – на всей территории Российской Федерации либо на ее части в случае угрозы возникновения и (или) возникновения чрезвычайной ситуации федерального или межрегионального характера¹.

В отличие от чрезвычайной ситуации чрезвычайное положение представляет собой особый правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм, допускающий установление законом отдельных весьма чувствительных ограничений прав и свобод граждан, организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей.

Чрезвычайное положение на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях вводится исключительно Указом Президента Российской Федерации лишь при наличии обстоятельств, которые представляют собой непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан или конституционному строю Российской Федерации и устранение которых невозможно без применения чрезвычайных мер². В сравнении с чрезвычайной ситуацией чрезвычайное положение – это значительно более суровый, можно сказать, исключительный режим, который после «августовского путча» 1991 г. в нашей стране ни разу не вводился.

При всей «чрезвычайности» режима, в котором население России провело уже два года и в условиях которого продолжает пребывать до сих пор, это все же региональный режим даже не чрезвычайной ситуации, а ему предшествующий, более мягкий режим повышенной готовности, который регионы вводили прежде всего как режим функционирования соответствующих органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, перманентно корректировали его, так сказать, по месту жительства, работы и учебы граждан. И сейчас этот режим в основных чертах соответствует указам глав субъектов Российской Федерации, принятым в марте 2020 г. То, что хотя к прежней обыденной жизни мы не вернулись, но стали более буд-

1 О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : Федеральный закон от 21.12.1994 N 68-ФЗ, ст. 1, 10, 11.

2 О чрезвычайном положении : Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 N 3-ФКЗ, ст. 1, 3.

нично воспринимать новую реальность, чуть больше года назад вполне осознаваемую в качестве «чрезвычайной», подводит нас к вопросу о том, что означает «чрезвычайное» с политической точки зрения³.

Не секрет, что сама легитимация государственной власти, права на применение силы, которое государство монополизирует, всегда основана на том, что указанная государственная сила защищает нас (соответственно, и самое себя) от какой-либо опасности. Одна из теорий происхождения государства основывает его на том, что оно возникло, когда надо было с кем-то воевать, обеспечивать господство определенной группы людей, завоевывать новые территории и имущество либо защищать свои, и для этого нужно было объединяться, мобилизовывать ресурсы, руководить, дисциплинировать; именно таким образом из разрозненного родоплеменного порядка возник «вождистский» тип власти, который потом эволюционировал в более сложные формы государственности. Таким образом, можно утверждать, что любая государственность из «чрезвычайного» происходит и заинтересована в его сохранении. К тому же общая «чрезвычайщина» и необходимость отражения внутренних и внешних угроз могут служить убедительным обоснованием пассивного отношения к любым модернизациям и реформам, нарушающим привычное существование [7, с. 43].

Обозначение какого-либо административно-правового режима или института как чрезвычайного предполагает, что есть и рутинный; если есть исключение, то есть и правило, норма, от которых указанное исключение отталкивается. Казалось бы, «чрезвычайное» в праве не может быть установлено надолго, на десятилетия, тем более навсегда, но многие институты административного и дореволюционного полицейского права говорят об обратном. Приведем некоторые достаточно яркие, с нашей точки зрения, примеры «рутинизированной чрезвычайности», постепенно

ставшей правовой обыденностью.

1. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Его прототипом явился гласный полицейский надзор в Российской Империи⁴, который был учрежден в качестве одной из чрезвычайных мер, направленных на противодействие усиливающемуся революционному движению, используемым методам террора. Толчком к его установлению явилось убийство 1 марта 1881 г. народовольцами императора Александра II. За почти сто пятьдесят лет существования постепенно превратился в современный правовой институт, обеспечивающий эффективное предупреждение рецидивной преступности.

2. Специальный контроль в аэропортах, введенный в 1970-х гг. с целью предупреждения и пресечения актов незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации, ставший более чем привычным атрибутом пассажирских авиаперевозок.

3. Режим повышенной готовности. Вполне мог быть отнесен к разделу чрезвычайного законодательства в дореволюционном полицейском праве. Находится в процессе рутинизации, мы постепенно привыкаем к нему и практически перестаем замечать его изначально «чрезвычайный» характер.

4. Высокая строгость административной ответственности за участие в несогласованных публичных мероприятиях, установление уголовной ответственности за повторность такого участия.

5. Установление и применение административной и уголовной ответственности за экстремизм.

6. Быстрое развитие антитеррористического законодательства, предусматривающего в том числе право применения вооруженными силами оружия и боевой техники для пресечения полета воздушного судна (движения плавательного средства) путем его уничтожения, установленное большинством современных цивилизованных государств.

³ Статус. Выпуск 17.03.2020. URL: <http://echo.msk.ru/programs/status/2606714-echo/> (дата обращения: 01.12.2021).

⁴ Положение о гласном полицейском надзоре было утверждено российским императором Александром III 12 марта 1882 г.

7. Учреждение и параллельное функционирование трех полицейских структур (общей полиции, военной полиции и войск национальной гвардии), сопровождающееся, с одной стороны, непрерывным расширением их полномочий, с другой – определенным выходом полиции за рамки правовой основы своей деятельности. Так, согласно п. 2 ст. 3 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» полиция в своей деятельности руководствуется законами субъектов Российской Федерации по вопросам охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, изданными в пределах их компетенции. Авторы Комментария к Федеральному закону «О полиции» справедливо указывают, что «круг нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, которыми должна руководствоваться полиция, ограничен только законами. Это означает, что в качестве правовой основы деятельности полиции не могут выступать подзаконные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации» [5, с. 32]. Между тем сегодня полиция, безусловно, участвует в реализации решений высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, определяющих мероприятия по недопущению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на соответствующих территориях, и остается при этом в поле законности. «Полиция постоянно действует в состоянии, подобном «чрезвычайному положению». Вопросы «общественного порядка» и «безопасности», решения о которых она должна выносить в каждом отдельном случае, конфигурируют зону неразличимости между насилием и правом» [1, с. 106].

8. Тотальная фиксация административных правонарушений в области дорожного движения работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, дающая свыше ста миллионов привлечений к административной ответственности в год, а субъектом административного правонарушения выступает собственник транспортного средства.

Можно наблюдать существенное возрастание роли полиции как одного из базовых государственных институтов социального дисциплинирования населения [4, с. 12]. «Она раскидывает между многочисленными дисциплинарными институтами (фабриками, армиями, школами) промежуточную сеть, действующую там, где они не могут действовать, и дисциплинирующую недисциплинарные пространства» [3, с. 23].

Очевидно, что приведенный список примеров может быть намного расширен.

Можно выделить два вида чрезвычайности. Первый – это та ситуация, при которой существует определенный обыденный порядок, но вдруг в текущее течение жизни вторглись какие-либо факторы, несущие серьезную угрозу. В этом случае публичная власть в установленном порядке вводит один из заранее предусмотренных чрезвычайных административно-правовых режимов, который будет длиться до нормализации обстановки. Это так называемая рутинизируемая чрезвычайность. Данный вид чрезвычайности предполагает память о норме и стремление (даже не всегда сформулированное) в конечном итоге к ней вернуться. Второй вид чрезвычайности – это революционная чрезвычайность. Ее могут вызвать существенные изменения, произошедшие в политической жизни государства, повлекшие смену публичных властных структур. Революционно пришедшая новая власть добивается максимально возможной легитимизации и наиболее полной институционализации, признания правильности форм и методов своей деятельности. Именно таким чрезвычайным способом родилась Советская власть, при которой широко использовалась основанная на чрезвычайности терминология, а ее сердцевиной на этапе становления выступала система чрезвычайных комиссий. Используя практики чрезвычайности всегда были направлены в две стороны: во внешнюю сферу и во внутрь государства. С внешней стороны предполагалось, что страна окружена врагами, и мы либо воюем, либо скоро начнем воевать, мобилизуемся, готовимся к войне. Достаточно логично это объяснялось тем, что наш общественный строй

не похож ни на какой другой, мы первое в мире, вначале единственное социалистическое государство. Все остальные государства капиталистические, поэтому они наши враги. Сейчас это объяснить сложнее, но потребность в этом остается. Сказанное охватывается внешним вектором чрезвычайности. Ее внутренний вектор состоит в том, что, во-первых, необходима мобилизация ресурсов для того, чтобы внешним врагам противостоять, во-вторых, внутри тоже есть враги, прежде всего агенты иностранных государств.

По степени чрезвычайности и естественности, с которой этот мобилизационный модус ложился на базисную фундаментальную советскую идеологию, никакое другое государство не может сравниться с советским. В то же время заметим, что сама по себе «чрезвычайность» выгодна для любого государства. Субъект, вводящий какой-либо чрезвычайный режим или институт и заявляющий об отмене прежних правил, – он и есть власть. Одновременно он может рассчитывать на большое общественное сочувствие, потому что есть угроза и страх, и есть тот, кто спасает от беды. Последний сразу оказывается в фокусе общественного уважения. Соответственно, учреждаемые и широко применяемые меры административного принуждения и административного ограничения трансформируются, принимая вид заботы о принуждаемых.

Джорджо Агамбен в своих исследованиях глубоко анализирует эволюцию чрезвычайного положения (оно же – чрезвычайное правление, реализуемое всеми ветвями власти), применение которого постепенно распространялось, в том числе и как ответ на терроризм, и превращало исключение в

правило. «Осознанное использование вечного чрезвычайного положения (даже если оно и не было объявлено формально) стало одной из главных практик современных государств» [2, с. 9]. «На фоне неудержимого развития явления, названного «гражданской войной в мировом масштабе», чрезвычайное положение все более и более стремится стать доминирующей управленческой парадигмой современной политики. Превращение временной и исключительной меры в управленческую технологию угрожает радикально преобразовать – и фактически уже ощутимо преобразовало – структуру и смысл различных традиционных конституционных форм» [2, с. 9]. «Сегодня мы наблюдаем со всей очевидностью: с того момента как «чрезвычайное положение... стало правилом», оно все чаще и чаще оказывается управленческой технологией, а не вынужденной чрезвычайной мерой, и обнаруживает свою природу основополагающей парадигмы правового порядка» [2, с. 16].

Таким образом, наблюдаемое расширение и укрепление областей «чрезвычайного» в практике государственного управления и, соответственно, в административном, полицейском и в других, тесно с ними взаимосвязанных отраслях законодательства, выступает долговременной абсолютно доминирующей тенденцией и, одновременно, наиболее выраженной характерной чертой государственного и правового развития нашего времени, что целесообразно принимать во внимание различным категориям исследователей при прогнозировании направлений развития государственных и правовых институтов.

Библиографический список

1. Агамбен, Д. HOMO SACER. Чрезвычайное положение / Джорджо Агамбен. – М., 2011.
2. Агамбен, Д. Средства без цели. Заметки о политике / Джорджо Агамбен. – М., 2015.
3. Кильдюшов, О.В. Мишель Фуко как исследователь «полицейского государства»: программа, эвристические проблемы, перспективы изучения / О.В. Кильдюшов // Социологическое обозрение. – 2014. – Т. 13. – N 3. – С. 9-32.

4. Кильдюшов, О.В. Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики / О.В. Кильдюшов // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12. – N 3. – С. 9-40.

5. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный) / Ю.Е. Аврутин, С.П. Булавин, Ю.П. Соловей [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2018.

6. Шмитт, К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / Карл Шмитт. – М., 2020.

7. Шульман, Е. Практическая политология. Пособие по контакту с реальностью / Екатерина Шульман. – М., 2021.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

УДК 343.132

**Александр Дмитриевич
НАЗАРОВ,**

заведующий кафедрой уголовного
процесса и криминалистики
Сибирского федерального
университета (г. Красноярск),
доктор юридических наук, доцент
anazarov61@mail.ru

**Александр Иванович
БАЯНОВ,**

доцент кафедры уголовного
процесса и криминалистики
Сибирского федерального
университета (г. Красноярск),
кандидат юридических наук
bayanov1603@yandex.ru

**Владислав Алексеевич
МАЖИНСКИЙ,**

студент 1 курса магистерской
программы «Досудебное производство
по уголовным делам» Сибирского
федерального университета
(г. Красноярск)
vladmazhinskiy@mail.ru

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПРЕДПОЛАГАЮЩИХ ПОЛУЧЕНИЕ ПОКАЗАНИЙ, В НОЧНОЕ ВРЕМЯ ПРИ НАЛИЧИИ СЛУЧАЕВ, НЕ ТЕРПЯЩИХ ОТЛАГАТЕЛЬСТВА

ON THE EXPEDIENCY OF CARRYING OUT INVESTIGATIVE ACTIONS SUGGESTING OBTAIN-ING TESTIMONY AT NIGHT TIME IN URGENT CASES

В статье с учетом психофизиологических особенностей и суточной цикличности функционирования человека обосновывается нецелесообразность проведения следственных действий, предлагающих получение показаний, в ночное время при наличии случаев, не терпящих отлагательства. Предлагается дополнить часть 3 статьи 164 УПК РФ положением, запрещающим проведение допросов, очной ставки, предъявления для опознания и проверки показаний на месте в ночное время.

The inexpediency of carrying out investigative actions suggesting obtain-ing testimony at night time in urgent cases is proved in the article, taking into account the psycho-physiological characteristics and daily cyclicity of human functioning. It is proposed to supplement part 3 of Article 164 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with a provision prohibiting interrogations, face-to-face questioning, presentation for identification and verification of testimony at the crime scene at night time.

Ключевые слова: сознание человека, ночное время, следственные действия, случаи, не терпящие отлагательства, показания.

Keywords: human consciousness, night time, investigative actions, urgent cases, tes-timony.

Общее правило, установленное в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, не допускает производства следственных действий в ночное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. Исключение из общего правила (ч. 3 ст. 164 УПК РФ), по логике закона, должно применяться ко всем без исключения следственным действиям.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит понятия и перечня случаев, не терпящих отлагательства. Е.С. Алексеева исходит из того, что термин «не терпящие отлагательства» является синонимом понятия «неотложные». Статья 5 УПК РФ закрепляет определение неотложных следственных действий, целью которых является обнаружение, фиксация следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования. Таким образом, «незамедлительность» закрепления, изъятия и исследования доказательств может рассматриваться в качестве основания отнесения конкретного случая к случаю, не терпящему отлагательства [1, с. 126].

Некоторую ясность в содержание рассматриваемого понятия внесло постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. N 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ)». В п. 16 постановления указан примерный перечень случаев, которые могут быть отнесены к разряду не терпящих отлагательства: предотвращение или пресечение преступления; быстрое задержание подозреваемого, который может скрыться от уголовного преследования; ликвидация угрозы уничтожения или сокрытия предметов или орудий преступления; предотвращение сокрытия преступником предметов или документов, могущих иметь значение для уголовного дела и т.д. Следует отметить, что этот список не является исчерпывающим.

В юридической науке ведутся дискуссии о целесообразности законодательного закрепления перечня случаев, не терпящих отлагательства. Так, по мнению А.В. Осипова, значимость конституционных прав граждан,

ограничиваемых при производстве следственных действий вне предварительного судебного контроля, требует регламентации исключительных случаев на законодательном уровне. Кроме того, автор выступает за то, чтобы указанный перечень носил закрытый характер [7, с. 126]. С.Б. Россинский полагает, что введение исчерпывающего перечня обстоятельств, не терпящих отлагательства, может привести к правовой беспомощности следователя в какой-то нетипичной ситуации [8, с. 17].

С точки зрения Н.С. Мановой, исчерпывающее законодательное определение случаев, которые могут быть отнесены в той или иной следственной ситуации к числу не терпящих отлагательства, создаст на практике дополнительные проблемы, искусственно ограничивающие правоприменителя законодательными установками [6, с. 44]. Аналогичной позиции придерживается и О.Я. Баев, полагающий, что многообразие конкретных ситуаций, которые могут возникать в деятельности органов предварительного расследования, связанных с необходимостью экстренного проведения следственных действий, объективно не позволяет составить их исчерпывающий список [2, с. 271].

Нельзя не согласиться с мнениями О.Я. Баева, Н.С. Мановой и С.Б. Россинского о том, что, несмотря на имеющиеся в юридической науке предложения о законодательном закреплении перечня случаев, не терпящих отлагательства, нельзя отразить в нормах права все возможные варианты следственных ситуаций, складывающихся в ходе расследования уголовного дела.

Таким образом, понятие «случаи, не терпящие отлагательства» является оценочным и в каждой конкретной ситуации следователь, дознаватель, принимая решение о применении нормы права, позволяющей отклониться от установленного общего процессуального порядка производства следственного действия (произвести его в ночное время либо без судебного решения, когда необходимость получения такого решения предусмотрена законом), на основе внутреннего убеждения определяет, является тот либо иной случай

не терпящим отлагательства или не является таковым.

Между тем решение проблемы состоит не только в том, чтобы определить, какие из обстоятельств следует отнести к категории не терпящих отлагательства, и даже не в том, чтобы закреплять или не закреплять в законе их перечень. Решение проблемы прежде всего требует обоснования допустимости проведения отдельных следственных действий в ночное время даже при наличии обстоятельств, не терпящих отлагательства. Важно решить, что является основанием для определения времени проведения следственного действия: наличие неотложных обстоятельств или природные особенности источника информации, исследование которого направлено на получение доказательств по уголовному делу.

Все следственные действия можно разделить на виды, принимая во внимание природные особенности источника информации, подлежащего исследованию. Указанный подход деления следственных действий заложен в структуре УПК РФ (главы 24, 25, 26, 27 УПК РФ). С учетом природы источника информации все следственные действия могут быть разделены на три вида: а) следственные действия, направленные на собирание доказательств в процессе исследования объектов материальной природы (осмотр места происшествия, освидетельствование, обыск, выемка, следственный эксперимент и т.д.); б) следственные действия, направленные на получение информации, содержащейся в сознании человека (допрос, очная ставка, предъявление для опознания); в) следственные действия, направленные на получение доказательств в процессе исследования информации, содержащейся как в материальной среде, так и в сознании человека (проверка показаний на месте).

Различие в природных особенностях носителей информации (материальная среда, сознание человека) следует учитывать не только при установлении общих правил для всех следственных действий, но и при определении исключений из этих правил. Игнорирование данного положения может приводить

к следственным ошибкам и возникновению вопроса о недопустимости полученных доказательств.

Материальная среда и сознание человека имеют различную природу и функционируют (живут) по различным закономерностям. Каждый из указанных источников информации в процессе собирания доказательств требует применения специальных правил (подходов), средств изучения (методов, приемов и т.п.) и по-разному реагирует на взаимодействие с субъектом исследования (следователь, дознаватель). Материальная среда (место происшествия, место обыска, место проведения следственного эксперимента) является относительно устойчивым объектом. Все изменения, происходящие в материальной среде, носят объективный характер и не зависят от суточной цикличности.

Информационное содержание материальной обстановки не меняется от времени суток (утро, день, ночь). Меняться может только качество полученного результата (осмотра, обыска и т.п.), так как в ночное время суток снижается работоспособность участников следственных действий и ухудшаются внешние условия, необходимые для нормальной работы со следами преступления.

Иные особенности присущи человеку как источнику информации. Психофизиологические закономерности жизни человека подчиняются циклам, связанным с временем суток. Каждый из периодов характеризуется разным уровнем психофизиологической активности как для сознания, так и для организма человека.

В научных трудах по физиологии и гигиене труда выделяют три интервала в течение суток, отражающие колебания работоспособности. Первый интервал – с 6:00 до 15:00 часов, во время которого работоспособность постепенно повышается, достигает максимума к 10:00-12:00 часам, а затем постепенно начинает понижаться. Второй интервал – с 15:00 до 22:00 часов: работоспособность повышается, достигая максимума к 18:00 часам, а затем начинает уменьшаться до 22:00 часов. Третий интервал – с 22:00 до 6:00 часов – характеризуется тем, что работоспо-

способность существенно снижается и достигает минимума около трех часов утра, затем начинает возрастать, оставаясь при этом ниже среднего уровня. Помимо работоспособности в ночное время у человека ухудшаются все психические процессы, обеспечивающие безопасность его поведения, – способность принятия решений для устранения опасности и т.д. [9, с. 54]. Указанные закономерности учитываются, например, в Трудовом кодексе РФ, который устанавливает продолжительность рабочей смены в ночное время, а также запрещает определенным категориям лиц (беременные женщины, лица, не достигшие 18 лет, – ст. 96, ст. 259 ТК РФ) заниматься трудовой деятельностью в ночное время суток. Вышеуказанные положения основываются на особенностях работоспособности человеческого организма в ночное время и направлены на охрану его психического и физиологического здоровья.

Ночное время отведено человеку для сна, но не для проявления активности в психической и физиологической сферах. Сознание человека в ночное время по причине снижением активности процессов жизнедеятельности становится уязвимым, не способным не только адекватно реагировать на внешние воздействия, но и противостоять им. В таком состоянии человек не может сознательно и свободно от внешнего воздействия проявлять волю и, соответственно, выражать свои мысли. К сожалению, в мировой и отечественной истории уголовного процесса достаточно часто использовался способ получения «нужных» показаний посредством лишения допрашиваемого лица сна, так необходимого для человека.

Возникает закономерный вопрос о необходимости и целесообразности производства следственных действий в ночное время при наличии случаев, не терпящих отлагательства. Для ряда следственных действий необходимость их производства в ночное время является не только допустимым, но и целесообразным средством для решения задач, стоящих перед уголовным судопроизводством и правоохранительной системой в целом. Прежде всего это относится к тем следственным

действиям, в которых источниками информации выступают материальные объекты (вещи). Часть указанных следственных действий (осмотр места происшествия, освидетельствование, обыск и т.п.) обоснованно относятся к неотложным.

Иной, по нашему мнению, должен быть подход к следственным действиям, направленным на получение показаний. Состояние сознания человека в ночное время не способствует получению полных и правдивых показаний. Нельзя исключать, что показания, полученные в ночное время, могут быть неполными, несвязными и даже ложными и не соответствовать содержанию информации, хранящейся в памяти допрашиваемого лица. На получение такого рода показаний, как справедливо указывается в литературе, не влияет согласие лица об участии в производстве следственного действия в ночное время [5, с. 29].

Ситуация может осложняться в тех случаях, когда допрашиваемое лицо является несовершеннолетним, имеющим, в сравнении со взрослыми лицами, особенности, связанные с психофизиологическим развитием. Волевые процессы у таких лиц развиты слабо, они легко подвергаются внешнему воздействию и полностью зависят от своего внутреннего состояния и обстановки, в которой находятся. Допрашивающее лицо, принимающее решение о проведении допроса в ночное время, должно иметь в виду, что оно будет допрашивать не субъекта уголовного процесса (потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого), а прежде всего живого человека, лишённого сна и поэтому находящегося в стрессовой для него ситуации. При оценке показаний, полученных в ночное время, закономерно могут возникать вопросы об их допустимости, так как дознаватель, следователь не в состоянии обеспечить необходимые условия для реализации допрашиваемым лицом не только его права, но и обязанности на дачу полных и правдивых показаний. Очевидно, что ночное время не может быть тем фактором, которое способствует обеспечению возможности реализации лицами, дающими показания, своих прав, обязанно-

стей и законных интересов так, как этого требует закон (ч. 1 ст. 11 УПК РФ). Судебная практика имеет примеры принятия решений о признании показаний, полученных в процессе допроса, проводимого в ночное время, недопустимыми доказательствами. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 сентября 2014 г. № 56-АПУ14-34 оправдательный приговор Приморского краевого суда в отношении Ф. был оставлен без изменения. По мнению Судебной коллегии по уголовным делам, допрос несовершеннолетнего потерпевшего В. с участием педагога в ночное время для получения показаний относительно причастности подозреваемого Ф. к совершению преступления с применением наводящих вопросов противоречит общим правилам проведения допроса, установленным в ст. 187, 189, 191 УПК РФ, и приводит к недопустимости полученных показаний. Пример иллюстрирует обстоятельство, что желание быстрого проведения необходимых следственных действий для раскрытия преступления и та спешка, в которой следователь не успевает должным образом подготовиться к допросу несовершеннолетнего, особенно в ночное время, может привести к следственным ошибкам (постановка наводящих вопросов) и признанию полученных доказательств недопустимыми.

Обращая внимание на содержательную часть проблемы, связанной с проведением следственных действий в ночное время, нельзя не остановиться на организационных и технических аспектах их подготовки. Вне всяких сомнений, проведение следственных действий в ночное время требует дополнительных усилий. Однако они могут оказаться напрасными. Допрашиваемое лицо может воспользоваться правом отказаться от дачи показаний, сославшись не только на ст. 51 Конституции РФ, но и на неадекватное состояние, вызванное ночным временем. Такое заявление подлежит занесению в протокол следственного действия. Очевидно, что игнорировать данное заявление в процессе оценки полученных показаний нельзя.

Совокупность содержательных, организационных, технических особенностей, возник-

ающих в процессе подготовки и проведения следственных действий, связанных с получением показаний, в ночное время приводит к выводу о их нецелесообразности.

Как уже указывалось выше, к числу основных случаев, не терпящих отлагательства для проведения следственных действий, прежде всего относятся такие, которые связаны с необходимостью принятия мер по предотвращению или пресечению преступлений, задержанию преступников, сохранению следов преступления, изменяющихся с течением времени, и т.д. Решение указанных задач в некоторых случаях возможно не только посредством следственных действий. Отложенный до окончания ночного времени осмотр места происшествия при реальной угрозе изменения в материальной обстановке места происшествия и её следовой картины следует рассматривать в качестве грубой следственной ошибки. Перенесённые с ночного времени обыск или выемка приведут к уничтожению или сокрытию предметов и документов, и соответственно, к потере важных доказательств. Отдельные виды следственного эксперимента возможны только с воспроизведением необходимых световых и звуковых параметров внешней среды и поэтому должны проводиться только в ночное время. Можно приводить и другие примеры, свидетельствующие о том, что проведение следственных действий в ночное время необходимо. Все эти следственные действия направлены на собирание доказательств посредством исследования материальных объектов. Материальная обстановка по объективным законам природы не может возвращаться в первоначальное состояние. После произошедших изменений могут создаваться только её модели, в различной степени адекватные оригиналу.

Сознание человека как источник информации требует иного подхода, в том числе учёта цикличности функционирования в различные периоды суток. Сон является важнейшим средством не только восстановления физиологических и психических функций человека, но и условием переработки информации, которая воспринимается в период бодрствования. Во время сна вся восприня-

тая информация, представляющая ценность для человека, но не востребованная в текущий период, фиксируется в долговременной памяти без её переработки. Во время сна происходит её переработка, отделение реально воспринятого от вымышленного. Если человек лишается сна или сон прерывается внешними раздражителями, то во время ночного допроса или иных следственных действий его показания могут иметь неупорядоченный характер, содержать неточности или грубые ошибки, так как воздействие на сознание, полученное в тот период, когда человек должен спать, отличается стойкостью и большим влиянием на программы поведения в последующем состоянии бодрствования [4, с. 135].

Таким образом, неточности, ошибки, допущенные лицом в ночное время в процессе дачи показаний, будут устойчиво повторяться и в последующем.

Изложенное дает основания сделать вывод не только о нецелесообразности, но и о негуманности производства следственных действий, направленных на получение показаний, в ночное время. Целесообразнее будет придерживаться общего порядка проведения следственных действий и не создавать стрессовых ситуаций для человека. За время сна в сознании человека не произойдет никаких необратимых изменений. Наоборот, после окончания ночного времени его показания будут соответствовать требованиям, необходимым для их объективной оценки.

Однако нецелесообразность проведения следственных действий, направленных на получение показаний, в ночное время нельзя рассматривать в качестве препятствия для решения тех неотложных задач, которые могут быть решены только посредством получения показаний у отдельных лиц. Допрос не является единственным способом получения показаний. Сравнение примерного перечня обстоятельств, не терпящих отлагательства, с перечнем задач, сформулированных в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», указывает на их частичное совпадение. Для решения задач, стоящих перед оперативно-розыскной дея-

тельностью, применяется комплекс оперативно-розыскных мероприятий, среди которых имеется опрос. Статья 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» указывает, что опрос – сбор фактической информации, имеющей значение для решения конкретных задач ОРД, со слов опрашиваемого человека, который реально или вероятно обладает ей. Иными словами, это беседы субъектов опроса (оперативника) с лицом – носителем информации [3, с. 364]. По сравнению с допросом опрос является более простым по подготовке, организации, проведению и оформлению полученных результатов средством. Опрос занимает меньше времени и является менее стрессовым для человека действием. Кроме этого после опроса не исключается проведение допроса в рамках общеустановленных процессуальных правил для получения доказательств по уголовному делу.

В связи с этим допрос в ночное время, как следственное действие, может быть заменен более простым в подготовке и проведении оперативно-розыскным мероприятием – опросом, в ходе которого правоохранительные органы могут получить все необходимые данные. После опроса, проведение которого в ночное время не запрещается (ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»), дознаватель, следователь могут провести допрос в условиях, обеспечивающих получение полных и правдивых показаний, и гарантировать допрашиваемому лицу соблюдение его прав и законных интересов.

Подводя итог, следует обратиться к законодателю с предложением о внесении в УПК РФ дополнения, запрещающего проводить следственные действия, направленные на получение показаний, в ночное время даже при наличии случаев, не терпящих отлагательства. Предлагается дополнить ч. 3 ст. 164 УПК РФ следующим положением: «В ночное время недопустимо проведение допросов, очных ставок, предъявлений для опознания, проверок показаний на месте».

Библиографический список

1. Алексеева, Е.С. Категория «случаи, не терпящие отлагательства» в уголовно-процессуальном законодательстве и правоприменительной практике / Е.С. Алексеева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – N 4 (84). – С. 124-130.
2. Баев, О.Я. Усмотрение следователя об «исключительности» ситуации / О.Я. Баев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – N 2 (9). – С. 271-282.
3. Горяинов, К.К. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / К.К. Горяинов, В.С. Овчинский, А.Ю. Шумилова. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 794 с.
4. Гримак, Л.П. Резервы человеческой психики : введение в психологию активности / Л.П. Гримак. – М.: Полит. Издат., 1989. – 319 с.
5. Гриненко, А.В. Общие правила производства следственных действий / А.В. Гриненко // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2018. – N 1 (36). – С. 27-33.
6. Манова, Н.С. «Ситуация, не терпящая отлагательства» как оценочная категория в законодательстве и практике уголовного судопроизводства / Н.С. Манова // Legal Concept. – 2019. – Т. 18. – N 2. – С. 42-48.
7. Осипов, А.В. Нормативная модель исключительных случаев, при которых производство следственных действий не терпит отлагательства / А.В. Осипов // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – N 2-2 (74). – С. 124-128.
8. Россинский, С.Б. Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище? / С.Б. Россинский // Российский судья. – 2009. – N 8. – С. 15-22.
9. Сорокин, Г.А. Утомление и профессиональный риск : монография / Г.А. Сорокина. – СПб.: Изд. Политехнического университета, 2008. – 372 с.

УДК 343.13

Алексей Николаевич МИХАЙЛОВ,
научный сотрудник научно-исследовательского
и редакционно-издательского отдела
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск)

mikhaylov.aleksey75@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЕМ ОБСТАНОВКИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ XX-XXI ВЕКОВ

EVOLUTION OF THE PROCEDURAL FORM OF RELEASE FROM CRIMINAL LIABILITY, PUNISHMENT IN CONNECTION WITH THE CHANGE OF THE SITUATION IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION OF THE XX-XXI CENTURIES

Изучение судебных решений об освобождении от наказания в связи с изменением обстановки свидетельствует об отсутствии единообразного подхода в формировании судебной практики в части определения процессуальной формы применения ст. 80.1 УК РФ. Анализ уголовно-процессуального законодательства также не дает исчерпывающего ответа на вопрос о процессуальной форме освобождения от наказания в связи с изменением обстановки. В связи с этим автор обращается к истории вопроса и на основе ретроспективного анализа уголовного и уголовно-процессуального законодательства приходит к выводу о том, что на различных этапах развития норм об освобождении от наказания в связи с изменением обстановки процессуальной формой их применения является постановление обвинительного приговора без назначения наказания.

A study of court decisions on release from punishment in connection with a change in the situation indicates the absence of a united approach in the formation of judicial practice in terms of determining the procedural form of application of Art. 80.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The analysis of the criminal procedure legislation also does not provide a certain answer to the question of the procedural form for re-lease from punishment in connection with a change in the situation. In this regard, the author turns to the history of the issue and, on the basis of a retrospective analysis of criminal and criminal procedural legislation, comes to the conclusion that at various stages of the development of norms on release from punishment in connection with a change in the situation, the procedural form of their application is the decision of a guilty verdict without sentencing.

Ключевые слова: процессуальная форма, обвинительный приговор, освобождение от наказания, изменение обстановки.

Keywords: procedural form, conviction, release from punishment, change of situation.

Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство России на протяжении многих десятилетий предусматривает нормы, регламентирующие освобождение от уголовной ответственности и наказания, пре-

крашение уголовного дела и уголовного преследования лиц, совершивших преступление. Со временем эти нормы образовали самостоятельные правовые институты освобождения от уголовной ответственности, освобожде-

ния от наказания, прекращения уголовного дела, которые на различных этапах развития уголовного судопроизводства неоднократно подвергались реформированию.

В 2003 г. указанные правовые институты претерпели значительные изменения. В частности, утратили законную силу нормы, регулирующие освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела в связи с изменением обстановки (ст. 77 УК РФ, ст. 26 УПК РФ).

Одновременно в УК РФ была включена норма, предусматривающая новый вид освобождения от наказания, применение которого, как и прежде, обусловлено изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ). Формулируя данную норму, законодатель оставил почти без изменения ее содержательную часть, сохранив основания и условия применения, присутствовавшие в ранее действовавшей ст. 77 УК РФ. Вместе с тем следует отметить, что действующая на сегодняшний день ст. 80.1 УК РФ в отличие от утратившей силу ст. 77 УК РФ до сих пор не имеет четко определенной в законе процессуальной формы применения, что, в свою очередь, препятствует формированию единообразной правоприменительной практики освобождения от наказания в связи с изменением обстановки.

Письменная форма отражения (фиксации) процессуальной деятельности с обязательным соблюдением установленных законом требований, предъявляемых к структуре и содержанию процессуальных документов, составляемых в ходе уголовного судопроизводства, является важным проявлением уголовно-процессуального порядка принятия соответствующих решений. При этом следует отметить, что соблюдение процессуальной

формы уголовного судопроизводства в некоторых случаях во многом зависит от правильного определения правоприменительными органами вида процессуального документа, составляемого при принятии решения по уголовному делу.

Результаты исследования практики принятия судебных решений о применении ст. 80.1 УК РФ свидетельствует о том, что указанный вид освобождения от наказания применяется достаточно широко. При этом суды до сих пор не пришли к единому мнению о том, каким видом процессуального документа должно оформляться принятие соответствующего решения. Среди изученных нами судебных решений об освобождении от наказания в связи с изменением обстановки наряду с обвинительными приговорами без назначения наказания¹ присутствуют приговоры с назначением наказания и освобождением от его отбывания². Кроме того, в практике применения ст. 80.1 УК РФ имеют место случаи оформления соответствующего решения постановлением суда³.

Формированию такой ситуации, на наш взгляд, способствует не только отсутствие законодательного определения процессуальной формы освобождения от наказания в связи с изменением обстановки, но и неоднозначное решение данного вопроса в юридической литературе. Авторами высказываются различные, порой диаметрально противоположные точки зрения относительно данной проблемы. При этом в большинстве случаев какие-либо аргументы в пользу занимаемой позиции не приводятся.

В связи с этим мы решили обратиться к истории данного вопроса и на основе изучения ранее действовавшего уголовного и уголовно-процессуального законодательства

1 Приговоры Пряжинского районного суда Республики Карелия от 28.12.2015 по делу N 1-61/2015, Минераловодского городского суда Ставропольского края от 10.12.2013 по делу N1-531/2013, Нальчинского городского суда Кабардино-Балкарской Республики от 27.05.2013 по делу N 1-446/2013.

2 Приговоры Шабалинского районного суда Кировской области от 22.05.2020 по делу N 1-24/2020, Свердловского районного суда г. Иркутска от 20.01.2020 по делу N 1-54/2020, Ленинского районного суда г. Красноярска от 19.06.2018 по делу N 1-40/2018.

3 Материал N 4.15-10/06 // Архив Липецкого областного суда; уголовное дело по обвинению гр-ки Б.С.В. и гр-ки М.Е.М. : постановление от 03.08.2010 // Архив Октябрьского районного суда г. Красноярска; постановление от 11.07.2014 N 1-283/2014 // Архив Канского городского суда Красноярского края; постановление от 11.12.2013 N 1-130-13 // Архив Мегино-Кангаласского районного суда Республики Саха (Якутия).

проследить этапы становления и развития норм, определяющих процессуальную форму освобождения от уголовной ответственности и наказания, и получить ответ на интересующий нас вопрос.

Анализ российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства дореволюционного и советского периодов свидетельствует о том, что начало нормы, регламентирующие основания освобождения от уголовной ответственности, наказания в связи с изменением обстановки, берут со ст. 16 Руководящих начал по уголовному праву 1919 г., предусматривающей положение, согласно которому «с исчезновением условий, в которых определенное деяние или лицо, его совершившее, представлялось опасным для данного строя, виновный не подвергается наказанию»⁴. В качестве органа, который мог применить эту норму, закон подразумевал лишь суд, постановлявший обвинительный приговор. Данный вывод вытекает из содержания ст. 23 Декрета ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О Народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)», которая предусматривала право Народного суда по своему убеждению определять меру наказания, а также постановлять приговор об условном или полном освобождении обвиняемого от всякого наказания. При этом можно предположить, что в случаях, предусмотренных ст. 16 Руководящих начал по уголовному праву, Народный суд постановлял обвинительный приговор без назначения наказания, поскольку его назначение являлось нецелесообразным.

В 1922 г. в связи с принятием первого Уголовного кодекса РСФСР Руководящие начала по уголовному праву 1919 г. прекратили действие. При этом следует отметить, что УК РСФСР 1922 г. не содержал нормы, подобной ст. 16 Руководящих начал. Лишь в 1926 г. Пленум Верховного Суда РСФСР внес предложение ввести в кодекс норму, устанавливающую возможность освобождения

от уголовной ответственности вследствие изменения социально-политической обстановки⁵. Эти предложения были приняты, и в Уголовный кодекс РСФСР, введенный в действие с 1 января 1927 г. постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г., законодателем была включена ст. 8. Данная норма позволяла суду не применять к подсудимому мер социальной защиты (наказания), если лицо или совершенное им деяние вследствие изменения социально-политической обстановки утратили общественную опасность.

В советской уголовно-правовой литературе, посвященной вопросам освобождения от уголовной ответственности, неоднократно высказывалось мнение, что ст. 8 УК РСФСР 1926 г. значительно расширила круг органов, которые могли применять эту норму, тем самым предоставив возможность освобождать не только от наказания, но и от уголовной ответственности (путем прекращения уголовного дела). В связи с этим в практике того времени данная норма применялась как судом, выносившим обвинительный приговор без назначения наказания, так и органами предварительного следствия, прекращавшими уголовные дела по основаниям, перечисленным в ст. 8 УК РСФСР [2, с. 41; 3, с. 30].

Повод к этому, по мнению М.С. Строговича, усматривался в самом тексте ст. 8 УК РСФСР, указывающей на утрату деянием общественной опасности не только к моменту рассмотрения дела в суде, но и к моменту расследования [8, с. 343].

Существование вышеописанной практики в некоторой степени было обусловлено отсутствием на протяжении достаточно длительного времени нормы, определяющей процессуальную форму применения ст. 8 УК РСФСР. Однако учебная уголовно-процессуальная литература, изданная на момент введения в действие данной нормы, давала достаточно четкие указания по ее применению, заключающиеся в том, что «дела, могущие быть прекращаемыми по основаниям, указанным в ст. 8 УК РСФСР, самостоятельно следовате-

4 СУ РСФСР. 1919. N 66. Ст. 590.

5 Сборник циркуляров и важнейших разъяснений Пленума Верховного Суда РСФСР, январь 1925 г. – май 1926 г. М., 1927. С. 14-16.

лями не разрешаются, хотя бы они и поступили к нему в порядке дознания: такие дела должны быть направлены следователем в суд» [1, с. 165].

Решением данной проблемы послужило внесение в 1933 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 июня изменений в УПК РСФСР 1923 г. В частности, была изменена редакция п. 2 ч. 1 ст. 326 УПК РСФСР, согласно которой суд, признав лицо виновным в совершении преступления, постановлял обвинительный приговор с освобождением подсудимого от меры социальной защиты по амнистии или давности и по основаниям, перечисленным в ст. 8 Уголовного кодекса РСФСР⁶.

Данная редакция позволяет с уверенностью говорить о том, что правоприменителем ст. 8 УК РСФСР мог быть только суд, постановлявший обвинительный приговор с освобождением от наказания, а лицо, в отношении которого применялась эта норма, соответственно, подсудимым.

В научной и учебной литературе также отмечалось, что процессуальной формой применения ст. 8 УК РСФСР на тот момент являлось именно постановление обвинительного приговора с освобождением от наказания [5, с. 38; 8, с. 455].

Постановляя в данном случае обвинительный приговор, суд указывал лицу, признанному виновным, но освобожденному от наказания, на неправомерность его действий и тем самым предостерегал от правонарушений в дальнейшем. Такой приговор, выражая отношение государства к совершенному преступлению, имел предупредительно-воспитательное значение и для других неустойчивых членов общества [7, с. 255].

Обращает на себя внимание расположение п. 2 в ч. 1 ст. 326 УПК РСФСР. Вынесение судом приговора об освобождении подсудимого, признанного виновным, от наказания по основаниям, перечисленным в ст. 8 УК РСФСР, предшествует приговору о

назначении подсудимому наказания. Данное обстоятельство дает нам основание предположить, что, принимая решение о применении к подсудимому ст. 8 УК РСФСР, суд постановляет обвинительный приговор без назначения наказания.

С момента внесения в УПК РСФСР вышеуказанного изменения положение, закрепленное в п. 2 ч. 1 ст. 326 УПК РСФСР, стало единственным, которое указывало бы на процессуальную форму применения ст. 8 УК РСФСР [8, с. 343; 9, с. 246].

Данный факт подтверждает и ст. 4 УПК РСФСР 1923 г., в которой перечислены все основания, при наличии которых уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное не может быть продолжаемо и подлежит прекращению во всякой стадии процесса, и среди них нет оснований, аналогичных тем, что перечислены в ст. 8 УК РСФСР.

Несмотря на это, в практике применения ст. 8 УК РСФСР продолжали иметь место случаи, когда суды именно прекращали уголовные дела по основаниям, предусмотренным этой статьей⁷. Незаконность принятия данных решений очевидна, так как определение суда о прекращении производства по делу, как в подготовительном, так и в судебном заседании, выносилось только при наличии оснований, изложенных в ст. 3, 4 и 204 УПК РСФСР [7, с. 197, 202; 8, с. 380].

Отсутствие в данном перечне оснований, предусмотренных ст. 8 УК РСФСР, по мнению Н.Я. Калашниковой, объясняется тем, что их применение тесно связано с разрешением вопросов о доказанности самого события преступления и факта его совершения подсудимым. В связи с этим суд должен полно и всесторонне исследовать эти вопросы в судебном заседании и только на основе данных, проверенных в судебном заседании, решать вопрос о виновности или невиновности подсудимых и о возможности освобождения лиц, признанных виновными, от наказания в силу

⁶ СУ РСФСР. 1933. N 37. Ст. 135.

⁷ Определение Таймырского окружного суда от 10.11.1957 по делу Китанова // Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1957-1959 гг. М., 1960. С. 153-154.

оснований, указанных в ст. 8 УК РСФСР. Но вопрос о виновности, как и вопрос о невиновности лиц, преданных суду, может быть решен только приговором суда (п. 9 ст. 23 и ст. 320 УПК РСФСР) [7, с. 254].

В 1958 г. в период активизации работы по реформированию уголовного и уголовно-процессуального законодательства законом от 25 декабря 1958 г. были приняты важнейшие нормативные акты – Основы уголовного законодательства и Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных республик.

В Основах уголовного законодательства была предусмотрена ст. 43 «Освобождение от уголовной ответственности и наказания», в которой говорилось:

«1. Лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления, может быть освобождено от уголовной ответственности, если будет признано, что ко времени расследования или рассмотрения дела в суде вследствие изменения обстановки совершенное им деяние потеряло характер общественно опасного или это лицо перестало быть общественно опасным.

2. Лицо, совершившее преступление, может быть по приговору суда освобождено от наказания, если будет признано, что в силу последующего безупречного поведения и честного отношения к труду это лицо ко времени рассмотрения дела в суде не может быть сочтено общественно опасным».

Положения, закрепленные в ст. 43 Основ уголовного законодательства, в том же виде были воспроизведены в ст. 50 УК РСФСР 1960 г.

Процессуальная форма применения вышеописанных норм была закреплена в ч. 4 ст. 43 Основ уголовного судопроизводства и в ст. 6, 209, 309 УПК РСФСР, согласно которым решение об освобождении от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки оформлялось постановлением о прекращении уголовного дела, а об освобождении от наказания – обвинительным приговором без назначения наказания.

Следует отметить, что законодателем впервые одновременно с внесением в уголовное законодательство норм, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности и наказания в связи с утратой общественной опасности деянием или лицом, его совершившим, был закреплен и процессуальный порядок их применения.

При этом особое внимание на себя обращает ст. 6 УПК РСФСР «Прекращение уголовного дела в следствие изменения обстановки», которая существенно расширила, по сравнению с ст. 16 Руководящих начал 1919 г. и п. 2 ч. 1 ст. 326 УПК РСФСР 1923 г. круг правоприменительных органов, закрепив право суда, прокурора, а также следователя и органа дознания, с согласия прокурора, прекратить уголовное дело. Данный перечень являлся исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежал.

Предусмотрев в ст. 6 УПК РСФСР согласие прокурора в качестве обязательного условия при прекращении уголовного дела, законодатель тем самым обеспечил непосредственный прокурорский надзор за законностью и обоснованностью применения данного основания.

Процессуальный порядок прекращения уголовного дела судом по данному основанию дополнительно регулировался ст. 234, 259 УПК РСФСР, регламентировавшими прекращение уголовного дела в стадии подготовки к судебному заседанию, а также в ходе самого судебного заседания.

В связи с принятием в 1996 г. УК РФ в УПК РСФСР, в частности в ст. 6, были внесены существенные изменения и дополнения⁸. В новом виде ст. 6 УПК РСФСР состояла уже из четырех частей. В ч. 1 указывались органы, правомочные прекращать уголовное дело по рассматриваемому основанию (данный перечень был оставлен законодателем без изменения). Здесь же содержалось указание на то, что уголовное дело может быть прекращено только в отношении лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, а также перечислялись

⁸ О внесении изменений и дополнений в уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и исправительно-трудовой кодекс РСФСР, в связи с принятием уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 15.12.1996 N 160-ФЗ //Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. N 52. Ст. 5881.

основания прекращения уголовного дела. В этой части законодатель фактически продублировал норму уголовного закона. Часть 2 статьи предусматривала обязанность правоприменительных органов до прекращения уголовного дела разъяснить лицу основание прекращения дела и право возражать против его прекращения по этому основанию. В ч. 3 законодатель уделил внимание потерпевшему, обязывая органы, принявшие решение о прекращении уголовного дела, уведомлять об этом потерпевшего, предоставляя ему право в течение пяти суток обжаловать данное решение в вышестоящий суд, если было вынесено определение суда, или вышестоящему прокурору. И, наконец, четвертая часть содержала условие, при котором прекращение уголовного дела по ст. 6 УПК РСФСР не допускалось, а продолжалось в обычном порядке; этим условием являлось возражение лица, совершившего преступление, против прекращения уголовного дела вследствие изменения обстановки.

Установлению в законе данного положения способствовало постановление Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. по делу о проверке конституционности ст. 6 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова, в котором Конституционный Суд РФ указал, что «уголовное дело не может быть прекращено, если лицо против этого возражает и ходатайствует о продолжении производства по делу. В этом случае производство по делу должно продолжаться в обычном порядке».

Законодатель впервые за время существования нормы, регламентирующей прекращение уголовного дела вследствие изменения обстановки, уделяет большое внимание нормативному закреплению прав обвиняемого и потерпевшего при прекращении уголовного дела по данному основанию и обязанность правоприменительных органов по созданию условий для их реализации. Первопричиной этому явилось вступление в 1996 г. Российской Федерации в Совет Европы, в связи с чем все отечественное законодательство, в том числе уголовное и уголовно-процессуальное, постепенно стало приводиться в со-

ответствие с общепринятыми международно-правовыми положениями и установками.

Вместе с тем действовавшая на тот момент редакция УПК РСФСР предусматривала положения, противоречившие вступившему в законную силу УК РФ. В частности, ч. 2 ст. 309 УПК РСФСР предусматривала возможность постановления обвинительного приговора без назначения наказания, если к моменту рассмотрения дела в суде деяние потеряло общественную опасность или лицо, его совершившее, перестало быть общественно опасным. Данное положение просуществовало в УПК РСФСР вплоть до вступления в законную силу УПК РФ. Аналогичное положение существовало и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. N 1 «О судебном приговоре», в п. 16 которого говорилось о том, что «суд, признав при постановлении приговора, что к моменту рассмотрения дела в судебном заседании деяние потеряло общественную опасность или лицо, его совершившее, перестало быть общественно опасным, постановляет обвинительный приговор без назначения наказания», при этом в резолютивной части приговора суд должен был признать подсудимого виновным в совершении преступления и указать, что в соответствии с законом наказание ему не назначается. Однако в главе 12 УК РФ до декабря 2003 г. подобного вида освобождения от наказания не предусматривалось. Фактически уголовно-процессуальное законодательство рассматриваемого периода длительное время предусматривало самостоятельный вид освобождения от наказания, необоснованно вторгаясь в сферу материального права.

В УПК РФ, принятый в 2001 г., также была включена норма, определяющая процессуальную форму принятия решения об освобождении от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки (ст. 26 УПК РФ «Прекращение уголовного дела в связи с изменением обстановки»), но уже несколько в ином виде. Данная норма, унаследовав основные правовые предписания, содержащиеся в ст. 6 УПК РФ, все же имела некоторые отличия. Например, ч. 1 ст. 26 УПК РФ пре-

доставляет суду, органам предварительного расследования и прокурору право прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления,

Определив процессуальный статус лиц, в отношении которых возможно прекращение уголовного дела в связи с изменением обстановки, законодатель тем самым существенно расширил по сравнению с ст. 6 УПК РСФСР пределы применения ст. 77 УК РФ и ст. 26 УПК РФ. Однако считаем, что прекращение уголовного дела по рассматриваемому основанию в отношении подозреваемого могло осуществляться лишь в том случае, если предварительное расследование по делу производилось в форме дознания [подр.: 4, с. 43].

Решение о прекращении уголовного дела по-прежнему оформлялось постановлением, содержание которого на тот момент достаточно подробно регламентировалось ст. 213 УПК РФ. Кроме того, ст. 239 УПК РФ был предусмотрен процессуальный порядок прекращения уголовного дела или уголовного преследования судом, а также описана содержательная часть постановления суда о принятии соответствующего решения.

Статья 26 УПК РФ просуществовала сравнительно недолго, и уже в декабре 2003 г. данная норма утратила законную силу⁹. Одновременно из УК РФ законодателем была исключена ст. 77, регламентировавшая освобождение от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки, вместо которой появился одноименный вид освобождения от наказания (ст. 80.1). При этом по содержанию данная норма УК РФ была оставлена почти без изменений¹⁰.

Принимая решение об освобождении от наказания в связи с изменением обстановки, суды руководствуются ст. 302 УПК РФ. Однако данная норма не дает исчерпывающего ответа на вопрос о процессуальной форме освобождения от наказания применительно

к конкретным основаниям, предусмотренным УК РФ.

Каких-либо разъяснений в этой части мы не обнаружили и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. N 55 «О судебном приговоре».

Однако следует отметить, что в проекте федерального закона N 304898-3 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в редакции, внесенной в Государственную Думу РФ и принятой в I чтении 23.04.2003) норма, предусматривающая освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 78 УК РФ), гласила следующее: «Лицу, впервые совершившему преступление небольшой или средней тяжести, суд постановляет обвинительный приговор без назначения наказания, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им деяние перестали быть общественно опасными». Однако в редакции, подготовленной Государственной Думой РФ ко II чтению, норма, предусматривающая освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ), не содержала указания на вид приговора, постановляемого судом при применении данного вида освобождения от наказания.

Объяснить это можно лишь тем, что, формулируя в уголовном законе норму об освобождении от наказания в связи с изменением обстановки и определяя в ней процессуальную форму ее применения, законодатель фактически вторгся в сферу уголовно-процессуального законодательства, что является недопустимым.

В связи с этим особого внимания заслуживает позиция А.Д. Прошлякова, согласно которой при разработке новых законодательных актов должна учитываться неразрывная связь уголовного и уголовно-процессуального права. Попытки изолированного решения какой-либо проблемы только в рамках ма-

9 О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»: Федеральный закон от 08.12.2003 N 161-ФЗ // Российская газета. 2003. 16 дек. (N 252 (3366)).

10 О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2003 N 162-ФЗ // Российская газета. 2003. 16 дек. (N 252 (3366)).

териального уголовного права зачастую бывают неэффективны и не дают ожидаемого результата. Поэтому наиболее приемлемый вариант – это не просто одновременное и параллельное принятие и обновление уголовного и уголовно-процессуального кодексов, а синхронное и согласованное их изменение [6, с. 7].

Считаем, что ответ на вопрос о процессуальной форме освобождения от наказания применительно к конкретным основаниям, предусмотренным УК РФ, необходимо четко выразить в законе виде императивного предписания, а не выводить его путем логического толкования закона.

В связи с этим предлагаем ст. 302 УПК РФ дополнить положением, разъясняющим, в каких случаях суд постановляет обвинительный приговор без назначения наказания (ч. 6.1). Наряду с другими случаями в данный перечень должно быть включено решение суда о применении ст. 80.1 УК РФ.

Это позволит привести решения, принимаемые судом об освобождении от наказания, в соответствие с тем действительным смыслом, который законодатель заложил в содержание ст. 80.1 УК РФ.

Таким образом, анализ уголовного и уголовно-процессуального законодательства позволил прийти к выводу о периодическом «оставании» уголовно-процессуального закона от уголовного в определении процессуальной формы принятия решения об освобождении от наказания в связи с изменением обстановки на различных этапах развития норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания, а также необоснованном вторжении уголовно-процессуального законодательства в сферу материального права, выражающемся в определении процессуальной формы конкретного вида освобождения от наказания при отсутствии соответствующих оснований в уголовном законе. Тем не менее проведенный нами ретроспективный анализ уголовного и уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о том что, процессуальной формой освобождения от наказания в связи с изменением обстановки в разные годы являлось именно постановление обвинительного приговора без назначения наказания.

Библиографический список

1. Вышинский, А.Я. Курс уголовного процесса / А.Я. Вышинский. – М., 1927.
2. Дурманов, Н.Д. Освобождение от наказания по советскому праву / Н.Д. Дурманов. – М., 1957.
3. Кригер, Г.А. Условия применения ч. 2 ст. 7 и ст. 43 Основ уголовного законодательства / Г.А. Кригер // Советская юстиция. – 1959. – N 5.
4. Михайлов, А.Н. Законность и обоснованность постановления обвинительного приговора без назначения наказания в связи с изменением обстановки : монография / А.Н. Михайлов. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2008.
5. Перлов, И.Д. Приговор в советском уголовном процессе / И.Д. Перлов. – М.: Госюриздат, 1960.
6. Прошляков, А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального права : дис. ... докт. юрид. наук / А.Д. Прошляков. – Екатеринбург, 1997.
7. Советский уголовный процесс / под ред. Д.С. Карева. – М., 1956.
8. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М., 1958.
9. Шаргородский, М.Д. Вопросы Общей части уголовного права (законодательство и судебная практика) / М.Д. Шаргородский. – Л.: Издательство ЛГУ, 1955.

УДК 343.2/7

Вадим Леонидович ЛАПША,
преподаватель кафедры уголовного права
Восточно-Сибирского филиала
Российского государственного университета правосудия
(г. Иркутск)

ivan.2036.ivanov@yandex.ru

«РИСК» КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ КАТЕГОРИЯ В НАУКАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЦИКЛА

CATEGORY OF «RISK» AS AN INTERDISCIPLINARY ONE IN SCIENCES OF CRIMINAL LEGAL CYCLE

В статье рассматривается категория риска, которая является предметом исследования во многих юридических науках, в частности уголовно-правовых. Автором указывается, что риск является способом преодоления правовой неопределенности при регулировании общественных отношений. Отмечается, что исследование риска как правового понятия имеет положительные результаты в аспекте контроля возникающих неопределенных ситуаций и контексте возможных рисков в существующих общественных отношениях с целью их контроля и своевременного реагирования на их проявления. Применительно к каждой науке уголовно-правовой группы указываются ситуации неопределенности, связанные с риском неблагоприятного исхода, способные повлиять на правовое состояние в целом.

The article deals with the category of «risk», which is the subject of re-search in many legal sciences, in particular, criminal law. The author points out, that risk is a way to overcome legal uncertainty in the regulation of public relations. It is noted that the study of risk as a legal concept has positive results in the aspect of control for emerging uncertain situations and the context of possible risks in existing public relations in order to control them and timely respond to their manifestations. With regard to each science of the criminal law group, situations of uncertainty associated with the risk of an unfavorable result are indicated, which can affect the legal state as a whole.

Ключевые слова: деяние, обоснованный риск, уголовное право, уголовно-исполнительное право, уголовно-процессуальное право.

Keywords: act, reasonable risk, criminal right, criminal executive right, criminal procedure right.

Научные исследования, предметом анализа которых выступает категория «риск», выявляют различные ее стороны – социального [14], психологического [10], философского [1], экономического [15], гражданско-правового [5], а также уголовно-правового [7] характера.

Многоаспектность категории «риск» в социальных отношениях воспринимается индивидуумом по-разному [подр.: 9], имеет сложную социально-психологическую природу, потому исследоваться должна комплексно.

Появление в обществе нового, а также ранее не известного явления, требующего особого внимания со стороны компетентных субъектов социальных отношений, обуславливает динамическое развитие как научной, так и технической, организационной составляющих социума.

Представляет интерес исследование категории «риск» уголовно-правовыми науками, которые обеспечивают научно обоснованными рекомендациями уголовную (уголовно-правовую) политику.

Государственная уголовно-правовая политика, направленная на противодействие преступности и защиту общества от противоправных посягательств, должна учитывать все возможные ситуации социальной и индивидуальной неопределенности, в которых появляется риск, а также эффективность/неэффективность той или иной меры, направленной на минимизацию криминальных проявлений.

Научное обеспечение соответствующей деятельности государства включает в последнее время в перечень своих задач изучение ситуаций, связанных с риском наступления неопределенного результата для лица, попавшего в сферу уголовно-правовых отношений.

Формируя возможные варианты решений по противодействию преступности криминологического [8], криминалистического [4], уголовно-правового, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного характера, в науке разрабатывают соответствующие механизмы реагирования, направленные на устранение, минимизацию или определение криминальных последствий. Ведь недопустимо, чтобы от того или иного решения, например в уголовно-правовой сфере, наступил риск дестабилизации отношений, охраняемых законом.

В процессе возникновения, развития и существования социальных отношений, связанных с риском причинения вреда объектам охраны, меры профилактического воздействия, применяемые параллельно развитию того или иного взаимоотношения индивидуумов, должны сводить к минимуму или полностью устранять риск возможного негативного проявления данных социальных явлений. Социальная практика построения современного правового общества не может не учитывать риск негативных отклонений в процессе прогрессивного и взаимовыгодного развития государства и личности.

Как представляется, разработка мер, направленных на контроль риска, должна быть определена уголовно-правовой политикой на современном этапе развития уголовного законодательства наряду с другими важными направлениями противодействия преступности.

Также заметим, что выявление причин и условий совершения преступлений как в свободном гражданском обществе, так и в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, непосредственно связано с принятием того или иного правового решения, которое предварительно должно быть проанализировано на предмет риска возможного отклонения от той цели, ради которой оно принято.

В названных выше социальных отношениях риск негативного и причиняющего вред общественным отношениям поведения может исходить в том числе и от законопослушных граждан [13]. Учеными также указывается на этот проблемный аспект при уголовно-правовом регулировании.

В социально-правовых отношениях, регулируемых моралью и правом, также возникают разного рода ситуации, включающие в себя появление различных форм риска, как в случаях правовой неопределенности, так и потенциально содержащих определенный риск нарушения правовых предписаний.

Юридические науки начинали исследовать понятие «риск» с позиции положений гражданского права. С развитием социальных отношений и появлением разного рода источников риска как социального, так и технического характера, потенциально содержащих в себе возможность причинения существенного вреда охраняемым государством общественным отношениям, появляются соответствующие исследования уголовно-правового направления.

Так, следует признать, что первым в уголовном праве начал исследовать риск профессор М.С. Гринберг. Работы данного ученого непосредственно являются основой для изучения категории «риск» в уголовно-правовом аспекте [6].

К настоящему времени уголовно-правовая наука полна различными по своему характеру исследованиями в части изучения категории «риск» в «обособленном» смысле [11], комплексно [3] и комбинированно [12]. Достаточно содержательными являются исследования риска как обстоятельства, исключющего преступность деяния, но практически

отсутствуют исследования риска как обстоятельства, смягчающего наказание. Это негативно сказывается на применении положений об обоснованном риске, направленном на достижение социально полезной цели.

Необходимо отметить, что комплексные исследования в уголовном праве, посвященные категории «риск» или, как указывается в законе, «обоснованный риск», представляют собой разноаспектные правовые исследования, которые ограничиваются описанием и практическими рекомендациями относительно применения нормы об обоснованном риске как обстоятельстве, исключающем преступность деяния.

Однако риск в уголовно-правовом смысле не ограничивается обстоятельством, имеющим социально полезную цель и не признающимся преступным в случаях соблюдения условия признания риска обоснованным, а в соответствии с законом – правомерным. Важно рассматривать данную категорию и с позиций причинения вреда социальным отношениям, но с применением положений закона о смягчении наказания за преступление, совершенное в ситуации обоснованного риска.

Применительно к уголовно-правовой науке М.С. Гринберг говорил о риске как имеющем приемлемую для общества цель, но в то же время связанные с ним действия, направленные на ее достижение, могут иметь и обратный эффект в виде причинения вреда объектам охраны уголовного закона.

Подчеркивая и актуализируя значение изучения категории «риск» в науках уголовно-правового направления, М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин указывают, что «в ряду актуальных проблем повышения эффективности научного обеспечения борьбы с преступностью должна находиться тематика рискологических исследований. Ее отсутствие – масштабный пробел в исследовательском пространстве нашей науки» [2, с. 138].

Следует заметить, что борьба с преступностью идет на всех уровнях уголовно-правового взаимодействия государства и лица, вовлеченного в уголовно-правовые отношения.

Уголовно-процессуальный уровень характеризуется возбуждением уголовного дела и дальнейшим его расследованием в целях доказывания и процессуального закрепления вины лица, совершившего преступление. Противодействие преступности на данном уровне происходит путем установления или «вскрытия» фактов, относящихся к преступной деятельности лица и являющихся скрытыми от органов следствия и суда.

На криминологическом уровне в целях принятия более эффективных мер борьбы с преступностью, а также ее профилактики изучаются факторы, способствующие возникновению, существованию и сокрытию от правосудия причин и условий деятельности, которая дезорганизует стабильность общества. Так, по мнению П.В. Тепляшина, изучение «корреляционной зависимости социально-экономических факторов и соответствующих, в первую очередь количественных, показателей современной преступности» позволяет прогнозировать возможные криминологические риски и «дает возможность приблизиться к объяснению «работоспособности» различных криминологических теорий, обеспечивает принятие концептуальных решений по оптимизации уголовной и уголовно-исполнительной политики» [17, с. 171].

Уголовно-правовой уровень характеризуется идентификацией признаков содеянного преступного деяния и оценкой данного деяния на предмет его общественной опасности и наказуемости. Причем после появления нормы в УК РФ ученые объявили данную норму как одну из проблемных в понимании науки уголовного права и практики применения, что потребовало соответствующей научной проработки.

Уголовно-исполнительный уровень представлен борьбой с преступностью, которая происходит в контексте исполнения и отбывания уголовных наказаний. В них также существует весомая доля преступной деятельности и риск формирования новых криминальных явлений (например, проблема так называемых «тюремных колл-центров»). Не случайно в специальных исследованиях отмечается, что «стратегические риски ... для

уголовно-исполнительного законодательства» заключаются в том, что оно «утрачивает энергичный характер развития и приобретает определенную инертность, о чем в первую очередь свидетельствуют отказ от намерения государства повысить эффективность работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и наметившийся переход к достаточно абстрактному и во многом инертному совершенствованию деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, с учетом международных стандартов» [16, с. 237].

Деятельность по выявлению и раскрытию преступлений, имеющая своей целью противостояние преступности, также включает в себя специфический для нее риск, на который также указывается ранее отмеченными учеными.

В связи с этим можно констатировать, что, проявляясь на многих уровнях уголовно-правовой сферы, охватывающей ряд наук уголовно-правового цикла, риск выступает предметом исследования.

Обращает на себя внимание именно положительный потенциал, который заложен

в действиях, связанных с риском. Это имеет прямое отношение к уголовно-правовой науке, которая также разрабатывает меры реагирования на рисковое поведение в виде обстоятельства, исключающего преступность деяния или смягчающего наказание, представляющие институт обоснованного риска.

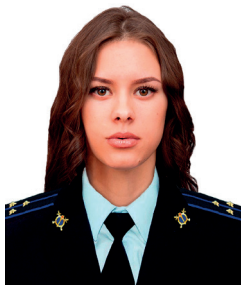
Таким образом, категория «риск» является одной из ключевых в науках, изучающих возникающие социальные явления, которые оказываются под воздействием уголовно-правового научного направления. Полагаем, что категория «риск» применительно к уголовно-правовым наукам объединена единой целью противостоять преступности и, следовательно, имеет стратегическое значение для противодействия преступности. Разработка науками уголовно-правового цикла категории «риск» применительно к предмету своих исследований социальных явлений, например в области уголовных, криминологических, уголовно-исполнительных, уголовно-процессуальных проблем, позволит, на наш взгляд, упорядочить и направить регламентацию правовых норм, регулирующих противодействие преступности.

Библиографический список

1. Анохина, О.В. Риск как философская проблема / О.В. Анохина // Омский научный вестник. – 2012. – N 1 (105). – С. 249-251.
2. Бабаев, М.М. Феномен риска в контексте профилактической политики (криминальная рискология) / М.М. Бабаев., Ю.Е. Пудовочкин // Вестник СПбГУ. Право. – 2019. – Т. 10. – N 1. – С. 136-148.
3. Бабурин, В.В. Квалификация уголовно-правового риска : монография / В.В. Бабурин. – М.: Илекса, 2006. – 130 с.
4. Вражнов, А.С. Отдельные аспекты ситуации информационной неопределенности на примере криминалистического риска / А.С. Вражнов // Российский следователь. – 2011. – N 22. – С. 2-6.
5. Горячкина, Д.А. К вопросу о категории «риск» в теории гражданского права / Д.А. Горячкина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2011. – N 3. – С. 90-99.
6. Гринберг, М.С. Проблема производственного риска в уголовном праве / М.С. Гринберг. – М.: Госюриздат, 1963. – 132 с.
7. Захарова, С.С. Превышения пределов допустимости обоснованного риска / С.С. Захарова // Актуальные проблемы уголовного права в новом тысячелетии. – Рязань, 2004.
8. Клейменов, И.М. Профессиональный спорт и криминологические риски / И.М. Клейменов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2020. – Т. 17. – N 3. – С. 83-92.

9. Лапша, В.Л. Риск в сознании социума (общества) и отношение к нему / В.Л. Лапша // *Философия права*. – 2018. – N 4 (87). – С. 20-24.
10. Михеева, Н. Современные исследования понятия «риск» в психологической науке / Н. Михеева // *Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания*. – 2010. – N 1. – С. 153-159.
11. Никуленко, А.В. *Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации* : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.08 / А.В. Никуленко. – СПб., 2019. – 512 с.
12. Пархоменко, С.В. Проблемы и перспективы совершенствования уголовно-правовой регламентации обоснованного риска / С.В. Пархоменко // *Сибирский юридический вестник*. – 2016. – N 4 (75). – С. 34-39.
13. Пилюгина, Т.В. Социально-психологические факторы риска развития криминальных форм поведения сотрудников правоохранительных органов / Т.В. Пилюгина // *Общество и право*. – 2011. – N 4. – С. 211-213.
14. Путченко, Л.Б. Риск как основная категория современной социальной теории / Л.Б. Путченко // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. – 2011. – N 1. – С. 58-61.
15. Советова, Е.А. Сущность риска как экономической категории / Е.А. Советова // *Бизнес Информ*. – 2012. – N 3. – С. 12-16.
16. Тепляшин, П.В. Европейский пенитенциарный комплаенс: постановка вопроса, факторы актуализации и стратегические риски для уголовно-исполнительной системы Российской Федерации / П.В. Тепляшин // *Вестник Томского государственного университета*. – 2019. – N 444. – С. 235-239.
17. Тепляшин, П.В. Корреляция социально-экономических факторов и уровня преступности (в контексте криминологических рисков) / П.В. Тепляшин // *Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIII международной научно-практической конференции (2-3 апреля 2020 г.): в 2 ч. Ч. 2* / отв. ред. Д.В. Ким. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. – С. 171-173.

Ксения Вячеславовна САДОВАЯ,

старший следователь Следственной части
Следственного управления МУ МВД России «Красноярское»,
адъюнкт Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск)

Sadovayh.kseniya@mail.ru

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ НЕЗАКОННЫХ ПРОИЗВОДСТВА
И (ИЛИ) ОБОРОТА ЭТИЛОВОГО СПИРТА, АЛКОГОЛЬНОЙ
И СПИРТСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ: ВРЕДНОСТЬ
И ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ**

**PUBLIC DANGER OF ILLEGAL PRODUCTION AND (OR) TURNOVER
OF ETHANOL, ALCOHOLIC AND ETHANOL-CONTAINING PRODUCTS:
HARMFULNESS AND PRECEDENCE**

В статье осуществлен анализ общественной опасности незаконного производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (ст. 171.1, 171.3 и 171.4 УК РФ) через термин общественной опасности, сформулированный А.В. Шеслером. Выделены основные признаки общественной опасности данного деяния, которые выражаются во вредности и прецедентности, представлены характер и степень общественной опасности данного деяния, установлен объект преступного деяния, которому непосредственно наносится вред противоправными действиями при незаконном производстве и (или) обороте этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

The social danger of illegal production and (or) turnover of ethanol, alcoholic and ethanol-containing products (Articles 171.1, 171.3 and 171.4 of the Criminal Code of the Russian Federation) is analyzed in the article with the help of "public danger" term, formulated by A.V. Shesler. The main signs of the public danger for this act are described, which are expressed in harmfulness and precedence; character and degree of public danger for this act are presented; the object of the criminal act has been identified, which is directly harmed by illegal actions during the illegal production and (or) turnover of ethanol, alcoholic and ethanol-containing products.

Ключевые слова: общественная опасность, незаконное производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, характер и степень вреда, экономические интересы Российской Федерации юридических и физических лиц в сфере производства и оборота алкогольной продукции.

Keywords: public danger, illegal production and (or) circulation of ethanol, alcoholic and alcohol-containing products, the nature and degree of harm, the economic interests of the Russian Federation of legal entities and individuals in the production and circulation of alcoholic beverages.

Согласно ст. 14 УК РФ к обязательным признакам преступления относят не только виновность и наказуемость деяния, но и его общественную опасность. В правовой литературе существуют множество взглядов на определение термина «общественная опас-

ность» и подходов к пониманию его сущности. По нашему мнению, наиболее правильным подходом является позиция А.В. Шеслера, который под общественной опасностью понимает материальный признак преступления, означающий, что деяние причиняет суще-

ственный вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законодательством, или ставит их под угрозу причинения такого вреда [4, с. 7]. Также необходимо поддерживать тезис о том, что «общественная опасность – категория оценочная» [1, с. 29].

Анализ общественной опасности незаконного производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной, спиртосодержащей продукции представляет значительный научный интерес через призму таких свойств преступления, как вредоносность и прецедентность, – ведь данные общественно опасные деяния имеют, как правило, резонансный характер, широко охватывают различные слои населения и обладают «сквозной» поражающей направленностью – от экономической до здоровья населения.

Предварительно отметим, что под незаконным производством и (или) оборотом этилового спирта, алкогольной, спиртосодержащей продукции следует понимать деятельность юридических или физических лиц по производству, закупке, поставке, хранению и реализации этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, осуществляемую с нарушением действующего законодательства, устанавливающего правила и порядок производства и оборота алкогольной продукции.

Содержательная характеристика общественной опасности преступления раскрывается, во-первых, через его вредоносность, то есть через способность преступления породить негативные для общества последствия, во-вторых, через его прецедентность, то есть через наличие у преступления свойств человеческой практики, возможности повторения подобных ему деяний в будущем [3, с. 187].

Вредоносность преступлений в сфере незаконного производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции отражена в отнесении деяния, повлекшего негативные последствия для общества, к определенной главе УК РФ, а именно: если вред наносится экономическим

интересам государства и индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам, то диспозиция и санкция за данное деяние закреплены в главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», а если здоровью населения, то следует обратиться к главе 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

Прецедентность выражается в статистических данных, свидетельствующих о наличии реальных фактов совершения рассматриваемых преступлений. Так, в 2016 г. по признакам совершенных на территории Красноярского края преступлений, предусмотренных ст. 171.1, 171.3 и 171.4 УК РФ¹, были возбуждены 7 уголовных дел, в 2017 г. – 19, в 2018 г. – 60, в 2019 г. – 69, в 2020 г. – 57, по состоянию на июнь 2021 г. возбуждены 24 уголовных дела. Изложенные статистические сведения наглядно демонстрируют наличие практики совершения данных деяний, о чем свидетельствует рост зарегистрированных преступлений, что, несомненно, указывает на их прецедентность и общественную опасность.

Правоприменительная практика свидетельствует о таких проявлениях общественной опасности исследуемого преступления, как систематичность совершаемых деяний, продолжительность криминальной деятельности и ее осуществление в составе организованной группы. Так, трое граждан, проживающих в Челябинской области, в целях «систематического извлечения материальной выгоды от осуществления указанной незаконной деятельности, имея опыт в хранении, реализации алкогольной продукции, из корыстных побуждений» создали организованную группу, в составе которой осуществляли свою криминальную деятельность в период с января 2018 по август 2019 г. Они, «расчитывая получать в течение продолжительного времени материальную выгоду от совместной преступной деятельности по приобретению, хранению, перевозке в целях сбыта, продаже немаркированной алкогольной продукции и

1 Данные составы носят взаимосвязанный и взаимодополняемый характер, обладают единым групповым объектом, объективным системообразующим признаком которых выступает незаконный либо с нарушением установленных правил оборот определенного вида продукции.

незаконного неоднократного использования при этом чужих товарных знаков, согласились на предложение К., признали его в качестве организатора, объединились с ним в устойчивую организованную группу для последующего совместного осуществления незаконной деятельности, связанной с незаконным оборотом немаркированной алкогольной продукции, незаконного неоднократного использования при этом чужих товарных знаков»².

Также общественная опасность определяется путем оценки деяния по следующим критериям: характер (качественный критерий) и степень вреда (количественный критерий), причиненного общественным отношениям, охраняемым уголовным законодательством.

Характер общественной опасности деяния выражен в объекте преступления [5, с. 2].

Так, характер общественной опасности незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции описывается законодателем при формулировках диспозиций соответствующих составов преступлений, а именно в ст. 171.1, 171.3 и 171.4 УК РФ.

Степень общественной опасности преимущественно отражает количественную характеристику преступления и определяется: величиной причиненного ущерба (вреда); характером вины (заранее обдуманый или внезапно возникший умысел), местом, временем и обстановкой, при которых совершено преступление (стихийное бедствие, чрезвычайное положение, массовые беспорядки и т.д.); особенностью субъекта преступления (ранее судимый, должностное лицо и т.д.).

В соответствии с вышеуказанной количественной характеристикой рассмотрим деяния, нарушающие установленный порядок производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции:

– вред наносится непосредственно экономическим интересам Российской Федерации в сфере производства и оборота алкогольной

продукции, интересам юридических и физических лиц, легально производящих и реализующих алкогольную продукцию, правам потребителей, а также их здоровью и жизни;

– вина выражена прямым умыслом;

– характерные особенности места, времени или обстановки отсутствуют, так как данные особенности исходят из конкретного деяния;

– субъект не обладает лицензией на осуществление производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Так, после определения характера и степени общественной опасности незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной, спиртосодержащей продукции для более детального анализа степени общественной опасности можно провести сравнение между ранее приведенным примером правоприменительной практики городского суда Челябинской области и примером из процессуальной практики Красноярского края: молодой человек, работая директором продуктового магазина, снимая его в аренду, «в период с начала 2020 года по октябрь 2020 года, осознавая преступность своего деяния и его последствия, намеренно не регистрируя юридическое лицо и не получая необходимую лицензию, приобретал алкогольную продукцию в розницу в магазине и осуществлял ее розничную продажу без соответствующей лицензии на территории города Красноярска»³.

Таким образом, путем анализа следует определить, содержат ли деяния из приведенных практических примеров признаки общественной опасности и какое из них несет большую общественную опасность:

1) оба деяния наносят вред экономическим интересам Российской Федерации и интересам юридических лиц в виде упущенной выгоды юридических лиц и не уплаченных налогов в бюджет государства, однако деяние, приведенное в первом примере (ор-

² Приговор городского суда Челябинской области от 27.05.2020 по делу N 1-60/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QPuDHfTLnV5r>.

³ Уголовное дело, возбужденное по ч. 1 ст. 171.3 УК РФ 31.01.2021 СЧ СУ МУ МВД России «Красноярское».

ганизованная группа самостоятельно изготавливает алкогольную продукцию), может нанести больший вред здоровью покупателя (человека), чем приобретаемая продукция, содержащая федеральные специальные марки, но реализуемая без лицензии;

2) вина в обоих случаях выражена прямым умыслом, это является одной из отличительных черт данного преступления, так как человек может осуществить данное преступление исключительно осознавая общественную опасность своих действий, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий и желая их наступления;

3) характерными особенностями в данных случаях выступают период и место совершения преступления. Так, более длительный период времени осуществления преступной деятельности наносит более существенный вред экономическим интересам как государства, так и отдельных физических и юридических лиц. Кроме того, во втором случае следует обратить внимание на место совершения деяния – это магазин. Лица, желающие приобрести алкогольную продукцию, с полной уверенностью приходят в магазин за качественной алкогольной продукцией, так как полагают, что данная продукция продается надлежащего качества и исключительно по лицензии;

4) субъектами в обоих случаях являются физические лица, достигшие 18 лет, не имеющие юридического лица и лицензии на производство и реализацию этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

На основании данного сравнения допустимо резюмировать, что общественная опасность является критерием оценочным и должна определяться исключительно из полного и основательного анализа каждого конкретного криминального события.

Отвечая на вопрос: можно ли отнести второй пример к преступному деянию, следует обратиться к диспозиции статей уголовного закона. Так, необходимым признаком, определяющим вред деяния, является его размер. Соответственно, размер является определенным регулятором общественной

опасности. Так, если во втором примере лицо осуществляло розничную продажу алкогольной продукции в соответствии с диспозицией ст. 171.3 УК РФ на сумму свыше 100 000 рублей, то данное деяние следует отнести к преступному, и означает это, что если стоимость изъятого этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции составляет свыше 100 000 рублей, то данное деяние является общественно опасным.

Кроме того, степень общественной опасности находит отражение (выражение) в санкциях уголовного закона: чем выше опасность деяния, тем, соответственно, строже наказание.

Так, за деяния, содержащиеся в диспозиции ч. 1 ст. 171.3 УК РФ, а именно производство, закупку, поставку, хранение, перевозку и (или) розничную продажу этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии в крупном размере, предусмотрено наказание в виде штрафа в размере от двух миллионов до трех миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительные работы на срок до трех лет, либо лишение свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо без такового.

Санкция за аналогичные деяния, совершенные организованной группой и/или в особо крупном размере, значительно выше, а именно увеличен размер штрафа от трех миллионов до четырех миллионов рублей, срок принудительных работ – до 5 лет, срок лишения свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – также до 5 лет (ч. 2 ст. 171.3 УК РФ).

Из вышеизложенного видно, что деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 171.3 УК РФ, имеют более высокую степень опасности экономическим интересам Российской Федерации в сфере производства и оборота алкогольной продукции, интересам юридических и физических лиц, легально производящих и реа-

лизующих алкогольную продукцию, правам потребителей, а также их здоровью и жизни, в связи с чем санкция за данные деяния больше. Ведь «признаки, лежащие в основе квалифицированного состава преступления, характеризуют совершенное преступное деяние как обладающее более высокой степенью общественной опасности по сравнению с преступлением, предусмотренным основным составом» [2, с. 49].

Если при вышеуказанных действиях отсутствуют обязательные признаки преступлений, относящиеся к незаконному обороту и производству этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, а именно крупный и особо крупный размер, совершение организованной группой, соответственно, в данных действиях отсутствует необходимый признак преступления – общественная опасность, в связи с чем деяния нельзя отнести к преступным, а можно отнести их к правонарушениям и квалифицировать в соответствии с нормами КоАП РФ или иным законодательством Российской Федерации или ее субъектов.

Следовательно, отсутствие обязательных признаков, содержащихся в диспозиции статей уголовного законодательства, в тех или иных действиях (бездействии) исключает возможность признания такого деяния общественно опасным.

Криминологический анализ общественной опасности рассматриваемого преступления потребовал обратиться к анализу судебной практики. Так, на сайте «sudact.ru» были проанализированы 150 приговоров по уголовным делам, возбужденным по ст. 171.1 и 171.3 УК РФ за период с 2019 г. по 2020 г., вынесенных судами общей юрисдикции на территории России. В ходе исследования документов установлено, что в приговорах судьи ограничиваются лишь формальным указанием на учет характера и степени общественной опасности (например, «с учетом конкретных обстоятельств, характера и степени общественной опасности совершенного преступления суд приходит к выводу»), не конкретизируют, какую именно

общественную опасность представляет соответствующее преступление, практически не пытаются выделить и охарактеризовать ее характер и степень.

Кроме того, на сайте некоммерческой организации Фонд «Общественное мнение»⁴, занимающейся проведением социологических исследований, было изучено мнение граждан по поводу их отношения к обороту нелегальной алкогольной продукции и росту отравления спиртными напитками. Так, проблема отравления людей некачественными спиртными напитками не прошла мимо внимания россиян, что может свидетельствовать об общественной опасности данного деяния. В частности, 46% опрошенных сообщают, что случаи отравления происходили там, где они живут. Чаще всего сообщается о фактах отравления некачественным алкоголем в областных и краевых центрах. Почти каждый пятый (18%) опасается фальсифицированного алкоголя.

На обсуждение респондентам был поставлен вопрос о том, что, по их мнению, надо сделать, чтобы избежать риска отравления некачественным алкоголем. Большинство респондентов предложили бросить пить или хотя бы пить меньше (28% суждений). 22% опрошенных советуют покупать спиртное только в надежных местах, а именно в больших и проверенных магазинах. Примерно каждый пятый опрошенный ответственность за уменьшение опасности отравления алкоголем возлагает на государство. Предлагаются разные меры – от мягких (государственный контроль – 11%) до более жестких (государственная монополия на производство и/или продажу спиртных напитков – 4%, усиление борьбы с нелегальным производством спиртного – 3%) и даже самых радикальных (введение «сухого закона» – 1%).

Кроме того, следует обратить внимание, что 4% опрошенных считают самым надежным средством обеспечения собственной безопасности изготовление домашних напитков, самогонование: «пить домашние напитки», «пить самогон», «пить спиртное своего приготовления», «самогон гнать», что

4 URL: <https://bd.fom.ru/report/map/dd064425>.

может поставить под угрозу здоровье людей, так как алкогольные и спиртосодержащие напитки должны производиться в соответствии с определенными требованиями, и данная деятельность должна подлежать лицензированию.

Таким образом, общественная опасность незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции содержит в себе вредоносность, то есть нанесение негативных последствий, выражающихся в причинении существенного вреда экономическим интересам Российской Федерации в сфере произ-

водства и оборота алкогольной продукции, интересам юридических и физических лиц, легально производящих и реализующих алкогольную продукцию, правам потребителей, а также их здоровью и жизни, то есть ценностям, охраняемым уголовным законодательством, и прецедентность, что подтверждают статистические данные по Красноярскому краю и результаты анализа приговоров судов общей юрисдикции, демонстрирующие рост регистрации и совершения преступлений в данной сфере.

Библиографический список

1. Уголовно-правовая политика в Российской Федерации : учебное пособие / С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин [и др.]. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. – 72 с.
2. Мальков, С.М. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политика Российской Федерации : монография / С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. – 128 с.
3. Шеслер, А.В. Понятие преступления в российском уголовном законодательстве / А.В. Шеслер // Вестник Владимирского юридического института. – 2014. – N 2 (31). – С. 185-188.
4. Шеслер, А.В. Уголовное право России. Словарь терминов и определений : учебно-методическое пособие / А.В. Шеслер – Тюмень: Тюменский филиал Академии права и управления, 2006. – 49 с.
5. Яхьяева, М.У. Характер и степень общественной опасности преступления / М.У. Яхьяева // Евразийский научный журнал. – 2016. – N 7. – С. 57-58.

ПРИГЛАШАЕМ К СОТРУДНИЧЕСТВУ!

Приглашаем ученых, сотрудников правоохранительных органов, соискателей и аспирантов юридических вузов и факультетов опубликовать свои научные статьи в нашем журнале.

Научное направление журнала – «Юридические науки»: вопросы теории права и его отдельных отраслей, правоохранительных органов и правоохранительной деятельности, проблемы раскрытия и расследования преступлений, профилактики преступности, в том числе противодействия наркоугрозе.

К публикации принимаются статьи, посвященные актуальным проблемам по заявленной тематике, направленные на развитие научных знаний в области юриспруденции; распространение российского и зарубежного опыта борьбы с преступностью (теоретический и практический аспекты); апробацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований.

По решению редакционной коллегии в журнале могут быть опубликованы научные и информационные материалы, не предусмотренные тематикой журнала.

Редакция организует рецензирование каждой представленной рукописи.

Материалы публикуются на безгонорарной основе.

Рукописи и диски как опубликованных, так и неопубликованных материалов не возвращаются.

Авторы несут ответственность за достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Журнал распространяется по подписке, подписной индекс "Пресса России" 33356. Электронная версия журнала размещается в открытом доступе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на сайте института (<http://сибюи.мвд.рф>), в научной электронной библиотеке (<http://elibrary.ru>), а также на социальной международной платформе Readera (<https://readera.ru>).

Каждой статье выпусков присваивается цифровой идентификатор объекта (DOI).

Требования к статьям

1. Статья предоставляется в редакцию журнала в печатном виде с приложением электронной версии, соответствующей бумажному варианту. Электронный вариант статьи может быть предоставлен на носителе либо вложением в электронное письмо.
2. Вместе со статьей автор предоставляет заполненный и подписанный лицензионный договор (бланк договора доступен на сайте института).
3. К статье прилагается заключение комиссии об отсутствии сведений ограниченного распространения.
4. Для адъюнкта (аспиранта) прилагается отзыв научного руководителя.
5. Статья обязательно сопровождается письмом, в котором указываются контактные данные авторов (адрес, телефоны, адрес электронной почты).
6. К письму отдельным файлом прикладывается фотография автора в цифровом варианте в формате *.jpg, *.jpeg, *.tif, *.tiff с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).
7. Элементы издательского оформления материалов включают:
 - сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках, ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), наименование страны (для иностранных авторов);
 - заглавие публикуемого материала на русском и английском языках;
 - индекс УДК (Универсальной десятичной классификации);
 - аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках. Аннотация должна соответствовать ГОСТ 7.9-95 (ИСО 214-76) (в среднем 500 знаков);
 - приставный библиографический список, оформленный в соответствии ГОСТ 7.0.100 – 2018, в алфавитном порядке (**не допускается включение нормативных правовых актов в библиографический список, их надлежит указывать непосредственно в тексте статьи!**), количество наименований не должно превышать 25.
8. Технические требования:
 - текстовый редактор Microsoft Word (*.doc, *.docx);
 - параметры страницы: размер бумаги – А4 (21,0x29,7 см), поля – 2,00 см, расстояние до колонтитула – 1,25 см;
 - шрифт Times New Roman, обычный, кегль 14 пунктов;
 - абзацный отступ – 1,25 см, выравнивание по ширине (**не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел»!**), межстрочный интервал полуторный;
 - объем статьи 8-16 страниц;
 - сноски на литературу оформляются ссылками к приставному библиографическому списку (в квадратных скобках). **Список составляется в алфавитном порядке;**
 - графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические иллюстрации должны быть выполнены с использованием штриховой заливки, пронумерованы и представлены отдельными файлами в формате *.tif, *.tiff, *.jpg, *.jpeg в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм); подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект;
 - файл именуется по фамилии автора (авторов): «Иванов»; графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т.п.: «Рисунок 1.jpg», «Таблица 3.doc».
9. Статьи, не соответствующие перечисленным требованиям, не рассматриваются.

Ждем Ваши материалы по адресу:

660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20

E-mail: onrio@yandex.ru

Телефоны: (391) 222-41-30, 222-41-31

**Вестник
Сибирского юридического института
МВД России**
Научно-практический журнал

Редакционная коллегия:

главный редактор, он же председатель редакционной коллегии – Д.В. Ким, д.ю.н., профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);
заместитель главного редактора, он же ответственный за выпуск – Н.Н. Цуканов, д.ю.н., доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

члены редакционной коллегии:

Т.В. Куприянич – к.пед.н., доцент, заведующая кафедрой иностранного и русского языков Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

С.М. Мальков – к.ю.н., доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Е.Б. Мельников – к.х.н., доцент, начальник кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Е.В. Панов – к.пед.н., доцент, начальник кафедры физической подготовки Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

В.В. Пономарева – д.ю.н., профессор, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Н.А. Рябинин – к.ю.н., доцент, начальник кафедры гражданского права и процесса Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

А.Б. Судницын – к.ю.н., доцент, начальник кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

В.Е. Шинкевич – д.с.н., доцент, действительный член Академии педагогических и социальных наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск).

**Vestnik
of Siberian Law Institute
of the MIA of Russia**
Scientific and practical journal

Editorial Board:

Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board – Dmitry V. Kim, Doctor of Law, Professor, Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Deputy Editor-in-Chief, also being in charge for the issue – Nicolai N. Tsukanov, Doctor of Law, Ass. Professor, Deputy Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (on Research Work) (Krasnoyarsk);

Editorial Board Members:

Tatyana V. Koupriyanchik, Candidate of Pedagogic Sciences, Ass. Professor, Head of the Department of Foreign and Russian Languages, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Sergey M. Mal'kov, Candidate of Law Sciences, Ass. Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Yevgeny B. Melnikov, Candidate of Chemical Sciences, Head of the Department of Criminalistics, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Evgeny V. Panov, Candidate of Pedagogic Sciences, Ass. Professor, Head of the Department of Physical Training, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Valeriya V. Ponomaryova, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State Legal Disciplines, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Nikolay A. Ryabinin, Candidate of Law Sciences, Head of the Department of Civil law and Procedure, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Alexey B. Sudnitsin, Candidate of Law Sciences, Head of the Department of Criminal Procedure, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Vladimir Ye. Shinkevich, Doctor of Sociology, Ass. Professor, Full Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Professor of the Department of Humanities and Social Disciplines, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk).

Подготовлено к изданию Ю.В. Леонтьевой, Е.В. Василевской, В.Е. Рыбиным

Подписан в печать 06.12.2021
Вышел в свет 24.12.2021
Формат Р 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Souvenir.
Печать офсетная. Усл. печ. листов 27,25.
Тираж 150 экз.
Заказ 380.

Адрес редакции и издательства:

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.

660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.
Отпечатано в типографии НИРИО.
Сибирский юридический институт МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.